

Виталий Озеров

КОММУНИСТ
НАШИХ ДНЕЙ
В ЖИЗНИ
И
В ЛИТЕРАТУРЕ

83 P2
✓ 6-46

Виталий ОЗЕРОВ

•
КОММУНИСТ
НАШИХ ДНЕЙ
В ЖИЗНИ
И
В ЛИТЕРАТУРЕ
•

Литературно-критические
и публицистические
очерки

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1976

Профессиональная библиотека
лит-та „Тульма“
г. Тула

53845+

✓

8P2
O46

Оформление художника
Вл. МЕДВЕДЕВА

© «Художественная литература», 1976 г.

О 70202-148 223-76
028 (01)-76

**«КОММУНИСТЫ,
ВПЕРЕД!»**

Два эти слова — как страстный призыв, как властная команда. Слышишь их, и в памяти всплывают опаленные огнем поля сражений Великой Отечественной. Снова встают перед глазами друзья юности — молодые политруки сорок первого, кровью и жизнью своей подтвердившие гордое право быть коммунистом, поднимать в решающий бой партийных и беспартийных патриотов. Живым символом воинской славы воспринимается сегодня известный с военных лет снимок Макса Альперта «Комбат». Над окопом в полный рост встал человек с пистолетом в поднятой руке, лицо его исполнено напряжения и отваги, призывный его голос сейчас поведет бойцов на вражеский дот. Никто и ничто не остановит таких, как он, лишь смерть может обрушить его на землю, но он все равно сделает еще шаг вперед, последний, нетвердый, но только вперед, обязательно вперед!

Тридцать с лишним лет назад, в июле 1942-го, корреспондент не успел узнать и записать, кого он снимает. Комбат и безымянным вечно жил бы в нашем сознании. Но есть глубокая историческая, человеческая справедливость в том, что, восстанавливая имена павших

героев, настойчивые следопыты войны смогли недавно узнать и это имя: Алексей Еременко. Стала известна его биография.

Какая яркая и типичная для советской эпохи жизни!

20-е годы. Алексей был батраком у деревенского богатея. Не захотел жить по-старому. Стал организатором комсомольской ячейки. Возглавил первую в родных краях, совсем маломощную тогда артель. Тушил подожженную кулаками избу и на руках вынес из нее раненую жену — кулацкий прихвостень успел полоснуть ее ножом. И на покосе никто не мог утнаться за председателем. И в выполнении своего гражданского долга член партии с 1940 года Алексей Еременко был первым: ему дали бронь, не отпускали из колхоза, он добился отправки на фронт. В звании политрука прошел короткий, но славный путь до того рокового дня, когда под Ворошиловградом последний раз поднимал бойцов в атаку.

В этот звездный свой час боец партии вновь был на самом передовом участке. Как всегда, как всю свою жизнь! Неизменно и победно звучал над нашей землей всепокоряющий клич: «Коммунисты, вперед!»

Звучит снова, снова зовет к доблести и славе, к героизму в борьбе и труде.

Иногда говорят: подвиг — это революционный штурм, фронтовая доблесть, а ныне у нас — мирные дни, обыкновенные будни.

Мирные дни? Несомненно, и отлично, что они мирные. Обыкновенные будни? На этот счет можно поспорить: и спокойствием время нас не балует, и «будни» социализма требуют многого от каждого.

Вот характерный эпизод из повседневной жизни южного района страны.

Июль. Горячая страда для земледельцев. Не успели закончить одно сражение — убрать хлеба, началось второе — вывозка урожая. На подмогу колхозникам была выделена специальная автоколонна. Шоферы трудились добросовестно, к концу командировки зерна оставалось совсем немного — на две-три ездки. Правда, колонна уже должна перебазироваться, но колхоз это не беспокоило: за сутки-другие смогут управиться собственными машинами.

Непокорная природа опрокинула все наметки. Какие там сутки, если счет пошел на часы! Телефон принес тревожную весть о приближении циклона. Он уже свирепствует в соседнем районе; обрушатся ливень, град, ветер на открытые тока — развеет все до последнего зернышка. Колхозники бросились к начальнику автоколонны — просить сделать те самые несколько ездов, которые так нужны. Он развел руками: всем сердцем сочувствует, но график спущен сверху, машины вскоре должны быть в другом месте.

Угрожающе быстро летели минута за минутой, на горизонте появилась, нарастая, темная полоса. А водители ждут лишь команды, чтобы сесть в кабины, включить моторы. Было видно, что шоферы чувствуют себя не очень-то ладно: плечом к плечу работали вместе с колхозниками, а в трудную минуту придется оставить их одних. Однако приказ есть приказ...

Секретарь райкома партии пытался дозвониться в область, договориться с руководством треста. Ничего не вышло. Между тем положение становилось все более угрожающим, медлить дольше было нельзя. И тогда он принял решение, на которое у коммуниста есть право в особо ответственный момент.

Представим себе этот момент. Под мрачно нахмурившимся грозным небом, на степной дороге длинная колонна машин, у кабин выстроились водители, в стороне встревоженной кучкой стоят колхозники. Что дальше? Неужели уйдут машины, погибнет политый обильным потом урожай? Все глаза устремлены на секретаря райкома. Он внимательно оглядел собравшихся, задумался на секунду, и вдруг не очень громко, но внятно, и так, что дрогнули сердца у людей, сказал:

— Коммунисты! Ко мне!

К нему подошли десятка полтора водителей. Парни помоложе, оставаясь на месте, с ожиданием смотрели на секретаря. Он понял и добавил:

— Комсомолы тоже.

Комментируя происшедшее, наверное, надо было бы сказать, что оно не укладывается в существующие законоположения и узко понимаемые уставные требования. Но об этом ниже, а сейчас проследим за развитием событий.

Руководитель района не приказывал. Объяснил положение дел. Напомнил об общественном долге. Избрал форму объединения людей, проверенную партийно-советским опытом и привычную для них, патриотов, коллективистов по самому своему складу.

— Экстренное, чрезвычайное партийное собрание на территории вверенного мне района считаю открытым... С моря надвигается циклон. Хлеб под угрозой... Пользуясь правом, которое мне дано партией на этой территории, а также учитывая сложившуюся ситуацию, прошу вас перенести отъезд на два-три часа и помочь нам спасти хлеб. Всю ответственность беру на себя. Вас же прошу от имени партийной организации района, от имени бюро райкома выполнить ваш патриотический долг: спасти первейшее богатство государства — хлеб.

Не нашлось никого, кто не внял бы этому призыву. Хлеб спасли. Секретарю райкома не пришлось оправдываться в поступках, ответственность за которые он смело взял на себя. Но если бы и пришлось, он все равно поступил бы именно так, как поступил. Я не называю имени энергичного человека, о ком довелось прочитать в одной из газетных корреспонденций. Речь идет не о личных заслугах, а о показательной для настоящего коммуниста готовности брать на себя ответственность за все, что происходит в мире.

Такую благородную готовность воспитала у своих членов Коммунистическая партия, написавшая на своих знаменах борьбу за свободу и счастье народа, за судьбу человечества. Этой борьбе посвятили себя несколько поколений коммунистов.

Безымянный, как мы прежде думали, политрук с фотографии военных лет и нынешний секретарь сельского райкома могли быть лично очень непохожими людьми. Что их роднит и сближает? Великое чувство партийности, неодолимое стремление быть в авангарде борьбы. А это, только это и является единственной привилегией коммуниста. Высокое звание члена партии он взял на себя не ради материальных благ, а ради того, чтобы быть там, где всего нужнее. Так было, так есть, так будет, ибо могут меняться реальные жизненные обстоятельства, но не изменится природа коммунизма.

Через какие бури истории прошли наш народ, наша партия!

На заре века большевики продвигались вперед под непрерывным огнем врага — «тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки» (Ленин)¹. Совсем еще немногочисленный отряд, спаянный единством убеждений и сознательной дисциплиной, как магнит, притягивал к себе сердца тружеников. Пламенное слово *большевик* стало символом веры и надежды для одних — людей труда, предметом страха и ненависти для других — народных недругов. Проходили годы и десятилетия, — мир все с большей остротой думал, говорил, спорил о русской революции, о социализме. После победы в Октябре 1917 года стремительно растущие силы борцов за Советскую власть наголову разгромили полчища белогвардейцев и интервентов.

На стройках первых пятилеток трудились уже миллионы коммунистов. Вокруг партии спланивается все больше единомышленников, ее идеалы вдохновляют всех энтузиастов социалистического преобразования страны.

Нерушимое единство, достигнутое советским народом, прошло еще одну, может быть, самую трудную проверку в годы Великой Отечественной войны. Опять коммунисты шли вперед, и опять их примеру следовали самые лучшие. Ныне в КПСС пятнадцать с половиной миллионов членов — они вдохновляют народ на новые подвиги коммунистического строительства.

От маленькой горстки — до могучей армии, возглавляющей монолитное социалистическое общество, — воистину есть чем гордиться партии великого Ленина.

Блистательны результаты советской Программы мира, прокладывающей пути для счастья человечества. Притягателен наш опыт социального развития, увенчавшийся прекрасным итогом: формированием новой личности, высокосознательной, духовно богатой.

В тезисах ЦК КПСС, принятых на пленуме Центрального Комитета в июне 1967 года, говорилось: «Экономические и политические преобразования обусловили глубокие изменения в общественном сознании, утвердилось идейное единство советского общества. Маркси-

¹ В. И. ЛЕНИН. Полн. собр. соч., т. 6, с. 8.

стско-ленинская идеология стала могучей движущей силой социального развития, важным фактором сплоченности советских людей, источником их общественно-политической и трудовой активности. В стране выросли поколения людей, воспитанные в духе беззаветной преданности коммунистическим идеалам, убежденные в правоте нашего великого дела. Выковался характер советского человека — борца, революционера, сознательного труженика»¹.

Осуществляя исторические решения XXIV съезда КПСС, советские люди героическими делами вновь подтвердили свою коммунистическую сознательность и убежденность.

Трудовая активность, широкая инициатива масс, дух конструктивности в работе, взыскательного отношения к сделанному — все служит тому, чтобы закреплять достигнутое, браться за новые и новые задачи.

Подлинно творческая атмосфера, созданная в стране партией, самым благотворным образом сказалась и на развитии народного хозяйства, и на интенсивности социально-психологического роста советского человека, который живет и работает под руководством коммунистов, безгранично верит им, следует их воодушевляющему примеру. Уже завершена девятая пятилетка, советское общество сделало еще один важный шаг по дороге к коммунизму.

Наше время — время итогов и вместе с тем новых планов, еще более широких и перспективных. Выполнены предначертания XXIV съезда КПСС, выросли новые индустриальные гиганты, еще более окреп колхозный строй, советская наука покоряет и землю нашу, и бесконечный космос, советская культура создает ценности, достойные зрелого социалистического общества. А гражданин этого общества уже устремлен в завтрашний день, вся страна с огромным подъемом готовится сегодня к XXV партийному съезду, готовится встретить его большими трудовыми победами.

Идя навстречу съезду, советские люди вновь обращают свои сердца и думы к организатору и вдохновителю всех достигнутых побед — к Коммунистической партии. Коммунист — в этом слове и признательность партии, вырастившей в своих рядах беззаветных сынов

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы». М., Политиздат, 1967, с. 67—68.

и дочерей, и обозначение нового человека, человека коммунизма.

Наша литература увидела в революционере-ленинце воплощение вековых стремлений народа. Верными спутниками молодежи стали Павел Власов, Чапаев, Кожух, Левинсон, Давыдов, Корчагин... Современные произведения, в которых изображен «человек партии» (выражение Горького), — в центре внимания читателей и зрителей. Достигнуто многое. Народ ждет еще большего от советских писателей, и закономерно их стремление взыскательно рассмотреть свою деятельность, обсудить стоящие перед ними творческие задачи.

В название данной книги вынесены слова: «Коммунист наших дней в жизни и в литературе». В жизни. Поэтому автор намерен обращаться к происходившим в действительности событиям, к живым людям, пусть не всегда обозначая точный адрес, подлинную фамилию. Поскольку же вторая часть названия гласит: «...и в литературе», — правомерно, думается, сопоставлять материал жизни и материал искусства, опыт тех, кто стал героями художественных произведений, а также тех, кто создает такие произведения.

Создает произведения и хочет слышать нелицеприятные мнения о них. Заинтересован в том, чтобы результаты его труда были сопоставлены с самой жизнью, которая вдохновляет художников и на которую они стремятся воздействовать средствами искусства. Что дают такие сопоставления и тем, кто создает художественные произведения, и тем, для кого они предназначены, видно на следующем примере из литературной жизни.

Весной 1974 года в Тбилиси состоялось Всесоюзное совещание писателей и критиков. На обсуждение был поставлен вопрос о воплощении в литературе образа коммуниста. В дискуссии приняли участие и писатели и партийные, советские работники, деятели науки, производства. По-разному, но об одном говорили: о любви к партии, народу, о значении образа коммуниста для идейного воспитания молодежи, для творческого развития самих мастеров слова.

На трибуне Валентин Катаев — один из крупнейших советских художников.

— Председатель сказал, что мне нужно приготовиться к выступлению. Может быть, к этому выступлению я готовился всю жизнь. Как известно, бытие определяет сознание. Уже на старости лет я могу подвести итоги тому бытию, которое создало мое сознание, сознание коммуниста...

Речь-исповедь. Человек, которому недалеко до восьмидесяти, словно листал страницы истории. Он свидетельствовал: на всех ее поворотах судьбу народную, его собственную определяли встречи с большевиками. Делился своими воспоминаниями; самые первые из них — ни много, ни мало! — о восстании на броненосце «Потемкин», исход его многие связывали с тем, удастся ли добраться из Швейцарии в Одессу посланцу Ленина (в городе ходили слухи, что комиссар послан). Перебирая в памяти революционные вехи, имена партийцев, взявших шефство над литературной молодежью 20-х годов, посылавших писателей на стройки первых пятилеток, Катаев подытожил: он лично, как и его спутники по литературе, всегда «морально опирался на этого сильного человека-революционера». Когда счел себя вправе, подал заявление о вступлении в партию. А ныне не может скрыть своей гордости: «Посмотрите вокруг, какие огромные победы одержаны страной, какое счастье принесла Советская власть народу! Все победы завоеваны под руководством партии, и правдиво рассказать о них — наша обязанность».

Об этой же обязанности, в сущности, было и второе выступление. Оно принадлежало писателю другого поколения — военного, и опиралось на память этой грозной и славной поры. А зачин речи снова носил автобиографический характер.

— Я вам скажу, как возникло это произведение, — начал Александр Межиров, имея в виду свое знаменитое стихотворение «Коммунисты, вперед!». — Я участвовал в разведке боем на Ленинградском фронте... Ничего страшнее быть не может — батальон в рост идет под огнем врага, вернее — на огонь, чтобы наша артиллерия могла засечь орудия и пулеметы противника. Казалось, ничто и никто не сможет поднять залегших бойцов. И вот в этот миг первый раз услышал я команду, которая поднимает в атаку всех и каждого. Ее подал раненый, еле стоящий на ногах политрук, не выкрикнул даже, а произнес хриплым, но дошедшим до

всех шепотом: «Коммунисты, вперед!» Поднялись и коммунисты и беспартийные... В эти дни в землянке, в окопе, не за письменным столом стали складываться стихи. Строфы объединялись рефреном, его я сделал названием своего произведения.

Зал слушал, затаив дыхание, взволнованный, настроенный «на одну волну» с оратором. На теоретическом обсуждении звучали стихи:

Есть в военном приказе
Такие слова,
на которые только в тяжелом бою
(Да и то не всегда)
Получает права
Командир, подымающий роту свою.

Не только о прошлом, о жарких фронтовых схватках напомнили «такие слова». Они — о нас, нынешних, о тревогах современного мира, о трудовых фронтах новой пятилетки.

Повсеместно,
Где скрещены трассы свинца,
Где труда бескорыстного — неупреждение,
Сквозь века,

на века,

навсегда,

до конца:

— Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!

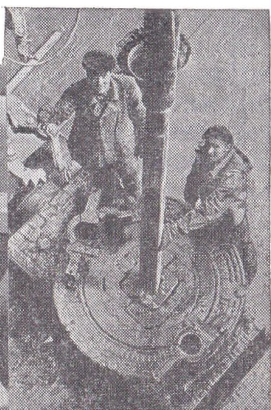
Оправдан ли здесь подробный рассказ о писательском совещании, тем более что не на совещаниях пишутся книги? На мой взгляд, вполне оправдан. И потому, что читательская публика постоянно интересуется жизнью и работой, раздумьями, планами авторов побывавших книг. И потому, что, собравшись вместе с широкой общественностью, прозаики, поэты, драматурги, критики вели «на людях» принципиальный разговор о художественном осмыслении очень важной, коренной темы современности. И о достигнутом литературой. И о том, что пока не получилось. Участники тбилисского совещания были единодушны в выводе: советская литература не просто продолжает плодотворнейшие традиции, она с новой интенсивностью и повышенной ответственностью обращается ныне к образу коммуниста. Углубляется писательское внимание к этому образу, появляются характерные новации в

художественном изображении вожака и организатора масс. Успехи радуют, но немало еще предстоит сделать...

И — надо сделать! Ведь коммунист-ленинец для советских людей — олицетворение высоких коммунистических качеств, получающих все более широкое распространение в народе по мере нашего движения к коммунизму.

В АТМОСФЕРЕ
ТВОРЧЕСКОГО
ПОДЪЕМА

53842

Обратимся еще раз к эпизоду со спасением колхозного зерна. Нет нужды доказывать его общественную значимость. А что стоит за ним, что двигало его участниками? Только решительность и воля секретаря райкома? Импульсивный порыв поднятых им людей? Думаю, что такое объяснение было бы очень поверхностным. На призыв секретаря откликнулись так дружно, потому что он соответствовал умонастроению коллектива автоколонны. Да, когда нужно поступить по социалистическим нормам, шоферы почувствовали себя единым коллективом. Советским коллективом, для которого принципы товарищества, взаимовыручки, личной ответственности за общее дело стали близкими и родными.

Иногда ловишь себя на такой мысли. Занятые текущими заботами, мы как-то и не вдумываемся в существо совершающихся в жизни перемен. Все кажется привычным, само собой разумеющимся. Конечно же, никому не безразлично то, что происходит вокруг нас. Как же иначе, что тут особенного? Между тем В. И. Ленин в появлении личной ответственности за общее дело, в заботе каждого о высокой производительности труда

видел зримую примету коммунизма. Тем более важно в наши дни, когда воспитание коммунистических качеств в народе стало практической задачей, пристально вглядываться в новые стимулы, движущие советским человеком, проверять их коммунистичность.

А эти стимулы проявляются особенно полно и широко в условиях развитого социалистического общества, в атмосфере всенародного творческого подъема накануне XXV съезда КПСС. Партия учит вдохновенному отношению к труду, воспитывает трудящихся в духе инициативы, самостоятельности, верности высоким моральным нормам. Плоды работы не заставляют себя ждать — общие интересы становятся и главной заботой труженика, и источником его всестороннего интеллектуального роста. Сбываются прогнозы марксизма о новом обществе, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹.

Может быть, результаты огромной организаторской и воспитательной работы коммунистов всего заметнее именно в росте творческой энергии, в инициативных поступках героев пятилетки. Партийные и беспартийные патриоты выполнили уже по два, по три пятилетних плана. Создали бригады, цеха, заводы коммунистического труда. В свои обязательства включают пункты о коммунистической нравственности. Твердо руководствуются голосом партийной совести.

Но тут, пожалуй, надо иметь в виду две стороны вопроса. Во-первых, итоговый поступок, соответствующий новым моральным нормам. А во-вторых, факторы, подготовившие его. Историю, похожую на ту, что произошла на юге страны, пришлось наблюдать еще в одном из наших районов.

И во втором случае герой ее — секретарь райкома партии. Вначале несколько слов для общего представления о том, кому — условно — дано имя Олега Борисовича.

С Олегом Борисовичем мы знакомы уже не первый год. И все-таки при каждой встрече я не перестаю удивляться: время вроде не властно над этим крепко сбитым, темноволосым человеком. Становясь старше возрастом, солиднее на вид, он все такой же подвиж-

¹ К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Соч., т. 4, с. 447.

ный, бодрый, стремительный. Не просто увлечен районными делами — горит ими, твердо уверен, что осуществит все задуманное, не смущается, когда что-нибудь не сразу удастся «пробить». «Так или иначе — своего добьемся!»

Замечательное поколение сорокалетних! Молодые, хорошо образованные, выдвинувшиеся после Октябрьского (1964 года) пленума ЦК, партийные работники и этой формации действуют смело, энергично, самостоятельно. Олег Борисович семь лет возглавляет партийную организацию большого района. На его плечах многоотраслевое хозяйство, внутрипартийная работа, сложные кадровые вопросы, организация политической учебы, бытовой и культурной жизни населения. Все стекается сюда, в райком: сводки о выполнении плана, протоколы партийных собраний, заявления по квартирным делам, жалобы, письма трудящихся. Кто только не входит в секретарский кабинет: руководители предприятий и учреждений, парторги, учителя, врачи, библиотекари, пенсионеры... Удивительно это многообразная и универсальная деятельность, деятельность «районщика»!

Олег Борисович за все берется и очень многое успевает. Можно предположить: к вечеру будешь как выжатый лимон. Но не только возраст, — весь ритм жизни Олега Борисовича словно придает ему творческую неутомимость. Какой там отдых, если надо побывать еще на собрании в первичной организации! Если предстоит написать статью для газеты. Если обещал сводить жену на премьеру в театр, а потом еще встретиться с друзьями. Встреча, тут уж ничего не поделаешь, затянется до глубокой ночи, и обязательно раздастся требование: «Олег, песню!» Хочешь не хочешь, придется взять гитару.

Чего там «не хочешь», — рука сама тянется к любимому инструменту. А в песне, боевой, задорной, прорывается тот же характер «заводного» человека, не признающего «тихого» досуга, без друзей, без компании. Друзья же, в большинстве своем — это соратники, ближайшие помощники первого секретаря. Они с ходу подхватывают неиссякаемые идеи, стараются даже внешне походить на Олега Борисовича. А когда в чем-то не согласны с ним, безбоязненно вступают в дискуссию — так уж заведено в районе.

Неуверенности в себе у Олега Борисовича, скажу прямо, наблюдать не приходилось. В начале своего секретарства, случалось, и зарывался. Не всем местным авторитетам верит. Но если знает, что авторитет заслужен делами, в такого человека готов влюбиться. Как влюблен, к примеру, в первого секретаря обкома. Говоря о нем, употребляет уважительно-ласковое: «Батька». Рассказывая о себе, частенько признается: «Конечно, не поспорить я не мог. А все же вижу: прав батька, нельзя не пересмотреть наше предложение. Силен старик, ничего не скажешь!»

Ну, а откуда уверенность секретаря райкома? И от знания, что старшие товарищи хоть и поправят, когда надо, а смелую инициативу обязательно поддержат. И от радостного ощущения, что за ним охотно идет множество людей. И вот тут самое время сделать обещанное сопоставление двух внутренне близких эпизодов. Однажды я спросил Олега Борисовича, какой день запомнился ему как самый трудный.

— Трудный, но и очень примечательный! — ответил он. — Им оказалось июньское воскресенье прошлого года. Накануне вечером я поехал на рыбалку. Уговорились с товарищами: после утомительной недели отпустят на сутки-другие, ни за что не станут вызывать, беспокоить. И все же среди ночи меня разбудили. Услышал, что случилось, — о всяком отдыхе начисто забыл: плотину прорвало! До райцентра каких-нибудь полсотни километров, а добирались часа два. То баллон на машине спустил, то на железнодорожном переезде застряли — товарняк, как назло, маневрирует. В общем, можете представить мое состояние, когда наконец добрался до райкома. Влетел к себе, на третий этаж, будто олимпийский чемпион Валерий Борзов. Приказы так и рвутся с языка. Всех на телефоны! Скорее вызвать людей из квартир, с дач. Направить актив на объекты. На промкомбинат надо поехать самому. А кого послать на электростанцию?

С немного смущенной улыбкой Олег Борисович продолжает:

— И вдруг выясняется: особые распоряжения уже не нужны. В моем кабинете — второй секретарь, несколько членов бюро райкома. А где остальные, неужели их до сих пор не вызвали? Мне спокойно так объясняют: не волнуйтесь, пожалуйста, все уже на

местах. Как только узнали о беде, каждый приступил к своим обязанностям без специальной команды. Одни пришли в райком, райисполком, другие отправились прямо на предприятия. И радовался я за организованность нашу, и переживал: сам-то опоздал, вроде на готовое прибыл...

«Опоздал», прибыл на «готовое»? Нет, секретарь райкома не опоздал: борьба со стихией началась вовремя. Да, он прибыл на «готовое», но этим мог гордиться — значит, принес свои результаты теперешний стиль работы, который упорно внедряется партийными организациями: деловитость, вера в сознательность масс, воспитание инициативы, самостоятельности, ответственности. Сплоченный коллектив, в котором каждый знает свои обязанности и чувствует всеобщую поддержку, такой коллектив действует как саморегулирующаяся система. Только «система» эта движется не винтиками и колесиками, а сознанием, убеждениями, волей и характерами очень многих людей. Тем ответственнее работа с таким коллективом.

— Вот ты говоришь, как все дружно собрались, какие все умные, толковые, — своеобразно прокомментировал Олег Борисович мою реакцию на его рассказ. — А между прочим все — это и такие, как Евгений Гришаев, директор цементного завода, — он всегда славился своей оперативностью, и такие, как его заместитель Николай Светлов — слабовольный он, хоть и неплохой человек. И как Александра Ивановна, третий секретарь, она половину моих предложений встречает в штыки. Что ни человек — то персона. Что ни персона — особый подход нужен. Пока добились нынешнего взаимопонимания, столько было и споров и обид! Пока сложится твоя «саморегулирующаяся система», столько надо поработать с отдельными людьми!

Да, конечно, все сложнее, чем кажется на первый взгляд. Наводнение есть наводнение, без аварий не обошлось, была не только организованность, где-то и растерялись, что-то и прошляпили. Не каждый оправдывает возлагаемые на него надежды. Но в главном Олег Борисович прав: решает опора на людей, умение «приставить» каждого к делу, раскрыть талант работника, научить его чувствовать себя членом единого коллектива. В этом — «секрет» организаторских успехов моего давнего друга. Да и его ли одного? Олег Бо-

рисович не зря назвал имя Гришаева. Кадровый хозяйственник, Евгений Иванович с комсомольской своей юности привык жить заботами и волнениями коллектива. Возможно, потому так слаженно действовали на заводе во время аварии, что давно прониклись чувством своего рабочего единства. С согласия райкома на цементном издавна проводятся вечера рабочих династий, встречи молодежи с ветеранами. Поступающих на завод посвящают в рабочие. Делается это в торжественной обстановке. Каждому вручают рабочую путевку, в которой сказано, что отныне честь заводского коллектива — его честь, ее надо беречь пуще собственного глаза.

И этими примерами сейчас трудно кого-нибудь удивить. В соответствии с рядом партийных решений в стране идет планомерная разработка путей и методов повышения производственной и общественно-политической активности трудовых коллективов, идейного воспитания их членов. При этом, как подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев, «в условиях коллективного социалистического труда значение индивидуального творчества не только не снижается, а, напротив, возрастает. В сущности, лицо коллектива в большой мере определяется наличием в нем людей, которые задают тон, служат вдохновляющим образцом. О них можно сказать, используя термин, применяемый на флоте, — «впередсмотрящие»¹.

Тон задают передовики, люди инициативные, «впередсмотрящие». В этом залог новых побед и достижений нашего общества. Но также источник новых проблем, встающих перед вожаками. Возросший уровень общественного самосознания, чувство личного достоинства работников многого требуют от тех, кто руководит ими. По мнению ученых — экономистов и социологов, ныне совершенно недостаточна односторонне направленная «коммуникация»: от руководителя — к коллективу; приказ — выполнение. Авторитет руководителя обеспечивается не просто его должностью, но признанием коллектива. Если лидер коллектива не формальный, а заслуживший уважение как личность, как выразитель общих стремлений, «коммуникация» станет взаимной: и от коллектива — к руководителю.

¹ Л. И. БРЕЖНЕВ. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., Политиздат, 1974, с. 241.

Рассказывая о некоторых жизненных наблюдениях, обращаясь к трудам социологов, мы не собираемся слишком отдаляться от основного объекта своего рассмотрения: коммунист в литературе. Речь должна идти об изображении средствами художественного слова реального героя наших дней. И в самой действительности, и в произведениях искусства этап сегодняшнего духовного развития общества выдвинул на первый план ситуации, связанные с проверкой нравственных возможностей героя, с осознанием им своей роли организатора и вдохновителя коллектива, живущего по социалистическим нормам. Вспомним содержание некоторых характерных в этом смысле произведений.

...Ни одного спокойного дня, ни минуты для отдыха,—коллектив ученых и инженеров накануне важного открытия. Все тут нелегко и непросто. Новая область науки—изучение атмосферного электричества, грозových разрядов, попытка использовать их на пользу человеку. Сложность взаимоотношений между теми, кто беззаветно занимается трудным и рискованным делом, и теми, для кого оно—ступенька личной карьеры. В романе «Иду на грозу» Даниил Гранин одним из первых в литературе раскрыл нравственную подоснову производственного, научного конфликта, разделившего на два лагеря тех, кто взялся покорить грозу. Катастрофа во время эксперимента заставила каждого окончательно определить свою позицию. Ловкий приспособленец Тулин верен давно выработанной программе: «Вся-то наша жизнь—компромисс». Сергей Крылов решается на новый бой—и со стихиями, и с трусливыми приспособленцами. Иначе и не может поступить этот человек, прямой, честный, принципиальный, словами и делами исповедующий нравственную бескомпромиссность. «Раз у меня есть убеждения,—формулирует свое жизненное «кредо» Крылов,—я должен отстаивать их, а если не сумел, то уже тогда лучше уйти, чем в сделку вступать... Иначе нельзя, ведь только через себя мы можем для всех...»

...И опять обстановка трудового напряжения, заботы о планах, не меньше—о людях. Действие развернулось на строительстве газопровода, затрагиваются сугубо «производственные» проблемы. Но они неизбежно и социальные, нравственные, решить их сможет лишь тот, кто правильно построит отношения с

коллективом. В повести «Знакомьтесь, Балуюев!» Вадим Кожевников не стал водружать на котурны своего главного героя. Наоборот, пишет о Балуюеве в иронической манере, словно стесняясь сказать в полный голос о том, какой это интереснейший человек. Никакой лирики, сентиментальности,— скупой рассказ о делах и людях. Тем не менее в Балуюеве зримо проступает подлинно гуманистический современный стиль работы. Он немолод, помнит еще тот период, когда успех строителям приносили штурмы да авралы. Теперь, убежден коммунист-руководитель стройки, «только явный глупец может не замечать, как от властного обращения с новейшими и все более совершенными машинами стремительно вырастает гордая уверенность советского человека, а вместе с нею и крайняя его обидчивость, если кто-нибудь не способен понять, сколь резко и ярко проявляется его индивидуальность, его особые свойства, помноженные на количество сил управляемого им механизма». Эта уверенность, испытываемое советским человеком «самозабвенное наслаждение от своего труда» дают право считать, «что он уже стоит одной ногой в коммунизме». Как заглянуть в будущее? Ответ конкретен: воспитывать высокочинательных людей, сочетающих общие и личные интересы. Девиз Балуюева: «Ищи у каждого человека, в первую очередь, его лучшее, а не худшее»; «...хозяйственник отвечает за состояние души человека не меньше, чем за состояние техники». Добавим, что о воздействии коммунистов на людские души, о дальнейшем идейно-нравственном сплочении коллектива Кожевников расскажет и в последующих своих произведениях, в частности, в повестях «Особое подразделение», «Петр Рябинкин» и «В полдень на солнечной стороне».

...Снова жизнь производственного коллектива. Предстоит пуск только что сооруженной доменной печи. Строители уже готовятся получать премии. А тот, от кого зависит пуск печи, вдруг решительно воспротивился этому: у нее есть крупные недоделки. Чисто деловой спор? Нет, столкнулись противоположные характеры. Человека, относящегося к делу с чувством глубочайшей ответственности, с одной стороны, и безразличных деяг, с другой стороны. Первый не всем мил, кого-то и обидеть может, и оттолкнуть отказом в премии. Но именно он становится неформальным

лидером коллектива, ибо работает творчески, самостоятельно, демократичен в своих методах. Не только «бойцовский характер», как Владимир Попов аттестует Рудаева — героя своих романов «Обретишь в бою», «И это называется будни...». Характер коммуниста-организатора, которому всего важнее развязать инициативу работников. В центре романов конфликт между сменяющими один другого начальниками цеха, «блистательным» Гребенщиковым, подавляющим людей, и Рудаевым, ориентирующимся на коллективную творческую мысль. Когда Рудаев решился перевести одну из печей на новый режим, то «собрал коллектив объяснить значимость этих опытов, посоветоваться, как лучше их провести». Став начальником цеха, он начал с того, что организовал технический совет, и это «окончательно расположило к нему людей. Они перестали чувствовать себя покорными исполнителями чужих замыслов. Еще бы! Сами выражают свою волю, сами проводят в жизнь свои решения, сами обсуждают и утверждают инструкции. Эта попытка начальника опереться на опыт и творческие силы коллектива стала быстро приносить свои плоды. Она будила мысль, взывала к активности».

...И, наконец, еще один отображенный литературой сюжет — на этот раз из жизни геологов-золотоискателей. Нет, не происхождения джекклондоновских героев сегодня. Тяжкий — и увлеченный! — труд советских людей, в условиях Заполярья. Многообразие взаимных интересов, симпатий, антипатий. Лишь самому поверхностному взгляду покажется, что герои романа Олега Куваева «Территория» просто ради больших денег оказались на Севере, что свои обязанности они выполняют бездумно-привычно. Почти каждым движет страстная любовь к делу — оно стало призванием, окрыляет и облагораживает. В «лобовую атаку» идут Чинков, другие «корифеи» — руководители золотодобывающей промышленности, энергичные, с широким размахом (им нравится «лобовая атака, они уважали смелость»). Рабочие-золотоискатели тоже органически усвоили, что победу приносят человеческое упорство, «мозоли и пот работяг», «безжалостный, рискованный расчет», и решили жить так, чтобы никогда не дешевить, не поддаваться гипнозу «приобретательства и безопасных уютных истин». Поняли, что «настоящий долг сидит в

сущности человека», что это тяжесть борьбы, усталость, «мечты и святое чувство нужной работы». И если ты «веруешь в грубую ярость *твоей* работы — тебе всегда будет слышен из дальнего времени крик безвестного работяги: «А ведь могём, ребята! Ей-богу, могём!» Перенимая слово у своих персонажей, автор продолжает: «День сегодняшний есть следствие дня вчерашнего, и причина грядущего дня создается сегодня. Так почему же, допустим, вас не было на тех тракторных санях и не ваше, а чье-то другое лицо обжигал морозный февральский ветер? Где были, чем занимались вы все эти годы? Довольны ли вы собой?»

Разные книги разных авторов, по-разному написанные. Созданы они в период, охватывающий примерно пятнадцать лет. Можно говорить о заметных отличиях этих произведений, но еще очевиднее сходство в самом подходе к герою современности. В ряде случаев этот герой бледнее, чем в жизни; например, романы Попова понесли немалый художественный урон из-за обилия сухих, психологически невыразительных описаний, не все образы равноценны у Куваева, в статьях и рецензиях высказывались критические замечания и о романах Гранина, Кожевникова. Мы далеки от мысли, что современная литература уже всего достигла. Однако не по-хозяйски было бы не заметить углубления такого ее качества, как социально-психологический анализ.

Абстрактные искания «духовности» сегодня все решительнее вытесняются в нашем искусстве продуманным гражданственно зрелым разговором о реальном содержании строительных будней, о людях, умеющих и стремящихся делать дело, в нем утверждающих коммунистическую нравственность. Несомненна активизация романа о современности — разворачиваются оживленные споры вокруг новых произведений Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Анатолия Ананьева, Владимира Тендрякова, Виля Липатова. Читая произведения этих авторов, названные выше романы и повести, нельзя не обратить внимания на их морально-этический пафос. Авторы показали, что именно в среде рабочего класса с наибольшей силой проявляются социалистические нравственные отношения. Что коммунисты твердо следуют принципу: «через себя» — «для всех», они берут на себя ответственность «за со-

стояние души человека», им важно так организовать работу, чтобы она «будила мысль, взывала к активности», заставляла всех задаться вопросом: «Довольны ли вы собой?».

Такой вопрос не раз уже ставился в нашей литературе. А сейчас ставится особенно остро. Все мы помним формулу социализма: от каждого по способностям, каждому — по труду. Она уже, так сказать, вошла в наш быт. Советский человек испытывает органическую необходимость полностью осуществить свои способности, и в литературе появился своеобразный конфликт: осознав себя, свои силы и требования, личность претендует на общественное признание. Вовсе не из-за нескромности; члены коллектива, им сформированные и в нем выросшие, видят свой долг в том, чтобы максимально быть полезными ему, вести дальше, вперед. Назовем хотя бы повесть Виля Липатова «Сказание о директоре Прончатове».

Вызывал на споры уже сам сюжет повести. Главный инженер сплавконторы Олег Олегович Прончатов добивается, чтобы его назначили директором конторы. Если бы героем повести двигал карьеризм, — предлога для полемики и не было бы. Но Прончатов хочет стать директором, потому что превыше всего любит свое дело и твердо убежден: лучше него никто с этим делом не справится. И все же — самовывдвижение... Допустимо ли оно, не получится ли так, что, привыкнув к подобным методам, честолюбивый Прончатов пойдет по дорожке карьеристов?

Расхождения в оценках главного героя повести во многом объяснялись различиями в позициях критиков. Сказалась также известная внутренняя противоречивость образа. К тому же, опасаясь, видимо, что «былинная мощь», которой автор наделяет сплавщиков, обернется риторикой, автор прибегает к иронической интонации; зачастую она вполне оправдана, но иногда в повести возникает художественный диссонанс — там, где эта интонация не сочетается с реалистически-бытовой достоверностью. В целом же замысел Липатова очень интересен; сам автор пояснял, что создал «повесть о таком человеке, который стремится к полной реализации собственной личности. Убей меня бог, если это плохо, и беда в том, что у коллектива Тагарской сплавной конторы есть реальная опасность —

на место Прончатова, в его законное директорское кресло, может сесть посредственность — Цветков...».

Не сомневаясь в добрых побуждениях фронтовика, коммуниста Прончатова, невозможно не задаться вопросом: а кто определяет право на такую «самореализацию»? Не сам же претендент, как получается по липатовской повести.

Далеко не все считают Прончатова самым подходящим кандидатом на должность директора. Против его назначения выступает парторг конторы Вишняков. Правда, автор объявил боевого офицера, прямолинейного «железного» парторга человеком, безнадежно отставшим от промышленной революции. Фактически отвел он и возражения другого партийного работника, заведующего промышленным отделом обкома Цыцаря — и он выглядит косным, обюрократившимся. Зато на стороне Прончатова самый влиятельный руководитель — секретарь обкома Цукасов. Видимо, он приведет доводы в защиту этой кандидатуры, развеивающие все и всяческие сомнения? Наверное, в лице секретаря обкома пред нами предстанет опытный, прекрасно разбирающийся в людях, дальновидный организатор и воспитатель? Однако этих качеств читатели у Цукасова обнаружить не могут.

Секретарь обкома — «знающий инженер, теоретик сплавного дела, просто умный человек». Прекрасные качества, но они еще не свидетельствуют о знании людей, об умении заниматься тем, что принято называть подбором и расстановкой кадров. Цукасов и не стал тщательно изучать человеческие и деловые данные Прончатова, ему было достаточно воспоминаний об их давнем знакомстве, сходства интересов и биографий. Их «многое объединяло, секретаря обкома и главного инженера: одна и та же институтская скамья, одни и те же учебники, кинофильмы, песни, современная манера поведения и тот же неуловимый, но реально существующий дух времени, который объединяет людей одного поколения». Никто не станет отрицать значения перечисленных обстоятельств, сближающих «людей одного поколения». Нет ничего плохого в том, что возникает взаимопонимание с первого взгляда. Однако достаточно ли этого, чтобы секретарь обкома отмел соображения Вишнякова и Цыцаря, молниеносно принял решение в пользу Прончатова?

Все сказанное никак не опровергает актуальности поставленных в повести проблем и новаторской смелости автора. Его повесть была бы еще более убедительной в художественном отношении, если бы Липатов ярче выписал образы партийных работников. А вот что касается образа Прончатова — он дает основания для споров и обсуждений. Небесполезно задуматься о природе того самовыдвижения, на которое столь откровенно идет главный инженер сплавконторы.

Сделать это тем более полезно, что подобные истории не так уж редки, наша советская литература заметила их.

В романе Попова Гребенщиков, задумав скомпрометировать отца Бориса Рудаева — неподкупного Серафима Гавриловича — и считая, что тот все равно откажется, предложил ему должность сталевара на печи. Неожиданно Рудаев-старший согласился, хотя и знал, что не всем будет по душе его назначение. Подобное же произойдет в пьесе «Сталевары» с Лагутиным, он займет должность, на которой никто не ожидал его видеть. Но эти персонажи лишь принимают сделанное им предложение. А вот Семен Бобров из кинофильма по сценарию Валентина Черныха «Человек на своем месте» действует совсем по-прончатовски.

Фильм начинается сценой в партбюро колхоза. По болезни ушел председатель артели. Предложение выдвинуть руководителем колхоза нынешнего заместителя председателя не получает поддержки. Высказывается идея — искать «на стороне». Но тут берет слово местный уроженец, главный инженер колхоза Семен Бобров: у него есть подходящая кандидатура. Кто же? Бобров называет себя. Молодой инженер убежден, что у него хватит знаний и энергии. Не боится ни кривотолков, ни насмешек — ведь он думает только об общественных интересах. А разве плохо, если с ними полностью совпадают его личные интересы? Доверие парторганизации и колхозников Семен Бобров вполне оправдал.

Весьма многозначительное определение: «Человек на своем месте». Герои наших дней — люди, увлеченные своим делом, не мыслящие себя вне коллектива. Не как придаток к коллективу, а как активнейшую его частицу. Работать в полную силу там, где можешь сделать всего больше и лучше, — личное счастье для

убежденного строителя коммунизма. Литературного героя такого рода иногда называют максималистом. Не потому, что он требует максимального признания своих заслуг, а потому, что хочет дать обществу максимум того, на что способен.

Максималистом критика дружно нарекла Виктора Лагутина из упомянутой пьесы Геннадия Бокарева «Сталебары». Виктор восстал против порядков, установившихся в бригаде, не побоялся обвинить в подлоге заслуженного мастера. Редкостная смелость и бескорыстие? Но вот обиженный мастер подает в отставку, его должность предлагают Лагутину. Конечно же, он не должен согласиться, не станет перебегать дорогу своему другу, опытному сталевару Петру Хромову! И вдруг... В ответ на лагутинское «согласен» слышится дружный вздох всего зала, вздох огорчения и разочарования.

С этого-то момента и начинает обретать все большую напряженность драматургический конфликт. Лагутин не мог не согласиться. Ему говорят: нужны не заявления о необходимости хорошо работать, а сама работа, нужен личный пример. Виктор не привык перекладывать на других свои обязанности, отказываться от личной ответственности. Силы есть, надо браться, пусть это и не всем понравится.

Лагутин и не собирается слишком считаться с окружающими. Он знает, что в бригаде далеко не все ладно: и план привыкли «натягивать», и работают порой халтурно, мирятся с недостатками, и пьянство чуть ли не благословляется. Новый сталевар резко критикует своих товарищей, горячо возмущается потребительскими настроениями («Государство в собес превратили»). Требуя твердой дисциплины, борьбы с благодушием и пассивностью; «Добрым... быть надоело», — с вызовом заявляет он и подробно обосновывает в разговоре с Хромовым свою позицию: «Эх, Петя! Ты ведь там же, где я, живешь! На том же городском транспорте едешь, в те же магазины заглядываешь! И все наши отдельные недостатки видишь!.. А причина им одна: доброта!.. Где-то кто-то, как у нас деликатно выражаются, недоработал, а другой кто-то этот грех по доброте душевной отпустил. До следующего покаяния... Этим двоим хорошо!.. Простившему лестно себя гуманистом чувствовать, прощенному можно

опять ваньку валять! Зато сотням других плохо! Они за эту чужую доброту с процентами расплачиваются!»

Драматург и театр искали художественные средства, чтобы ощутим был накал борьбы за новые нравственные принципы и ее сложность. Характер Лагутина подан в пьесе укрупненно. Стараясь эффективно проявить главное: волевой напор, безоглядную убежденность героя в необходимости решительных действий наперекор всему, постановщики не особенно заботились о душевных нюансах. Исходили из того, что требования у Лагутина максимальные и осуществляет он их максималистскими методами.

Не со всеми поступками Лагутина можно согласиться. Он идет напролом, обижая не противников, а товарищей. Отбрасывает все «постороннее», показывая себя не с лучшей стороны в отношениях с любимой женщиной, с друзьями. Не останавливается перед самоуправством — к примеру, сметает бульдозером «гайку» — пивной ларек, установленный около заводской проходной. Кое-что можно объяснить биографией Виктора; так, люта я ненависть к пьянству возникла еще в детские годы, когда его отец погиб по вине алкоголика (к сожалению, об этом, как и о некоторых других мотивах, лишь глухо упоминается в пьесе). Но, споря с Лагутиным, зрители отдадут себе отчет в бескорыстии этого чересчур прямолинейного, угловатого человека.

В дискуссиях о пьесе у Лагутина нашлось предостаточно оппонентов. Не стал защищать своего героя и Олег Ефремов, поставивший пьесу. По его мнению, являясь энергичным борцом против антиобщественных явлений, Виктор еще смутно представляет себе, что надо делать, чтобы навести порядок на производстве: «Не идеальный герой, но реальная фигура нашего времени, Лагутин может чем-то нравиться и чем-то не нравиться, даже отталкивать, — пусть так, но он... реален. Чего недостает этому человеку или — шире говоря — типу? Ощущения товарищества, чувства коллективизма. Я знаю немало людей, у которых сильно развиты волевые, борцовские, я бы сказал, черты, — они склонны подчинять себе других, даже подминать их. А в моем представлении, настоящий герой, коммунист — это прежде всего коллективист. В том-то и си-

ла его как носителя нашей, социалистической морали».

Коллективист! Слово найдено. В произведениях литературы и искусства, которые рассказывают о людях, поднимающих коллектив (кинофильм «Председатель»), привносящих в него научные методы организации труда (пьеса Игнатия Дворецкого «Человек со стороны»), предъявляющих ему высокие нравственные требования («Сталевары»), оживленно обсуждается смысл жизнедеятельности этих людей. И смысл этот будет вполне оправдан, если «максималисты» осознают себя «впередсмотрящими», научатся добиваться победы не вопреки коллективу, а только вместе с ним и во имя его. Об этом предупреждал Виктора друг его отца Варламов: «И сам не заметишь, как из того, кто за веру на костер идет, станешь... тем, кто в этот костер дрова подкладывает...» В противовес Лагутину драматург вывел душевного Петра Хромова. Правда, и ему пришлось «перестраиваться»: привык плыть по течению, а жизнь потребовала большей активности. Именно Хромов, отбросив чувство обиды на Лагутина, организует среди рабочих сбор денег, чтобы расплатиться за разбитый ларек, спасти бригадира от суда.

Пока никто из них порознь — ни Лагутин, ни Хромов — не могут воплощать гармонически развитую социалистическую личность. Но уже сопоставление обеих фигур заявляет о необходимости стремиться к такой гармонии.

Лагутину до нее не так уж близко. В чем же тогда проявилась активная роль в коллективе Виктора, при всех его завихрениях?

Лагутин оказался как бы неким «бродильным началом», давшим толчок общему движению. «Катализатор» ожидаемых перемен, Виктор своим максимализмом способствовал их ускорению. Важная миссия, отличающая людей творчески беспокойных, идущих впереди. Такие люди действительно нужны обществу, и наша литература неизменно равнодушна к ним. Чернышевский дал следующую характеристику своему Рахметову, герою «Что делать?», — романа, о котором Ленин писал, что он всего его «перепахал»: «Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине;

от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

Относить эти слова прямо и непосредственно к Лагутину было бы неверно. В Лагутине многое раздражает: душевная черствость, ригоризм, неконтактность, и вместе с тем его действия как «возмутителя спокойствия» не прошли бесследно для бригады. А после того, что произошло в финале, и Лагутин, разумеется, не останется прежним. Не зря же в конце пьесы рабочие заступились за него. Не случайно и его заявление, что «хорошо варит сталь только хороший человек».

Изображая становление всесторонне развитой личности, искусство социалистического реализма особо отмечает органичность ее производственных, общественных и «частных», человеческих стремлений и интересов. В этом проявляется сегодня единство личного и общественного. Не сконструированный эталон будущего, но шаг навстречу ему. И шаг, сделанный сознательно, продолжающий целенаправленное движение целой эпохи: ищи у каждого человека «его лучшее»...

Вглядываясь в тех, кто стал примером в коммунистическом труде, героем нашей литературы, мы приветствуем рождение нового строя мыслей, чувств, привычек. Помним и о том, что сердцевину характера коммуниста составляют стойкие черты, пронесенные через годы и годы. Такие, как идейная убежденность, верность народу, мужество и отвага, самоотверженность в борьбе под знаменем партии. Характер же в целом развивался с ходом времени: одни качества, сохраняясь в своей сути, дополнялись новыми — их приносила сама жизнь; другие она переплавляла в своем горниле, своеобразно трансформировала. «Традиционные» свойства характера обогащаются в движении истории; возникающие под влиянием этого движения — несут в себе нравственные «гены» предшественников по революционному пути. Перелистаем страницы нашей героической истории.

Первые советские коммунары. Позади — годы царской каторги и подполья, баррикады Красной Пресни, штурм Зимнего дворца. Впереди — бесчисленные фронты гражданской войны, голод и холод, хозяйственная разруха, жестокие схватки с противниками ленинского курса. Победу завоевали самоотверженные и беззаветные. Да, они полностью посвятили себя ре-

волюции, подчинили личное общественному, многим жертвовали. Жертвенность была вынуждена условиями времени, слитность же с общим делом включала личность в интересы и стремления народа, делала ее внутренне сильнее и значительнее. А беззаветность? Разве не она будет вести сынов и внуков революционеров на стройки пятилеток, на фронты Великой Отечественной? Правда, это уже люди новой формации, традиции отцов и дедов у них умножены на высокую культуру, на обогащенный жизнью душевный диапазон. Впрочем, кто сказал, что о такой нравственной широте не думали и первопроходцы? Ольга Берггольц в книге «Дневные звезды» вывела одного из них. Накануне VIII съезда Советов поздно ночью старый большевик Глеб Кржижановский заканчивал свое предисловие к «Плану электрификации». Что же он чувствовал в эту ночь? «И, знаете, представляя себе этого изумительного, счастливого человека будущего, мысленно беседуя с ним, я плакал... Да, вот стоял посреди этой комнаты один и, вот так стиснув руки, плакал от любви к этому будущему человеку, от восторга перед ним, от невероятного желания хотя бы одним глазком взглянуть на него, на то будущее, которое мы закладываем,—далекое будущее...» Не сентиментальность тут — страстная увлеченность благородными целями!

Герои первых пятилеток. Им довелось осуществлять светлые мечты о строительстве общества, ради которого было принесено столько жертв. О строительстве на земле и в душах человеческих. И снова можно разглядеть духовные нити, соединяющие времена. По-прежнему тон задавали энтузиасты, коллективисты. Теперь они должны были стать людьми дела, расчетливыми практиками. И становились! Выработывая новое отношение к труду, коммунисты учились практически сочетать личное и общественное. Рычагом для этого стало понимание труда как творчества, как самовыявления личности в общем деле. Был и узкий прагматизм, он остался в прошлом, в числе «накладных расходов» времени. А страстная деловитость,—разве не будет она перенята нами, сегодняшними? На стройках девятой пятилетки оживут трудовые подвиги строителей Магнитки и Днепрогэса. И они не просто повторятся,—предстанут на новом уровне научно-технических решений. Перемены разительны, ина-

че и не могло быть. Глубинное сходство тоже несомненно — оно в развитии — на нынешней стадии — ленинского стиля жизни и работы. Кто усомнится, что пионеры социалистического строительства в будничные дела, коллективные начинания вкладывали жар своего сердца? В 1922 году в «Заметках публициста» Ленин говорил о трудностях осуществляемого большевиками восхождения на очень высокую, крутую и не исследованную еще гору. Для того чтобы достигнуть вершины, нужны и смелость, и расчет, осмотрительность. Придется и наступать и отступать. Потребуется время от времени оглядываться на пройденный путь, проверять правильность маршрута. Если понадобится, — искать «надежный обход, по которому можно бы опять, смелее, быстрее, прямее двинуться вперед, вверх, к вершине». Пусть злопыхатели внизу смеются над смельчаком. Достигнув трудного рубежа, он знает: «Надо как можно трезвее, яснее, нагляднее дать себе отчет в том, что именно мы «доделали» и чего не доделали: тогда голова останется свежей, не будет ни тошноты, ни иллюзий, ни уныния»¹.

Какой точный, выразительный, емкий образ! Это не только о годах революции, о начале 20-х. Так всегда и неизменно воспринимают свои задачи подлинные коммунисты. Умножая достигнутое, исправляя ошибки, корректируя характер своих действий новыми требованиями действительности, они следуют ленинскому правилу — смотреть «вперед, вверх», хотя и ясно знают, как предстоит действовать, твердо убеждены, что при сочетании смелости и трезвости «голова останется свежей, не будет ни тошноты, ни иллюзий, ни уныния».

О том, как складывались такие жизненные убеждения борцов и строителей, правдиво рассказала советская литература. Обращаясь к ней, нет необходимости заново переосмысливать этапы истории. Но есть смысл проанализировать произведения, в которых показаны этапы борьбы за высокий идеал. Причем показан не застывший, умозрительный «гармоничный» идеал вообще, а именно борьба за него, движение общества к заветной цели, к всесторонне развитому человеку коммунистического общества, непрерывное совершенство-

¹ В. И. ЛЕНИН. Полн. собр. соч., т. 44, с. 416—416, 417.

вание при этом как самих людей, так и людских отношений.

Разговор о литературе *наших дней*, естественно, не может ограничиваться рамками нескольких лет; рассматривая под избранным углом зрения некоторые этапы художественного развития, автор считает полезным заново обратиться к характерам, воплощающим движение к коммунизму, обратиться к ситуациям, воспроизводящим работу партии по созиданию новых общественных взаимоотношений. Из многообразия подобных характеров и ситуаций складывается общая картина художественных исканий современности.

СТАЛЬ
ЗАКАЛЯЕТСЯ
НА БОЛЬШОМ
ОГНЕ

Прослеживая эволюцию образа коммуниста в советском искусстве, убеждаешься: ее не понять вне общего процесса социального и нравственного развития масс, рождения социалистической личности. Коммунисту — направлять этот процесс и волей своей, и собственным примером.

В том и состояло историческое значение Горького, родоначальника нового творческого метода, что он в качестве истинного героя современности художественно открыл миру «человека массы». И что рядом с ним разглядел того, кто сможет возглавить революционные и созидательные устремления эпохи — «человека партии». В «Матери» это одно и то же лицо — пролетарский революционер Павел Власов. «Сверхзадача» романа, пользуясь выражением Станиславского, — отобразить нераздельность политического освобождения и нравственного возрождения масс. Это удастся потому, что лучшие, передовые представители масс, приобщившись к идеям коммунизма, несут их в родную среду, становятся воспитателями и организаторами народа.

Горький нашел выразительные средства для того, чтобы

впечатляюще показать природу таких взаимоотношений в революционном лагере. Под влиянием сына общается к борьбе забитая, неграмотная Ниловна. А что касается Павла,—он на наших глазах вырастает в признанного организатора масс. Сын своей среды, Власов познал и подневольный труд, и гнет эксплуатации, и «свинцовую мерзость» бесчеловечного старого быта. Сердцем восприняв ленинскую правду, сумел донести ее до товарищей, поэтому и оказался в авангарде народной борьбы. В романе находим метафорический образ, в котором художественно выражены и могущество народного движения, и авангардная роль вожака:

«...Толпа имела форму клина, острием ее был Павел, и над его головой красно горело знамя рабочего народа. И еще толпа походила на черную птицу — широко раскинув свои крылья, она насторожилась, готовая подняться и лететь, а Павел был ее клювом...»

Этот образ — «ключевой» во всем творчестве Горького, в искусстве социалистического реализма. Большевики начисто отвергли буржуазные и мелкобуржуазные концепции героического, согласно которым всемогущий герой-одиночка противопоставлялся «темной толпе». Развенчали они и «теорию малых дел» — теорию исповедовавших извечную якобы человеческую косность. Ленинская партия выдвинула принципиально иную программу: глубоко понять закономерности истории, коренные нужды и потребности масс, стать выразителями их чаяний и организаторами их усилий. Художественное познание этих закономерностей и подсказало Горькому метафору: «...Толпа имела форму клина, острием ее был Павел...»

В колоритных типах, созданных Горьким, словно ожила Россия рубежа двадцатого столетия. Все классы, сословия, политические и нравственные позиции. «Хозяева жизни» — фабриканты, купцы, продажные буржуазные писаки. Противостоящий им лагерь, где аккумулируется горе и гнев масс. Кто возглавит этот лагерь? Надежды на будущее Горький не мог связать ни с вольнолюбивыми босяками своих ранних рассказов, ни тем паче с криводушным утешителем Лукой («На дне»), ни даже с честными, но бессильными революционерами, которые, подобно Евгении из «Жизни Матвея Кожемякина», оказались безнадежно далекими от народа. Иное дело Нил из «Мещан», рабочие из

пьесы «Враги» — люди, способные «месить» жизнь. Иное дело Павел Власов, большевик-ленинец Степан Кутузов из «Жизни Климата Самгина». Есть своя логика в том, что в «Жизни Климата Самгина» вновь возникает — в проекции нескольких десятилетий — знакомый нам образ, символизирующий взаимоотношения массы и ее руководителя. В набросках к завершающим главам произведения (оно осталось неоконченным) дана сцена приезда Ленина в Петроград в 1917 году.

«Ленин.

Он как-то врос в толпу, исчез, растаял в ней, но толпа стала еще более грозной и как бы выросла».

Одна только фраза, а в ней — квинтэссенция того, что легло в основу горьковской художественной концепции революции. Ведя народ в битву, сливаясь с ним, большевики становятся сильнее сами и в то же время умножают силы народные. Герой, отмечал Горький, «всегда производное от массы, фокус, в коем сосредоточивается ее энергия и который отражает ее обратно в массу».

Мало осознать свое авангардное место в боевом строю. Надо суметь так строить отношения с людьми, чтобы не отрываться от них и, вместе с тем, не потакать любым настроениям. Это большевистское искусство работы в массах Ленин лаконично и четко сформулировал в своих записках:

«Связь с массой

Жить в гуще

Знать настроения.

Знать все.

Понимать массу.

Уметь подойти.

Завоевать ее абсолютное доверие.

*Не оторваться руководителям от
руководимой массы, авангарду от всей
армии труда»¹.*

Всегда с массами, во главе масс — это можно сказать и о политической работе партии в массах, и о том самом эстетическом «ключе», в котором постигается художниками социалистического реализма существо большевистского характера. Постигается и исторически и психологически.

¹ Ленинский сборник XXXVI, с. 389.

Ярко и впечатляюще показать коммуниста сумели те писатели, которые художественно убедительно выявили суть его жизненной деятельности — а ею является работа в массах и с массами, его идейных устремлений — а это верность трудовому народу. «Человек партии» — герой нашей литературы тем и примечателен, что он плоть от плоти, кровь от крови народа, всегда живет нуждами и чаяниями народными, — отсюда своеобразное место, которое его образ занимает в системе действующих лиц произведения. В изображении мастеров слова коммунисту, рожденному и выдвинутому своей классовой средой, предназначается роль правофлангового, идущего не только с массами, но и впереди масс, — это, в свою очередь, требует соответствующих красок, чтобы передать его умение вдохновить людей и увлечь их за собой.

Борьба за общую цель — это одновременно борьба за расцвет личности. Диалектика художественного осмысления проблемы «масса — личность», остро стоявшей на всех этапах истории советской литературы, опрокидывает примитивный взгляд, бытовавший в нашем литературоведении: вначале, дескать, писатели изображали восставшую нерасчлененную толпу и лишь затем обратились к отдельному герою. На самом деле такой «позапности» в литературе не было. Да и с точки зрения эстетико-теоретической, она противопоставлена реалистическому искусству, не отделяющему общие процессы от их индивидуальных проявлений.

Мы вспоминаем о том, как молодая советская литература отобразила революцию, и перед глазами возникают людские множества, бушующие на митингах, своевольные, разноликие, но организуемые партией в нерушимое целое. Одним порывом живет красноармейская масса, изображенная Александром Малышкиным в повести «Падение Даира». Пока командиры составляли план взятия Крыма, армия сама двинулась на героический штурм, самоотверженная, неукротимая. «...Все шло своим чередом, как хотелось молоту множеств, падающему в неукоснительном и чудовищном ударе на юг...» Отдельных персонажей читатель этого и некоторых других произведений запомнить не мог.

Но вместе с тем все чаще появлялись произведения, где от роста массы неотделим рост личности. Спустя несколько лет тот же Малышкин выступит с романом

«Севастополь» — о том, как склонный к рефлексированию интеллигент обретает себя в революции.

Включение отдельного человека в революционный коллектив — лейтмотив не только прозы. После абстрактно-космических образов поэмы «150 000 000» Владимир Маяковский создает поэму «Хорошо!» — о глубинных процессах революции, об организующей воле партии в борьбе и труде.

Этот вихрь,
 от мысли до курка,
и постройку,
 и пожара дым
прибирала
 партия
 к рукам,
направляла,
 строила в ряды.

Революционная теория и революционная практика объединены в великом имени Ильича — воплощении исторического разума, общенародной воли, — утверждает поэма «Владимир Ильич Ленин».

Бился
 об Ленина
 темный класс,
тек
 от него
 в просветленьи,
и, обданный
 силой
 и мыслями масс,
с классом
 рос
 Ленин.

Революция — народ — вождь — человек — эти понятия взаимосвязаны в послеоктябрьской поэзии Маяковского. Неотделим от них облик самого художника. «Это было с бойцами, или страной, или в сердце было в моем», — говорит поэт.

Маяковский поэтично выразил социальные и эстетические потребности времени. Индивидуально не похожие на него художники, разрабатывавшие другие жанры, тоже стремились глубже раскрыть силы, направляющие ход революции.

Внимание их было сосредоточено на монолитности этих сил. Не сразу встал вопрос о психологическом

облике организаторов борьбы, волевою же их целеустремленность писатели заметили и опозитизировали как предпосылку твердого управления событиями. Все же и при такой акцентировке образ революционера не мог быть лишен человеческих эмоций.

Говоря об эпопее Александра Серафимовича «Железный поток», читатель сразу же назовет имя Кожуха — как олицетворение непреклонной воли. Крепко сжатые челюсти — это, конечно, Кожух, но еще не весь Кожух. Внимательно вчитываясь в текст, находишь немногочисленные, но выразительные штрихи, выявляющие демократизм Кожуха, чувство личного удовлетворения выполненным долгом. Из трудного положения он ищет выход, «подмываемый... тысячами устремленных на него требующих глаз». Свою энергию Кожух как бы перелил в души своих товарищей. В начале книги говорилось о «дико шумящем потоке». В конце — образ иного звучания: «Бесчисленными шагами идет, бесчисленными глазами смотрит, множеством сердец бьется одно неохватимое сердце». Впечатляют образы людей из народа, например, бабы Горпины со столь дорогим ей самоваром.

В художественной структуре эпопеи торжественно-приподнятые, романтические интонации соседствуют с лирическими. Кожух казался всем неизменно твердокаменным. Но в какие-то минуты автор приоткрывает его душу, и Кожух поворачивается к нам неожиданной стороной. Удалось сплотить бежавших от белых крестьян: «Тут мой отец, дом, мать, жена, дети...» Когда было снято нечеловеческое напряжение, безраздельно владевшее им все эти недели, бойцы увидели в глазах Кожуха улыбку — милую, какую-то детскую. В этот миг железные его «челюсти дрогнули». «Так от воно счастья?!» — взволнованно думает он.

Трудное было время, и литература изображала революционеров, как предсказывал Маркс, суровыми рембрандтовскими красками. Классовая борьба не могла не быть жестокой. Но большевики вели ее во имя освобождения, счастья человека. И писателям все чаще приходилось задумываться: как показать гуманистический характер этой борьбы?

Путь был один — проникнуть в душу участника революции, раскрыть, что дает революционный коллектив отдельной личности. И тем, кто растет в револю-

ции, и тем, кто способствует этому росту, щедро делясь своим душевным капиталом.

И тем и другим. Да, рисовать этих «других» лишь внешне — значит не сказать о столь явном и быстром распространении и всепокоряющем влиянии большевистских идей. Одни художники приходили к такому заключению эмпирическим путем, другие — после долгих раздумий. Кое-кому пришлось пережить серьезную жизненную и творческую драму, как Алексею Толстому.

В первой редакции своего романа «Сестры» (1920—1921) Алексей Толстой изображал революцию как анархический бунт. Спустя годы, многое передумав, вернувшись на родину, взявшись за переработку «Хождения по мукам», писатель углубил картину революционного переустройства России и выдвинул в ней на первый план большевиков-рабочих. В «Восемнадцатом годе», говорил автор, «много недостатков, главный — это недостаточный показ организующей роли партии. Третий том трилогии «Девятнадцатый год» — должен восполнить этот недостаток. Здесь скелетом романа будет творческая воля партии: организация Красной Армии, организация продовольствия, борьба с белым движением и борьба с кулачеством в виде махновщины, григорьевщины и других бандитских шаек...

Будут введены новые герои. Одна из основных задач — создание характера большевика, не стихийного партизана, исчерпывающе показанного в нашей литературе, но организованного, дисциплинированного, идейного, мужественного, с «легким дыханием», человека...».

Как формируются такие характеры в их психологическом своеобразии, — этого писатели тех лет еще не показывали. Герои приходят на страницы книг уже сложившимися революционерами. Но людьми демократичными, увлеченными, с «легким дыханием». И все рельефнее вырисовывается главное их призвание — не только и не столько командовать людьми, сколько завоевывать их для социализма, вовлекать в общее дело, пробуждать к политической, творческой активности.

Материал гражданской войны подсказывал писателям антагонистические конфликты: в жестоком столк-

новении схватываются красные и белые. Эти схватки изображались во всем их напряжении, но еще существеннее для авторов было показать, почему такой-то человек оказался в лагере красных, что помешало другому поступить так же. Не только конкретные обстоятельства, но сплошь и рядом — определенные идейные влияния: большевистское слово, большевистский пример. Под влиянием коммуниста вчера еще темные люди становятся на путь революции, обнаруживают и раскрывают свои лучшие задатки — распространенный сюжет многих рассказов, повестей, пьес, стихотворений начала 20-х годов. В будущем — уже в наши дни — типичными будут произведения, где обе линии: от руководителя — к коллективу и от коллектива — к руководителю, выступают как «равноправные».

В прозе 20-х годов дается характерная расстановка персонажей: рядом с потенциальным борцом появляется носитель революционной идеи и революционной организованности, чтобы увлечь первого за собой. Взаимодействие обоих характеров становится важнейшим сюжетообразующим моментом.

В одних случаях речь идет о выборе политической дороги.

Не попадись на ее пути большевики, Виринея так и осталась бы беспутной деревенской бабенкой; встреча с Сусловым круто повернула ее судьбу, молодая женщина стала активисткой, человеком высокого сознания (Лидия Сейфуллина, «Виринея»). Сходные ситуации — в рассказах Александра Неверова «Андрон Непутевый», «Марья-большевичка». О могучем толчке, положившем начало жизненному самоопределению человека из народа, — автобиографические произведения Садриддина Айни и Якуба Коласа, романы Андрея Головки и Сакена Сейфуллина, пьесы Хамзы Хакимзаде Ниязи.

В других случаях нужно «вводить в русло» боевую энергию людей, уже избравших свой путь, но не очень еще развитых политически, не вполне овладевших революционными методами. Комиссару предстоит изживать у них остатки стихийности, приучать к пролетарской дисциплине.

Предревкома Пеклеванов из повести Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69» — человек куда более

высокого сознания, чем партизанский командир Вершинин, однако внимание художника привлек именно Вершинин с его стихийной «нутряной» мощью. Пеклеванов с его призывами играл в повести фактически подсобную роль. Прошло пять лет, очень существенных для идейно-творческой эволюции Вс. Иванова. Инсценировав в 1927 году свою повесть, он главным действующим лицом одноименной пьесы сделал Пеклеванова. В этом человеке воплощен разум революции. Предревкома подсказывает Вершинину тактику действий, помогает сплотить отряд, расширить собственный кругозор. «Поговорил я с тобой,— обращается к Пеклеванову партизанский командир,— и стало у меня на душе светлее. Без тебя бы мне... тьма».

Аналогично развивалось творчество Бориса Лавренева, от повести «Ветер» (1924) до пьесы «Разлом» (1928), центральной фигурой которой является революционный моряк Годун, столь же самоотверженный, как Вершинин, и еще больше напоминающий Пеклеванова или Кожуха — организующая воля, дисциплинированность, тяга к знаниям.

Кожух, Пеклеванов, Годун, комиссары Кошкин (Константин Тренев, «Любовь Яровая») и «товарищ Антон» (Леонид Леонов, «Барсуки»), комдив Чапаев и его боевой друг Клычков (Дмитрий Фурманов, «Чапаев»), партийные и советские работники провинциального городка, изображенного в повести Юрия Либединского «Неделя», — яркий итог художественных исканий того времени.

Точнее сказать: один из итогов. Искания есть искания. Сталкиваются разные тенденции, многообещающим достижениям противостоят ложные эксперименты, не все, завоевавшее популярность, выдерживает испытание временем. Так было и в 20-х годах. Весьма отчетливо определились две крайности в изображении движущих сил революции.

В интерпретации некоторых художников она продолжала ассоциироваться преимущественно с бурным эмоциональным подъемом массового движения. Стихия опозитизирована в «Повольниках» Александра Яковлева. Главный герой эпопеи Артема Веселого «Россия, кровью умытая» — лавины мчащихся всадников, главный ее пафос — всеохватность бушующих страстей.

С другой крайностью связаны имена писателей, которые видели главный смысл революционных событий в усмирении силой стихийных настроений, пробужденных временем.

Революционное насилие и революционный гуманизм — этот вопрос было бы неправильно упрощать. Без насилия над насильниками революция не победила бы. Без волевых характеров идти вперед нельзя. «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей» — крылатая строка «Баллады о гвоздях» Николая Тихонова славит железных солдат революции. Но в том-то и дело, что, ближе узнавая их, советская литература видела и твердость характера, и многообразие душевных порывов. По исторической необходимости эти порывы приходилось сдерживать, однако именно их-то и не заметили авторы иных произведений. В значительной мере благодаря Борису Пильняку революционеры стали фигурировать в читательском восприятии как пресловутые «кожаные куртки».

В «Голом годе» Пильняк сочувственно относился к революции. Логически он понимал, что есть силы, способные ввести в русло организованности священный гнев народа, но как раз демократическую и гуманистическую природу этих сил и не смог разглядеть. Коммунисты «Голого года» стоят над массой. Автоматически «фукцируя», непоколебимые и бездушные, они всех подчиняют себе, подавляют своей энергией. Соответственно, изображены чисто внешне: «Эти вот, в кожаных куртках, каждый в стать, кожаный красавец, каждый крепок, и кудри кольцом под фуражкой на затылок, у каждого крепко обтянуты скулы, складки у губ, движения у каждого утюжны. Из русской рыхлой, корявой народности — отбор. В кожаных куртках — не подмочишь. Так вот знаем, так вот хотим, так вот постановили — и баста».

«Кожаные куртки» еще довольно долго кочевали из одного произведения о коммунистах в другое. Они стали синонимом штампа и схематизма. Между тем зрела читательская потребность в книгах, где воспитатель других предстал бы не только в его служебных функциях, а в живых человеческих качествах. «Чапаев» Дмитрия Фурманова и «Разгром» Александра Фадеева наиболее полно ответили на эту общественную потребность.

Комиссара, командира Красной Армии литераторы сплошь и рядом рисовали могучим богатырем, лихо мчавшимся на коне, с шашкой наголо. Иное дело — книги Фадеева и Фурманова. Чапаев — герой, смельчак, но и «обыкновенный человек, сухощавый, среднего роста, видимо небольшой силы». Он не только водит бойцов в атаку, но и с помощью циркуля тщательно разрабатывает каждую операцию. Левинсон — довольно болезненный «маленький человечек, в высоких ичигах и с рыжей, длинным клином, бородкой, похожий на гнома, каких рисуют в детских сказках». Он первый в сражении, но еще ярче проявляет свой командирский талант, организуя, обучая, воспитывая партизан.

Самым важным Фадеев посчитал изображение внутренней жизни большевика, его духовного влияния на различных людей. Мастерское изображение этого — заметный вклад писателя в эстетическое развитие современности. Фадеевский Левинсон, подобно Павлу Власову, Кожуху, Чапаеву и Клычкову, уверенно ведет за собой массы, вступает в схватки с мелкобуржуазной стихией.

«Подобно Павлу Власову, Кожуху...» Нет, если бы роман Фадеева лишь повторял сказанное другими писателями, он не представлял бы самостоятельного интереса. «Разгром» стал вехой художественного развития эпохи, потому что Фадеев сделал новый большой и смелый шаг в отображении искусства партийной работы — организаторской и воспитательной.

Критики не перестают спорить о том, кто главный персонаж романа «Разгром» — Левинсон или Морозка. Никчемный спор! Без осмысления сложных и многообразных связей, что соединяют командира отряда с Метелицей, Баклановым, Морозкой, другими партизанами, невозможно понять творческий замысел автора, идейно-художественную структуру произведения.

Ведущей частью отряда являются рабочие — самые сознательные, стойкие, дисциплинированные бойцы. В ореоле высокого мужества и беззаветной преданности революции вырисовываются образы Дубова, Гончаренко, Бакланова. Боевое ядро рабочего класса, они направляются на самые опасные участки, действуют храбро и хладнокровно, продуманно. Эти люди наиболее близки Левинсону, связаны с ним отношениями друж-

бы и взаимопонимания; в их среде вырастают те, кто продолжит его дело. «...Бакланов перенимал у него не только внешние манеры, но и старый жизненный опыт — навыки борьбы, работы, поведения. И Левинсон знал, что внешние манеры отсеются с годами, а навыки, пополнившись личным опытом, перейдут к новым Левинсонам и Баклановым, а это — очень важно и нужно».

Мысль, к которой еще не раз обратится Фадеев в последующем, размышляя о преемственности поколений, о духовном родстве большевиков с молодежью, идущей их путем.

Разная степень идейной зрелости у партизан — разный характер отношений связывает их с командиром, хотя он всегда остается в роли и организатора и воспитателя людей. Левинсон всецело доверяет таким, как Гончаренко и Дубов, а часто и советуется с ними. В лице Бакланова он увидел прямого своего преемника. Когда отряд попал в засаду и измученный многими днями похода Левинсон почувствовал, что силы его иссякают, он не оказался одиноким.

Напомним эту сцену. Левинсон, чего с ним никогда еще не было, «беспомощно оглянулся, впервые ища поддержки со стороны...». И вдруг отчетливо увидел перед собой простое, немного даже наивное, погрубевшее от усталости лицо Бакланова. Это скуластое лицо «горело той подлинной и величайшей из страстей, во имя которой сгибли лучшие люди из их отряда». Левинсон «вздрогнул и выпрямился, и что-то больно и сладко зазвенело в нем». Надо идти на прорыв! Бакланов повторил громко команду, но Левинсон больше уже ничего «не мог расслышать, потому что в это мгновение, подхваченный той внутренней силой, что управляла Баклановым и что заставила его самого поднять шашку, он помчался по дороге, чувствуя, что весь отряд должен сейчас кинуться за ним...».

Понятно, каким горем оказалась для командира отряда гибель Бакланова.

Не все, кто окружал Левинсона, были столь же зрелыми воинами. Да и вообще нельзя забывать о конкретно-исторической обстановке, воспроизведенной в «Разгроме». С японскими интервентами и белоказаками сражается не регулярная красноармейская часть, а люди, только вчера взявшие в руки оружие. И не из питомников «готовых» революционеров пришли в отряд

такие, как Морозка, отважный, но малограмотный сучанский парень, в поступках которого много бесшабашности, в речах — «плесень» похабщины, оставшаяся с бесправной и темной юности. Прививая Морозке чувство гражданской ответственности, вытравляя эту самую плесень, Левинсон воспитывает бойца сознательного, дисциплинированного, и делает это не зря: Морозка совершил подлинный подвиг беззаветной революционности, погибая за товарищей. В человеке из народа пробудилась яркая, духовно богатая личность — вот главное завоевание революции.

Во всех произведениях Фадеева революционный гуманизм проявляется в любых обстоятельствах, порой весьма драматичных. Чтобы остановить поддавшийся панике полк, комиссар Селезнев (повесть «Против течения») отдал приказ открыть по нему пулеметный огонь. Идти «против течения» приходилось и Левинсону. Во время отступления дорогу отряду преградила трясина. Начиналась паника. И тут появился Левинсон. Освещенный высоко поднятым факелом, взволнованный, с мертвенно-бледным лицом, большими горящими глазами, он напоминает легендарного горьковского Данко.

«— Кто там расстраивает ряды?.. Назад!.. Только девчонкам можно впадать в панику... Молчать! — взвизгнул он вдруг, по-волчьи щелкнув зубами, выхватив маузер, и протестующие возгласы мгновенно застыли на губах.— Слушать мою команду! Мы будем гатить болото — другого выхода нет у нас...

И притихшая, придавленная, сбившаяся в кучу масса людей, только что в отчаянии вздымавшая руки, готовая убивать и плакать, вдруг пришла в нечеловечески быстрое, послушное, яростное движение».

У литературных апологетов стихийности такие поступки вызывали весьма одностороннюю реакцию: мол, изображен чуть ли не насильник! Непредубежденный же читатель вслед за автором всерьез размышляет об обязанностях руководителя. В них входит и осмысление собственного поведения, управление своим характером. Воспитатель других воспитывает и себя — до Фадеева никто не рассказал об этом так ярко и убедительно.

Но перед нами руководитель, действующий в исключительных обстоятельствах. В конкретной истории

ческой обстановке, когда не должен забывать о том, что его считают человеком «особой, правильной породы». В отряде убеждены: Левинсон знает ответ на любые возникающие вопросы, ему неведомы сомнения, какие бы то ни было слабости. Нам-то известно: это далеко не так; Левинсону свойственны колебания, он с трудом скрывает свое болезненное состояние, далеко не сразу привык «распоряжаться жизнями других». Верный своим эстетическим принципам, Фадеев не прячет человеческое в своем герое, он показывает, как вырабатывает Левинсон навыки руководителя. Командир отряда не имеет права думать лишь о себе. На него смотрит множество глаз, а значит, надо быть сильным, бодрым, безапелляционно отвечать «да» или «нет», соблюдать «чувство дистанции» между собой и подчиненными. Не для самовозвеличения нужны атрибуты власти — для того, чтобы те, кто доверил главные свои заботы командиру, кто слабее духом, укрепились в своей вере в него, в общее дело.

Как у Горького: «клин» и «острие» его... Советские писатели осмысливали обе «стороны» в их диалектической взаимосвязи: народную среду, выдвигающую своего вожака, и правофлангового революции, призванного прокладывать неизведанные маршруты. Еще раз подчеркнем: «Разгром», «Железный поток», «Чапаев» — книги об очень драматических событиях, зачастую о перевоспитании людей, только еще вырвавшихся из-под векового гнета эксплуатации, из-под власти собственнических, индивидуалистических пережитков. Но ведь вырвались! Им вырабатывать те нравственные нормы, которые получают художественное освещение уже в произведениях 30-х годов.

Пока же о морали завтрашнего дня герои романа могут только мечтать. Что значит «только»? Делами должны приближать идеал!

Левинсона в нелегкой его доле вдохновляла вера в «нового, прекрасного, сильного и доброго человека». Отдельные черты такого человека проглядывали в Метелице, Бакланове, о его рождении возвестил героический подвиг Морозки. Фадеев уже обдумывал замысел романа «Последний из удэге», где ему предстояло еще смелее заявить о красоте души революционера, коммуниста. В условиях старой жизни пока невозможно гармонически развитая личность, признавал автор

«Последнего из удэге», но ее рост является внутренним содержанием революционной эпохи. «Во всех этих людях, каждый из которых страдал, отмеченный болезнью или уродством,— читаем мы о пациентах сельской больницы,— были как бы заключены разрозненные части и стороны цельного образа, полного красоты и силы,— нужно было, казалось, только усилие, чтобы он воссоединился, сбросил с себя все и пошел».

Цельный образ нового человека Фадеев найдет позднее — в богатырском кругу молодогвардейцев. Вместе с автором «Разгрома» о цельности большевистского характера упорно размышляли и его современники. Еще одной вехой общественно-литературного развития стал роман Николая Островского «Как закалялась сталь».

2

Этот роман не может быть объектом бесстрастно-академического изучения, просто как один из многих фактов истории литературы. И невозможно было бы представить себе пылящейся на библиотечных полках эту книжку, на обложке которой скрещенные штык и лавровая ветвь. Роман продолжает жить. Как факт не только истории, а и нашего сегодняшнего общественного сознания.

Лет десять назад доводилось слышать и читать: устарел Корчагин,— очень уж, дескать, он прямолинейный, несовременный. Но недавно вновь вспыхнули жаркие споры о Корчагине — как герое телевизионного фильма и как человеке поразительного мужества, который никого не оставит равнодушным. Современное «прочтение» романа? Конечно, но романа, давшего богатый материал для такого прочтения. И, как удостоверяет статистика, пользующегося растущим читательским спросом. Скептики поторопились со своими прогнозами! В дни 70-летия со дня рождения Островского его книги невозможно было достать, лишь счастливым удавалось подписаться на Собрание сочинений,— а его выпустили 200-тысячным тиражом. Три этих красных тома заботливо укладывали в свои рюкзаки юноши и девушки, отправлявшиеся на строительство КАМАЗа и БАМа. «Корчагинец» — так назывался первый отряд, поехавший на БАМ.

Цифры наглядно говорят о реальном положении дел. Но сами они еще не объясняют, почему дела сложились так, а не иначе. Подумать же об этом — значит задуматься и над творческой историей книги, и над «секретом» ее долголетия, над этой самой «перекличкой времен», которую мы включаем в число постоянных факторов нашего нравственного развития.

Жизненность романа «Как закалялась сталь» говорит прежде всего о стойкости основных идейных, нравственных стремлений эпохи. Та глубоко прочувствованная партийность, которую отметил в книге Фадеев, была и остается духовным компасом для поколений советских людей. То поразительное мужество сознательного борца, которое подчеркнуто самим названием произведения, привлекало и будет привлекать сердца миллионов. Нет, не устарели, не могут устареть человеческое мужество, стойкость, благородство, волновали и будут волновать нас подвиги самоотверженности, беззаветности. Эта беззаветность, повторим, была и останется самым прекрасным, стойким, неизменным свойством большевистского характера.

Характера, воспитанного мужественной борьбой народа. Характера, впитавшего традиции борьбы. Да, нужно снова и снова говорить о замечательных традициях, тоже готовивших русский большевизм. В сознание и память советской молодежи первых послереволюционных лет уже со школьной скамьи входили имена Спартака и парижских коммунаров, Разина и Пугачева, Чернышевского и Герцена, народовольцев — они воспринимались как героические предшественники, зачастую трагические предтечи победителей 1917 года. Воспоминаниями собственного детства могу подтвердить, что не было для нас более увлекательного чтения, чем жизнеописания таких людей. Не слепой отваге, не безоглядной храбрости учили они, — осознанной готовности идти на подвиг.

Именно этим привлекла и Павла Корчагина одна из книг, давших ему ориентир в жизни. Помните сцену у костра, где красноармейцы ведут спор о том, откуда берутся силы для стойкости и героизма? Как неотразимый аргумент называется имя Овода, героя романа Э.-Л. Войнич. Какой железный был человек, ничто не могло его сломить! В чем же источник пора-

зительной выдержки этого революционера прошлого века? Молодежь времен гражданской войны не сомневается: «Так человек не выдержал бы, но как за идею пошел, так у него все это получается».

Молодежь времен первых пятилеток, Великой Отечественной войны имела перед своим мысленным взором уже и прямых своих предшественников, героической жизнью подтвердивших, как духовно велик человек, если он «за идею пошел». Один из людей сходной с Островским судьбы метко назвал его бессменным политруком советской молодежи. Подобно комбату, о котором говорилось на первых страницах нашей книги, Островский с Корчагиным неизменно в борющемся строю.

Во время Великой Отечественной войны именем Корчагина называли танки, самолеты, корабли; в повестку дня комсомольских собраний включался пункт: «Комсомолец! Будь таким, как Павел Корчагин». Мать Олега Кошевого вспоминает, что молодогвардейцы читали и перечитывали «Как закалялась сталь». Клятву, произнесенную Павлом у могилы Вали Брузжак, записала в своем дневнике Зоя Космодемьянская; на памятнике прославленной партизанке теперь высечены слова этой клятвы. И после войны на самые ответственные задания идут отряды имени Островского, имени Корчагина, чтобы строить Камский автогигант и Саяно-Шушенскую ГЭС, прокладывать Байкало-Амурскую магистраль, обводнять пустыни, поднимать целину. В космос отправляются читатели и последователи Корчагина. «Жизнь Николая Островского всегда будет ярким маяком для нашей молодежи», — свидетельствовал Юрий Гагарин. Другой летчик-космонавт, Виталий Севастьянов, говорил: «В трудные послевоенные годы я, тринадцатилетний мальчишка, прочел «Как закалялась сталь». С тех пор книга всегда со мной. Она — мой спутник с юности».

Иметь такого спутника — большое счастье. Особенно если попал в тяжелые передрыги, нуждаешься в дружеской поддержке. Корчагин не только утешает, он возрождает к активной общественной жизни. Примеров тому предостаточно. Не без помощи романа «Как закалялась сталь» перестраивали свою жизнь люди трудной судьбы — среди них ставшие, как и Николай Островский, писателями, — Николай Бирюков, Филипп

Наседкин, Владислав Титов, Ильгиз Калимуллин. Книгу о своей боевой молодости написал бывший белорусский партизан Николай Новиков, которого тоже свалила тяжкая болезнь. Инвалидами объявили врачи Александра Малышева и Анатолия Осипова; вопреки этим предсказаниям, первый работает доцентом в пединституте, защитил кандидатскую диссертацию; второй хорошо проявил себя в журналистике. По-корчагински продолжают жить и работать многие другие, на чью долю достались столь же мучительные испытания.

Призыв к мужеству отнюдь не устарел, как тщатся доказать нигилисты. Во всем мире он звучит голосом надежды, веры в людей. Они, маленькие и ничтожные в представлении реакционной литературы, способны на подвиг, на историческое деяние. Всемирное значение советской литературы определяется этим пафосом исторического оптимизма, гуманизма. Книги Шолохова, Фадеева, Островского стали для зарубежных читателей художественным открытием нового мира и нового человека-коммуниста, преобразующего обстоятельства и самого себя. А в ряде случаев стали и учебником жизни. Вьетнамские и корейские патриоты, ведя войну за освобождение родины, создавали партизанские отряды имени Николая Островского, Павла Корчагина. Называться этими именами получали право лучшие из лучших болгарских и югославских партизан. И поныне, когда кому-нибудь очень трудно, ему дают прочитывать «Как закалялась сталь». Поразительную историю поведал Борис Полевой.

Советскую делегацию, прибывшую на всемирный конгресс профсоюзов, познакомили с посланцем одной африканской страны. В его мандате было написано: «Павел Корчагин». «— Так зовут этого африканца?» — И организаторы конференции, и советские делегаты не могли скрыть удивления.

Молодой человек рассказал о себе. Подростком он работал на строительстве железной дороги, которую английская компания прокладывала через болота и джунгли. Не выдержав голода, нищеты, издевательств надсмотрщиков, рабочие взбунтовались, потребовали от компании мало-мальски сносных условий труда. В ответ — зверское избиение. До полусмерти избили и теперешнего делегата конгресса.

С пробитым черепом, искалеченными легкими, отбитой печенью юноша не один месяц пролежал в тростниковой хижине, где его приютил местный профсоюзный вожак. Дневной рацион — горстка маиса да две-три кружки сырой воды. Но и от маиса молодой африканец отказывался. Он не хотел больше жить. Зачем? Никому не нужный калека, занесенный в черные списки, ни во что больше не верящий, считал себя лишним на этом свете. Лежал угрюмый и безучастный. Не отвечал на расспросы, ничем не интересовался.

Считается, что чудес не бывает. Произошло чудо! Его принесла книга, случайно попавшая в глухую деревушку из далекой заморской страны. Кто-то привез сюда перевод романа «Как закалялась сталь». Кому-то пришлось в голову дать книгу умирающему. У кого-то хватило настойчивости убедить его прочитать роман. Наугад открыл его юноша и сразу наткнулся на фразу, что иногда не хватает сил вынести страдания, остается «шлепнуть» себя, но что это — малодушие. Поразились: как похоже на его собственные ощущения! Захотел узнать, чем завершится роман.

Семья, приютившая забастовщика, глазам не верила — много месяцев она билась, пытаясь расшевелить его, — все было бесполезно. Принялся читать о непривычной жизни совсем незнакомого народа, — будто подменили больного. Боец не должен капитулировать, поддаваться отчаянию, необходимо взять себя в руки, стать нужным собратьям — программа обширная, целеустремленная. И, оказывается, доступная, если не сдашься перед трудностями. Не сдать помог истерзанному африканцу советский коммунист Павел Корчагин¹.

Выбирая долю профессионального революционера, юноша без долгих раздумий «взял имя русского героя, пример которого вернул мне веру в жизнь...».

Пример героя! Следуя ему, множество людей воспринимают Павла Корчагина как своего современника,

¹ Некоторые из подобных историй воспроизведены в книгах А. Осипова «Корчагинцы пяти континентов» (Пермское книжное изд-во, 1973), Н. Мейсака «Сколько у нас Маресьевых?» (Западно-Сибирское книжное изд-во, 1973), в сборнике «Люблю тебя, жизнь...» («Молодая гвардия», 1973). Действительность пополняет их ежедневно и ежечасно: в 1974 году «Комсомольская правда» поместила фотографию: Алексей Маресьев и кубинский зенитчик Фаусто Диас, потерявший в боях на Плайя-Хирон обе ноги и правую руку и сумевший закончить университет — в этом ему помог пример Корчагина и Маресьева.

сегодняшнего представителя мира социализма. Тем нагляднее узость взгляда иных критиков, упрямо твердящих о «дистанции времени», ссылающихся на целое сорокалетие, отделяющее нас от создания романа Островского.

Что и говорить, сорок лет — срок большой. Коммунист наших дней живет уже в обществе развитого социализма. Но живет, выше мы показали это, продолжая и приумножая лучшие революционные традиции. Проявляя и мужество, и выдержку, и самоотверженность — это сближает нас со славными предшественниками, с корчагинцами (а возраст позволяет отнести к их числу и Морозку, и Клычкова, шолоховского Давыдова). Отличие не в том, что пересмотрены идейные ценности. Ныне их отстаивают люди, на опыте жизни убедившиеся, сколь сложно и противоречиво общественное развитие. Когда-то многое казалось куда проще. Думали: вот она, совсем рядом — мировая революция. Надеялись: объявят социализм — сразу же начнется бестревожная жизнь. Все оказалось сложнее, и сила коммунистов в том, что они, осмысливая катаклизмы истории, укрепились в своих идейных убеждениях. Осознанная, не раз проверенная вера в идеал — могучий стимул к вдохновенному труду, к героизму. К героизму людей, сознающих, какое духовное богатство они защищают и как важно во что бы то ни стало сберечь его для своего народа, человечества, самого себя. Если другого выхода нет, — нужно жертвовать всем, даже жизнью, двух мнений на сей счет быть не может. Как не может быть и сомнений, что такая самоотверженность не имеет ничего общего с принципиальным аскетическим самоотречением, с жертвенностью ради жертвенности.

То, что стало уже аксиомой, — вырабатывалось в идейных спорах, в том числе на страницах литературных произведений. Константину Федину, автору романа «Города и годы», представлялось, что безграничная верность революционному долгу может обеднить большевика Курта Вана. К чести писателя надо сказать, что он был твердо убежден: историческая правда на стороне таких людей, их аскетизм — явление временное, преходящее. Не собирались увековечивать жертвенность своих героев и Юрий Либединский в повести «Неделя», Виктор Кин в романе «По ту сторону», хотя

у них коммунисты бестрепетно идут на смерть. Герои повести Фадеева «Против течения» отказываются от личного, но к этому они *вынуждены* суровыми обстоятельствами гражданской войны; «люди стеснялись своих нежных и теплых чувств на бесстрастных, холодных путях Уссурийской ветки». А вот в повести Сергея Буданцева «Мятеж (Командарм)» большевики заранее обречены безропотно лечь костями в фундамент будущего здания. В романе Ильи Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова» коммунист изображен фанатиком, отказавшимся от собственной личности ради догм; он — «икс без палочки», «человек не для себя». С этими формулами перекликается еще одна, также принадлежащая Эренбургу 20-х годов: «Для людей, но только без человека».

Творческая работа Николая Островского шла в одном русле с писателями, которые связывали духовное, нравственное развитие революционера с осмыслением личного места в общей борьбе. Верно определить это место можно лишь тогда, когда поймешь: все, что предстоит делать, нужно делать и «для других», и — тем самым — «для себя». Жизненность романа Островского, на мой взгляд, объясняется тем, что здесь показан не просто результат, к которому пришел в своем развитии главный герой, а основные моменты этого развития. Потому и поучителен, без назидательности, многолетний подвиг Корчагина, что читатель наблюдает за идейным созреванием обыкновенного рабочего парня, за всеми перипетиями его самовоспитания. Возникает полное доверие к описанному и уверенность: так смогут держаться все, кем движет большая идея, кто способен во имя ее мобилизовать свои силы.

Сюжетное развитие романа, его композиция, речевой строй — все подчинено одной задаче: художественно выявить, как закалялась сталь большевистского характера. Никакой идилличности, статики! Бурный ход событий, крутые повороты в судьбе. Необходимость перемен в характере, остающемся неизменным в основном — в верности идее, товарищам по классу, по партии.

Социальное происхождение, трудовое детство, добрые задатки натуры — многое объясняет, на какой стороне баррикады должен был оказаться сын рабочего и сам рабочий Павка Корчагин. Это еще один из

революционных бойцов, ставших героями нашей литературы. Однако они не были одинаковыми: Морозка — его неумной энергии надо было придать верное направление; храбрые, но поддающиеся анархистским настроениям матросы, — Кожух должен был пригрозить им пулеметом; твердый и дальновидный фурмановский Клычков... Из Павла, сложись его жизнь иначе, мог выйти, к примеру, такой же партизан, как Морозка. Вышел же скорее Клычков, большевистский комиссар по призванию. Без труда можем представить человека с характером Корчагина и на месте, скажем, шолоховского Давыдова.

Что закрепило Павла на избранном пути?

Сравним два сюжетных поворота романа.

Корчагин — боец Красной Армии. Воевал отчаянно, как делал все! Рвался туда, где труднее и опаснее. По фронту гремела слава Первой Конной. Павел надумал «перемахнуть» в нее. Ему напоминали о дисциплине. Объясняли, что нельзя самовольно переходить из части в часть. Стоял на своем: не дезертировать же собирается, не в тылу намерен окопаться. «Все это правильно, но к буденновцам я перейду — это факт».

Корчагин — военком батальона. Столько осталось позади! Бои, ранения, госпиталь. Комсомольская работа, опять военная служба, погони за бандитами, государственная граница. Учеба — не только по книгам, но и у старших товарищей — бдительности, выдержке, хладнокровию. Многое понял за эти годы, в частности, что такое командир, комиссар для окружающих. Понял и усвоил. После тяжелой болезни Корчагин почти не мог ходить. Но в учебный поход со своим батальоном отправился. С трудом взобравшись в седло, ехал впереди колонны. Когда поверяющий, не слушая объяснений, приказал слезть с лошади, в Павле «несколько минут боролись два чувства: обида и выдержка», он готов был вспылить. Но перед нами уже не тот Корчагин, что мог нарушить дисциплину, самовольно перейти в другую часть.

«Корчагин был военком батальона, этот батальон стоял за ним. Какой же пример дисциплины показал бы он ему своим поведением! Ведь не для этого же хлыща он воспитывал свой батальон. Он освободил ноги из стремян, слез с лошади и, преодолевая острую боль в суставах, пошел к правому флангу».

Близкие товарищи правомерно говорили о вихрях чувств, которые «бунтуют» в Павке и даже «сшибают его в сторону». Порой прорывались не только природная горячность «озорного, мятежного парня», но и остатки той самой стихийности, которую он не сразу преодолел в себе. Как и Чапаев, Павел не кончал ни военных академий, ни даже школы — оттуда его выгнали по требованию преподавателя закона божьего. Он мог ответить своим притеснителям лишь ненавистью; самым веским аргументом в ссоре с чванливым гимназистом — сыном начальника депо стала увесистая оплеуха.

Били его, бил он — не от жестокосердия, а защищая свое достоинство, впоследствии — свои убеждения. И вот однажды услышал: давать сдачу надо с умом. Драка ради драки не наилучший метод, иной раз нужно уметь сдержаться, всегда — думать о тактике. Урок, полученный от большевика Жухрая, был очень предметным: мало ненавидеть кровопийц, пора научиться бороться с ними. «Драться вообще не вредно, только надо знать, кого бить и за что бить», «биться в одиночку — жизни не перевернуть».

Павел научился бороться с врагом смело и расчетливо. Овладел военным мастерством. На фронтах «возмужал, окреп». В комсомольской работе, на стройке узкоколейки самоотверженность была помножена на стойкость и терпение. В дискуссиях с троцкистами побеждал и страстностью речей, и убедительностью доводов; оппозиционерам оставалось одно — скандал. Страницы, на которых воспроизведена принципиальная борьба с антиленинской оппозицией, дают точную картину политической зрелости партийных масс.

Во всем таков Корчагин — принципиальный, убежденный, страстный. В скобках заметим, что благовоспитанным тихоней он не сделался, и впредь не обходилось без срывов. Но это именно срывы, случайные отступления от избранной линии.

Сама линия выбрана сознательно. Труднее всего справиться со своим характером. Сам себе заказал: перестроить! Старался смирять вспышки гнева. Задумал доказать, что воля сильнее привычек — решил бросить курить и ругаться. Все это не упражнения на досуге. Павка знал, чего требует от него время, он, — словно прочитав о Рахметове! — так же целенаправленно

закалял сам себя. И наступил час, когда выяснилось, что делал это не напрасно.

...Врачи объявили приговор: болезнь неизлечима. Ничего худшего быть не могло. Кто не горит, тот коптит — так можно сформулировать жизненную философию Островского и его героя. Но больничная койка, одиночество, бездеятельность — это не только «коптить», это гнить заживо! Пусть эстетствующие снобы, считающие Корчагина примитивным, хоть на миг призадумаются, какие мысли и чувства обуревали юношу. Автор романа рассказал об этом без недомолвок, еще раз подтвердив, что стойкость идейного борца не имеет ничего общего с твердокаменностью истукана. Наоборот, такому человеку и присущи сильные страсти.

Кто знает, как поступил бы Павел, если бы не прошел он через фронты, Боярку, школу Жухрая и Токарева. Правда, он все равно не смог смирить себя, узнав медицинское заключение. Пережил часы, описание которых может покоробить уже не скептиков, а догматиков. Коммунист думает о самоубийстве — вида-но ли такое?! Между тем человека, по жилам которого струится горячая кровь, а не дистиллированная водичка, ничуть не принижают эти минуты. Кому легко справиться с таким?! «Тот, кто постоянно ясен,— тот, по-моему, просто глуп», — заявлял трибун революции Маяковский.

Кто осудит бойца, выпавшего из общей цепи? — задает себе вопрос Корчагин, взяв в руки пистолет. Не только о ждущих его физических страданиях думал — в первую голову о ненужности своей людям. «Стать отряду обузой?.. Пуля в сердце — и никаких гвоздей!» И тут же пришла еще более тревожная мысль: не окажется ли самоубийство проявлением трусости, дезертирством, «бумажным героизмом»? Павел вновь выбрал долю борца. «Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной».

Корчагин сделал ее полезной. И опять чувствовал себя нужным людям и безумно дорожил каждой минутой — много ли их осталось! Вплотную подступала костлявая с острой косой, — сжимал волю в кулак, заявлял себе, близким, друзьям: ни за что не отступит, пока не дописана последняя страница начатой книги.

Мы перечисляем итоги, а можно ли забыть, сколько за ними боли душевной и телесной, бессонных ночей, длинных дней — тоже в беспросветной для ослепшего темноте...

Трагедия? Несомненно, но не крах человеческого в человеке, не безысходность обреченного. В конечном счете Корчагин справился со своей трагедией. Преодоление отчаяния — кульминация пути, пройденного с тех пор, когда вихри чувств сшибали его «в сторону», до обретения поразительного мужества в схватке с болезнью, самой смертью. В романе Островского — своеобразный вариант жизненной коллизии, воспроизведенной в ряде произведений советской литературы. Финалы «Разгрома», «Тихого Дона», «Молодой гвардии», опровергая разглагольствования советологов о «бесконфликтности» нашего искусства, своей трагичностью отнюдь не обессиливают читателя, а зовут на подвиг. К этим вещам, к роману Островского вполне применимы слова, ставшие названием пьесы Всеволода Вишневского: «Оптимистическая трагедия».

Благодаря чему и ради чего Корчагин остается оптимистом, работником, борцом, — на этот вопрос отвечает книга, помогая каждому читателю осмыслить ответы применительно к самому себе.

Благодаря вере в партийное, народное дело и готовности посвятить ему всю свою жизнь. Это чувство мобилизует энергию человека. А порой заставляет и от чего-то отказываться, об этом тоже не надо забывать. Не все радости земные были доступны им, революционерам предоктябрьских и послеоктябрьских лет. Павла Власова ждали царские тюрьмы и ссылки, Левинсону некогда было даже прочитать письмо от жены. Да и Корчагину приходилось думать о самоограничении. По природе он очень общителен, ценит дружбу, удивительно тепло относится к матери и брату, всем сердцем тянется к Тоне Тумановой. Но условия времени требовали полностью отдавать себя борьбе и, как считал Павел, не позволяли думать о личном, интимном.

Продолжая размышления о неизбежном самоограничении, обусловленном эпохой, и нарочитой жертвенности — дани умозрительному теоретизированию, нужно подчеркнуть, что герои Островского органично подчиняют все свои помыслы классовой морали.

Сравнительно легко расстался Павел с Тоней, перешедшей в чужой лагерь. Гораздо сложнее складывались отношения с Ритой Устинович. Она — своя, близкая по общему делу, интересам, взглядам. Привлекает его как женщина. Не слишком ли привлекает? Тут и возникает конфликт, который опять-таки решается в развитии характера.

Почему Павел порвал с Ритой Устинович? Не столько из-за того, что встретил у нее другого мужчину (к тому же он оказался ее братом). Сказалась максималистская позиция Корчагина. «Любовь, считал он, приносит много тревог и боли. Разве теперь время говорить о ней?» Уходя от Риты, Павел торопится «сжечь мостки». Он находит в себе силы «ударить по сердцу кулаком». В черновых записях к роману это решение обосновано подробнее: «Сбереги любовь для страны своей, береги порывы страстей для огненных речей среди братвы, копченной дымом. Оставь ненависть для тех, кто убил Сережу и его сестренку. Для этого можно отдать и вторую любовь или ее рождение. Вспомни Овода».

Опять Овод! Корчагин не разочаровался в нем. Но постепенно стал воспринимать с некоторыми поправками — они подсказаны собственным опытом, общим гуманистическим жизневосприятием, углубившимся в 30-е годы («Как закалялась сталь» завершена в 1934 году). Через несколько лет Павел переосмыслил разрыв с Ритой.

Что сохранилось, что изменилось в оценке романа Войнич?

«— Отброшен,— говорит Павел не столько о герое этого романа, сколько о себе самом,— только ненужный трагизм мучительной операции с испытанием своей воли. Но я за основное в Оводе — за его мужество, за безграничную выносливость, за этот тип человека, умеющего переносить страдания, не показывая их всем и каждому».

Находились критики, считавшие, что в книге Островского воссоздана лишь автобиография человека необычайной судьбы. Буржуазные интерпретаторы романа шли еще дальше: Корчагин,— соглашались они,— феномен, но это фанатик, которому абсолютно безразлично все, что не имеет отношения к непосредственным обязанностям партийного функционера. Остров-

ский решительно опровергал горе-толкователей. С раздражением отзывался он о рецензенте, исказившем замысел романа. Много размышлял о задуманном кинофильме «Как закалялась сталь». Судя по всему, думал о перестановке художественных ударений именно для того, чтобы оттенить широту интересов и эмоциональное богатство Корчагина. Островский разъяснял, что «Павка Корчагин был жизнерадостный, страстно любящий жизнь юноша. И вот, любя эту жизнь, он всегда готов был пожертвовать ею для своей родины. Павка не должен выйти суровым, хотя он хотел казаться таким. Жизнь была в нем ключом, прорывалась наружу сквозь внешнюю суровость».

Пройдут годы, и советские писатели, как уже отмечалось, сосредоточатся на поисках гармонического характера. Но путь к нему не был заранее выпрямленным. В служении долгу, в привычке сливать личное с общим, ставить интересы народа на первый план кристаллизовался внешне суровый, а на самом деле «жизнерадостный, страстно любящий жизнь» революционер и строитель.

Такова диалектика развития жизни и литературы. После завоевания Советской власти, в годы первых пятилеток страна жила горячей, напряженной борьбой за построение фундамента социализма, борьбой, исход которой решали месяцы, недели, дни. От народа требовались самоотверженность, мобилизация всех сил. Известное превалирование общественного над личным было неизбежным, и это получило свое отражение в художественных произведениях. Но ограничиться сказанным — значит заметить только одну половину правды. А вторая, основная, состоит в том, что художники социалистического реализма раскрыли глубинное содержание и перспективу исторического процесса. Развитие советской жизни неразрывно связано с обогащением души каждого человека в служении общественному делу — оно становится близким и дорогим ему личным делом. Об этом и рассказал Островский.

Молодой писатель руководствовался призывом Горького «давать в книгах сильные характеры, большие страсти, давать людей огромного порыва, кипучего действия, которые будут волновать читателей». Он понимал, что для впечатляющего изображения таких людей нужен богатый арсенал поэтических средств.

И заботился об его расширении, о пластичности изображаемых фигур. Под пером Островского воедино собираются разбросанные там и сям портретные детали: в момент сильного переживания Павел закусывает губу, на лице его оставили свой след перенесенные страдания. Композиционная структура романа также проявляет характер центрального героя в широте взаимосвязей: мы видим его среди комсомольцев, бойцов Красной Армии, в семье, во взаимоотношениях с любимой девушкой, с друзьями — они очень разные — Сережа и Валя Брузжак, Иван Жаркий, другие. Сближению «по сходству» служат сцены, в которых показана дружба-учеба у старших — Жухрая, организатора Советской власти в Шепетовке Игнатьевой, предревкома Долинника, predisполкома Лисицына, секретаря губкома Акима, у Токарева, Панкратова. Сопоставление «по контрасту» дается в столкновениях с врагами; в сравнении с ними особенно наглядна моральная чистота юного революционера. Не мог, никак не мог он принять торопливо предложенную любовь Христины, с которой вместе оказался во вражеском застенке. Ничто не заставило бы его мириться с аморальными поступками карьериста и пошляка Файло, троцкиста Дубавы.

Островскому недостаточны прямые, «в лоб», описания. Он ищет метафорические ассоциации. Вот как передано духовное созревание Корчагина. После долгого перерыва, вернувшись с фронта в родной дом, Павел снова взял в руки гармонь. Без комментариев ясно, что эти годы прошли для него не даром. «...Играл не так, как бывало. Нет бесшабашной удалы, ухарских взвизгов и разудалой пересыпи, той хмельной залихватистости, прославившей молодого гармониста Павку на весь городок. Музыка звучала мелодично, не теряя силы, стала более глубокой».

Штрихи, детали, нюансы. Их немало, выбраны они не случайно, а главное — сливаются в образ динамичный. Слабость некоторых литературных произведений о людях, задуманных как положительные герои, объясняется искусственным сглаживанием их пути. Цельность же большевистского характера — не схематическое однообразие, это сложная цельность. Объясняя смысл своего произведения, Островский однажды сказал: «Сталь закаляется при большом огне и сильном охлаждении. Тогда она становится крепкой и ничего не

боится. Так закалялось и наше поколение в борьбе и страшных испытаниях и училось не падать перед жизнью».

Мы говорим о категориях не только социальных, но и эстетических. О том, что цельность характера революционера — сложная, «забывали» критики-догматики, уподоблявшие положительного героя стандартным образам-гомункулюсам, искусственно выращенным в колбах литературных алхимиков. Однако не нужно упускать и вторую часть формулы: сложная, но *цельность*. Еще Горький высмеивал литераторов, которые за некую особую сложность выдавали уродливую раздробленность мещанской души, аморфность самовлюбленного индивидуалиста.

Мещанскому индивидуализму, тупой злобе старого мира, разъединяющего и разобществляющего людей, писатели «горьковской школы» противопоставили человека сильного и прекрасного своими социальными стремлениями. Посвящая себя людям, этот человек не только много делает для общества. Он обретает новые нравственные качества, личное удовлетворение достигнутым. Так было и с Корчагиным, и с самим создателем этого замечательного образа. Узнав в 1935 году, что его роман вскоре выйдет за рубежом, что намечено экранизировать его, Островский в письме к другу так выразил свои чувства:

«Я никогда не думал, что жизнь принесет мне такое огромное счастье. Жуткая трагедия разгромлена, уничтожена, и вся жизнь заполнена всепобеждающей радостью творчества. И кто знает, когда я был счастливее — юношей с цветущим здоровьем или сейчас?..»

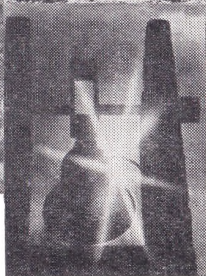
Потрясающие строки! Это ж надо подумать: счастье человека, прикованного к постели, ослепшего, терзаемого мучительными болями. Настоящее счастье: не только не стал обузой, но смог служить «самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Быть нужным людям — для коммуниста это не абстрактное сочувствие «обездоленному брату», но активная борьба за преобразование обстоятельств, которые подавляли и унижали личность при эксплуататорском строе и которые должны обеспечить ее расцвет при социализме. А на что способен такой человек, выросший в коллективиста, раскрывшийся навстречу всей

красоте мира и готовый защищать ее, блестяще продемонстрировала Великая Отечественная война.

Маршал А. М. Василевский имел полное право заявить — почти словами Островского — о воистину стальных людях, героях войны: «Сталь эта ковалась до войны. В огне она закалилась и беспощадно разила врага». А закалилась сталь большевистского характера на большом огне трудных испытаний наших дел и наших идей.

ДОЛГ КОМАНДИРА—
ДОЛГ ЧЕЛОВЕКА

Секрет победы. Цена победы. Плоды победы. Эти понятия, в их внутренней взаимосвязи, закономерно выдвигались в центр нередких в юбилейные месяцы встреч, конференций, бесед о Великой Отечественной войне, о посвященных ей произведениях литературы и искусства. Так было и во время Всесоюзного творческого совещания писателей и критиков на тему «Бессмертный подвиг народа в Великой Отечественной войне и советская литература» (Белоруссия, 1975).

Брестская крепость. У ворот ее в эти дни вновь встретились и по-братски обнялись участник совещания писатель Сергей Сергеевич Смирнов и один из немногих оставшихся в живых защитников цитадели Родион Ксенофонтович Семенюк. То, о чем довелось читать в книгах Смирнова,— снова слышим из уст очевидца легендарных событий: Семенюк дрался до конца в казематах Восточного форта, сумел спрятать там знамя дивизиона. Много лет спустя он разыскал драгоценную реликвию, сейчас знамя в музее крепости-героя. Речь идет о «секрете победы»? Вот он—такие люди, их патриотизм, стойкость, беззаветность.

Хатынь. Над пепелищем села, все жители которого безжалостно уничтожены оккупантами, высятся только печные трубы, напоминая о прочности крестьянского быта. Нет на земле больше никого из тех, кто тут родился и вырос, трудился, любил, был счастлив. Лишь звон колоколов мерно и торжественно каждые тридцать секунд напоминает об одной, еще одной оборвавшейся жизни. Сколько их, достигнутых злодейской пулей, заживо сгоревших в наглухо заколоченных палачами избах! Страшная цифра 20 миллионов становится до боли ощутимой, когда смотришь на каменный постамент посреди Хатыни. В трех углах — белокожие березки; в одном дерево не посажено, здесь — напоминанием о том, что в Белоруссии погиб каждый четвертый — полыхает огонь вечной славы. «Цена победы»? И она — опять люди, советские люди, несломленные, несдавшиеся.

Минск. В столичном театре, вместе с тысячами читателей, писатели обсуждают свою работу над военной темой. Да, как и в Тбилиси, опять вместе: слово получают и герои их книг. Это люди, завоевавшие победу 30 лет назад, трудом своим обеспечивающие сегодня нашу Программу мира. Кто в Белоруссии не знает школьного учителя, который в 1941 году со всем своим классом ушел в партизаны? Его, Героя Советского Союза, опытного партийного руководителя, юбилейное совещание слушало с исключительным вниманием. Оратор не ограничился сообщениями о поразительных хозяйственных достижениях, повышении урожайности с 11 до 26 центнеров с гектара. Залог новых успехов он видит в идейном развитии людей, их духовном здоровье. «Плоды победы»? Это — патриотическое сознание людей, их стремление вдохновенным трудом множить завоевания социалистической отчизны.

Оглядываясь в прошлое и предугадывая будущее, мы твердо знаем, что всем достигнутым обязаны самоотверженности советских людей. Знаем, что вдохновителем и организатором борьбы народа с немецким фашизмом была ленинская Коммунистическая партия. Ее сыны первыми подымались в атаку, не жалели жизни во имя победы; три миллиона коммунистов не вернулись с фронта. Советские патриоты считали высшей честью удостоиться звания члена партии; их за-

явления были немногословными: «Иду в бой. Прошу считать меня коммунистом».

О силе советского строя, высоте сознания советских людей, о ведущем примере коммунистов и повествует наша литература. Творческий труд современных мастеров слова отличает равное внимание и к общественно-историческим обстоятельствам, формирующим характеры, и к тончайшим сферам «диалектики души». Коммунисты — герои лучших книг об Отечественной войне — выступают одновременно смелыми воинами, организаторами всенародной борьбы и убежденными гуманистами, умелыми воспитателями.

В этом гуманистическом пафосе коренное отличие нашей литературы от реакционной буржуазной, прославляющей бездушного вояку, супермена, насильника. Говорят: человеку на войне обязательно присуща железная воля, без прочной дисциплины современная армия немыслима. Спорить не о чем, если помнить, *во имя чего* нужно все это, каким образом уставная дисциплина переплавляется в чувство личной ответственности за общее дело.

Конечно же, главным мотивом произведений советских писателей об Отечественной войне всегда был призыв к мужеству, самоотверженности; коммунисты — герои этих произведений — показаны передовыми бойцами самых передовых участков. Движут ими высокие идейные стимулы, чувства социалистического гуманизма и интернационализма. Но что показательное: в суровой, жестокой борьбе эти чувства не только не приглушаются, они проявляются широко и свободно; характеры героев раскрываются и в боевом подвиге, и во взаимоотношениях с коллективом, и в верности нормам коммунистической морали. Таким путем литература, продолжая художественно исследовать движение общества к идеалу коммунистической личности, все глубже постигает историческое значение великой победы.

Несомненный факт — успехи «военной темы», художественное многообразие в ее разработке. Последнее обстоятельство объясняется не только разнообразием писательских дарований, о чем справедливо говорят авторы литературно-критических статей. Объективно сложилась и крепнет необходимость создать широкую и полную картину войны, увиденной с разных участ-

ков и под разным углом зрения, осмыслить все ее стороны, этапы, заглянуть в предысторию, вдуматься в последствия. Отсюда — множество своеобразных художественных аспектов, решений, приемов.

Критика отмечала новый расцвет документального начала. Документализм ярко проявился в дневниках Константина Симонова, «Блокаде» Александра Чаковского, в книге «Я из огненной деревни...» Александра Адамовича, Янки Брыля, Владимира Колесника, в романе Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого...», произведениях Сергея Смирнова, Имрана Касумова и других.

Лирическая струя отчетливо ощущается в таких произведениях, как «А зори здесь тихие...» и «В списках не значился» Бориса Васильева, «Его величество Человек» Рахмата Файзи, «Циклон» Олеся Гончара, «Дикий мед» Леонида Первомайского, «Сломанная подкова» Алима Кешокова, «Тирлеанские девчонки» Велты Спаре, партизанские повести Василя Козаченко, романы и повести Михайлы Стельмаха, Василия Рослякова, Льва Якименко, Сергея Баруздина.

Реалистически выверенный, чуждый броских украшений рисунок отличает повести, романы, рассказы Вадима Кожевникова, Николая Грибачева, Анатолия Ананьева, Аркадия Первенцева, Адыла Якубова, Сергея Крутилина, Евгения Воробьева, Олега Смирнова, Константина Лордкипанидзе, Георгия Натрошвили, Петра Сажина.

Острота постановки морально-этических проблем определяет сюжетный драматизм повестей Василя Быкова, Анатолия Калинина, Георгия Березко, Григория Бакланова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Пауля Куусберга, Юрия Додолева, Тахави Ахтанова.

Эпичность социально-психологического повествования — примечательная черта военной трилогии Константина Симонова, романов «Горячий снег» Юрия Бондарева, «Минское направление» Ивана Мележа, «Потерянный кров» Йонаса Авижюса, «Ивушка неплакучая» Михаила Алексеева, «Война» Ивана Стаднюка, «Судьба» Петра Проскурина, повестей «Матерь человеческая» Виталия Закруткина, «Материнское поле» Чингиза Айтматова, тетралогии Ивана Шамякина «Глубокое течение».

Эти перечисления, конечно, не полны.

И вот о чем еще надо сказать. При всем индивидуальном несхождении произведения, посвященные Великой Отечественной войне, близки именно своей гуманистической направленностью. Программно звучит авторское заявление в одной из самых документальных вещей — в публицистической работе Александра Кривицкого «Не забуду вовек»:

«Если цели войны возвышенны и благородны, если она поэтому не апеллирует к низменным чувствам людей, а возбуждает в них страсти высокие и чистые, то и оставляет она им все человеческое. А остальное уж зависит от самих людей, их характеров, воспитания, привычек».

Такие цели и ставят перед собой коммунисты, воины храбрые, самоотверженные, убежденные. О том, чтобы возбуждать во всех советских людях эти страсти, думает «человек партии», будь он политработником, или строевым командиром, или рядовым бойцом. Коммунистам не нужно долго убеждать защитников Родины в необходимости хранить ей верность — это чувство в крови у патриотов. Но встают достаточно сложные задачи: воспитание у тружеников воинских качеств, четкая перестройка всей государственной, народной жизни применительно к сложившимся условиям — армейским, партизанским и т. п. Не менее существенно заботиться, чтобы и в этих условиях сохранялись и развивались социалистические нормы человеческих взаимоотношений. Личный пример коммуниста, его роль организатора, страстное слово пропагандиста — все служит таким задачам.

Когда-то в теоретических спорах Константин Симонов отдавал преимущество «роману события» над «романом судьбы». В повести «Дни и ночи», воссоздавшей подвиг сталинградцев, не содержалось детального рассказа о личной жизни, мыслях и чувствах Сабурова, Ани и других. Но все это отнюдь не было безразличным писателю, и в последующем он расширил диапазон изображаемого. В трилогии «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето» показаны солдаты, офицеры, политработники разных рангов и биографий, несхожих характеров и показаны в многообразных отношениях между собой, в противоречиях общественной и частной жизни.

И на войне, подтверждает судьба Синцова, вовсе не замирает эта «частная жизнь», она не может не интересоваться художника. Но Синцов — «новоиспеченный» командир; может быть, иначе выглядят кадровые военные? Нет, и личные взаимоотношения генерала Серпилина также все щедрее описываются от главы к главе. Запоминаются встреча Серпилина в госпитале с отцом, его беседа с женой полковника Пикина, история любви и женитьбы Серпилина.

Дело не в изображении личной жизни самой по себе. Она — часть той многогранной жизни, которой живут на войне. На первом плане у Симонова — то, чем прежде всего измерялась тогда деятельность и человеческая ценность коммуниста: готовность первым идти в бой. Вступив в должность комбата, Синцов разговаривает со своим замполитом Завалишиным.

«— Мне в полку сказали, что за время боев в батальоне тридцать человек в партию принято.

— Да, приняли много, но и потеряли... — Завалишин не договорил.

— А на сегодня?

— На сегодня, с вами считая, двадцать девять.

— Да, арифметика тяжелая.

Завалишин вздохнул:

— Бои. А когда бои, сами знаете: коммунисты, вперед! — со всеми вытекающими...»

В боевом деле показаны защитники Родины. Их не забыть: капитан Иванов — из тех, на ком Россия «держится»; пять артиллеристов, тянущих на руках четверста километров последнюю пушку дивизиона; летчик со сбитого бомбардировщика, пошедший драться в пехоту. Это их отвагой, их усилиями складывалось в армии настроение, о котором так сказано в романе: «...У людей постоянно образовывалось другое самочувствие, самочувствие пружины, которую со страшной силой жмут до отказа, но, как бы ее ни давили, дойдя почти до упора, она все равно сохраняет в себе способность распрямиться. Именно это чувство, и физическое, и душевное, эту внутреннюю способность распрямиться и ударить испытывали люди, медленно и свирепо теснимые в те дни немцами с рубежа на рубеж, все ближе и ближе к Москве».

Дела армейских коммунистов — это и личное выполнение труднейших заданий, и умение вызывать у

других «внутреннюю способность» к подвигу. Для командира, а особенно политработника, такая задача не менее ответственна, чем непосредственное участие в схватке. Долг командующего, считает Серпилин, не в том, чтобы самому под пули лезть, а в готовности на опасный риск самостоятельных решений, «от которых зависит успех или неудача всего дела...». В умении добиваться победы ценой умных действий и минимальных потерь.

Умение воевать — вот чего ждет партия от военачальников, от всех своих военных кадров; удовлетворить эти надежды — первейшая обязанность коммунистов. В «умение» воевать для них входит умение работать со всеми, с кем рука об руку идешь в бой. Навыки и психология таких профессиональных военных, как Серпилин, как член Военного совета Захаров, начальник штаба Бойко, заместитель командующего Кузьмич, неотделимы от демократизма, от заботы о людях. За свою прямоту, готовность отстаивать справедливость Серпилин в прошлом не раз жестоко платился. Не изменился он и на войне, остался бы и впредь прежним, не оборви вражеский осколок его жизнь. «Надо и после войны жить по чести, — уверен Серпилин. — На войне при всех своих недостатках все же честно живем. Надо и после нее не хуже жить».

Мысль, в разных вариациях прозвучавшая в произведениях многих писателей, считавших, как выразился Михаил Луконин, что с войны «лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустой душой». О «чести, совести, порядочности» никогда не забывают Устименко и другие коммунисты — герои трилогии Юрия Германа «Дело, которому ты служишь». Нынешнее свое поведение соотносят с тем, как они жили в военную пору, о чем мечтали, герои романа Анатолия Ананьева «Годы без войны». В романе Николая Зарудного «Гилея» летчик-фронтовик вспоминает, как его принимали в партию.

«— Вы завоевали право стать коммунистом своей преданностью и кровью, — сказал тогда Запорожному комиссар эскадрильи, — у вас будет много орденов, но партийный билет — один. Это, Запорожный, не награда, а суть вашей жизни и борьбы. Помните об этом всегда: в радости и в тяжкие часы...

И Запорожный не забывал об этом никогда...

Сейчас уже не нужно рисковать жизнью, подтверждая этим верность партии, теперь другие времена, но нужно оставаться и в этих буднях таким, каким ты был, Запорожный, в бою, сохраняя высоту духа.

Требование беречь и множить «высоту духа» литература 70-х годов выдвигает в полную меру, продолжая традиции предыдущих десятилетий и поднимая их на такую ступень, которая еще не могла быть реальной для героев «Железного потока», «Разгрома», «Как закалялась сталь». Но в основе своей — это как раз высокая корчагинская принципиальность, нетерпимость к злу, к фальши.

Наша литература верна и традиции резко критического отношения к людям, живущим «с пустой душой». Писатели и в предыдущие годы обличали всех, кто лживо прикрывается партийным билетом, будь то прямые предатели, или приспособленцы, или самодуры. Достаточно напомнить ряд произведений, где правдиво выведены такие типы (вслед за ставшей классической пьесой Александра Корнейчука «Фронт»): «Белая береза» Михаила Бубеннова, «Южнее главного удара», «Пядь земли», «Июль 41 года» Григория Бакланова, «Батальоны просят огня» и «Горячий снег» Юрия Бондарева, сочинения Василя Быкова и Константина Симонова.

Говоря о тех, кто игнорирует партийное отношение к людям, Симонов имел в виду не обязательно закоренелых злодеев, хотя есть в его романе и такие: трусливый и подлый доносчик Бастрюков умело прикрывался званием политработника, но в конце концов был разоблачен. Среди отрицательных персонажей трилогии — тупые формалисты и бездушные военные чиновники.

И службистов автор не хочет мазать одной краской. Грубый, не желающий считаться с потерями, трезво оценивать обстановку, Батюк все же начинает «перестраиваться»; как говорит Серпилин, «он на войне ума набрался». Совсем иначе обстоит со Львовым. Член Военного совета фронта, участник гражданской войны, обладатель громкого имени, человек невероятно напоистый, он не жалеет себя ради поставленной цели. Но еще больше не жалеет других, а цель эта в его интерпретации исключает уважение к людям. Понимание Львовым долга антигуманно, храбрость — безрассудна.

У него искаженные представления о политработе: подавление личности подчиненных, огульное недоверие. «Он не придумывал отрицательных фактов, но в собирании их был тщателен и непреклонен, считая, что сами по себе факты не делятся на заслуживающие и не заслуживающие внимания, ибо любой так называемый мелкий факт в определенной обстановке мог приобрести крупное значение. Если у людей нет крупных, то есть очевидных, недочетов, значит, есть мелкие, то есть не всем очевидные. Иначе не бывает. И надо искать и находить эти не всем очевидные недочеты, которые могут сделаться опасными».

Как можно быть в одном строю с людьми, когда стараешься найти у них побольше изъянов, унижить их, силой навязать свою субъективную волю? Таким волюнтаристам советские писатели отказывают в праве действовать от имени партии. Право это необходимо снова и снова подтверждать безупречностью и в бою, и в отношениях с товарищами, как подтверждают его Серпилин и Синцов в трилогии Симонова, лейтенант Кузнецов в романе «Горячий снег» Юрия Бондарева.

Роман Бондарева — попытка художественного синтеза неправомерно разделявшихся иными писателями на два потока «правды окопной» и правды широкого взгляда на войну в целом. Писатель воссоздал картину войны на различных уровнях, от солдатской землянки до блиндажа командующего. И, как истинно современный художник, увидел: возглавить фронтовики могут люди, требующие жить по чести, помнить о человечности даже в нечеловечески трудных обстоятельствах. Жестокое Сталинградское сражение в изображении Бондарева — величайшая проверка нашего военного и нашего морального превосходства над фашизмом. Эта битва — нравственное потрясение для советских воинов и вместе с тем яркая демонстрация их душевной красоты.

Показное лихачество Дроздовского, впоследствии обернувшееся бездушным деспотизмом, получает осуждение со стороны генерала Бессонова («Не стоит так решительно приготовливаться к жертвенности, лейтенант»). Начал меняться и сам Дроздовский. Это передано точными художественными штрихами. Вот один из них. Шумливый, стремительно-парадный в движе-

ниях, лейтенант после пережитого возвращался «разбито-вялой, расслабленной походкой, опустив голову».

Авторские симпатии отданы человеку другого склада, лейтенанту Кузнецову. Он показан в широте человеческих взаимосвязей, в верности своим моральным принципам. Кузнецов — отличный товарищ, ровный и верный в дружбе, что не мешает ему быть очень требовательным командиром. Способен в нужный момент все без остатка подчинить цели, стойко выполняет свой долг, а вместе с тем всегда помнит о каждом солдате, о близких и родных. Вступив в бой, действовал безупречно с точки зрения военного мастерства. Не забывал и о том, что на батарее находится его любимая девушка Зоя. «Ее присутствие, ее лицо, ее голос точно отбিরали у него часть злобы, часть ненависти, такой необходимой, такой вдруг понятой им, нужной ему, чтобы чувствовать свою разрушительную силу, которую он никогда в жизни так не ощущал».

Когда понадобится, строители и гуманисты покажут врагу масштабы этой разрушительной силы. Однако она нечто совсем иное, чем убежденность в извечности садистского инстинкта, которую находит во всех и каждом фашистский майор, изображенный в «Горячем снеге» (под стать ему гитлеровский фельдмаршал Хейтель из романа Григория Коновалова «Истоки», война для него — основная жизненная потребность человека). Такого рода «прирожденных» свойств нет и не может быть у советских людей. История советской литературы показала, как их все сильнее объединяют в прочный коллектив общие идеалы, чувство взаимодействия. Объединяют, подтверждают современные произведения, — и духовно, нравственно. Взаимодействие, которым руководствуются в батарее Кузнецова, раздражает Дроздовского и ему подобных. В свою очередь, здесь осуждается привычка Дроздовского бахвалиться излишней прямолинейностью, безразличием к «личному». «Почему мы, подчас, в такие моменты так боимся искренности чувств? — задается вопросом Бессонов. — Почему нередко хотим выглядеть в неестественном свете глупого бесстрашия, пускаем пыль в глаза? Почему скрываем нормальное человеческое?»

Опять произносится слово: «человеческое». Не на теоретическом диспуте о проблемах гуманизма. На

поле брани, где и завершается изображенный Бондаревым непримиримый спор гуманистической морали советских патриотов и изуверских представлений фашистов. Завершается в тяжелейшей обстановке, воспроизведенной и в другом, очень популярном произведении — в романе Александра Чаковского «Блокада».

Это тоже роман о могуществе социализма, о непобедимом духе нашего народа. Автор правдиво показал неотделимость организационно-практической работы партии, обеспечившей слаженные действия всех звеньев обороны Ленинграда, и ее воспитательной работы. Закалка душ человеческих, укрепление моральных устоев жизни — обязанность, о которой ни на миг не забывают коммунисты города, армии. Многозначительны слова рабочего-питерца Королева, обращенные к его заболевшему другу, поддававшемуся унынию: «...Коммунисты во время войны не умирают в постелях... Партия тебя зовет! На завод зовет! С партбилетом, если уж умирать, то на посту положено...» Напоминание о долге потребовалось не только для того, чтобы призвать вернуться на служебный пост. Королев знает, каким образом мобилизовать все душевные силы своего товарища на борьбу с апатией, с болезнью. Городская партийная организация все время заботится о сбережении человеческих жизней, о посильной помощи ленинградцам. Секретарь горкома Васнецов внушает Королеву: «Мы должны выдержать, должны выстоять... Береги себя. И скажи коммунистам: надо сохранить рабочий класс. Золотой фонд... Без него мы ничто».

Кровопролитные сражения, бесконечные бомбежки, смерти от голода, а тут — совет беречь себя! Несоответствие призывов и реальной действительности? Ничего подобного, секретарь горкома говорит о той политике, которую упорно и последовательно осуществляет партия. Если надо: с партбилетом умирать в бою, у станка. Вместе с тем понимать: у нас нет ничего дороже людей, рабочий класс — наш «золотой фонд».

Показать, что наши победы были обеспечены и силой оружия, и сплоченностью усилий, и преданностью высоким идеалам, истинно человеческим нравственным нормам — вот что активизировало морально-этический пафос «военной литературы».

Морально-этические проблемы доминируют в творчестве Василя Быкова. В «Третьей ракете» и «Сотникове» опозитизированы беспредельно отважные советские бойцы и заклеимлены трусы и предатели вроде Рыбака. Мало кто из писателей с такой психологической достоверностью исследовал человеческое падение, как это сделал Быков на истории предательства Рыбака, который морально погиб раньше своей физической гибели. Зато ничто не страшно людям, помнящим о долге, о Родине. И в смертный час учитель Мороз хочет быть вместе со своими учениками — он не имеет права спастись в одиночку, оставив ребят в руках гитлеровцев («Обелиск»). До последней минуты рядовой советский солдат Левчук ведет бой за две жизни — женщины и ее ребенка; проявив чудеса храбрости, он спасает младенца от фашистских убийц («Волчья стая»).

Это — как всемирно известный памятник: воин-освободитель, прижавший к груди спасенного ребенка. Советское искусство разглядело великий смысл всех свершений Советской Армии — борьбу за счастье народное, за человечность.

В жесточайших испытаниях герои Быкова остаются людьми, теплое слово, знак доверия для них порой значат больше, чем полученное предписание. Герой повести «Дожить до рассвета» лейтенант Ивановский — сконденсированная воля, железное упорство. Он взялся уничтожить вражеский склад боеприпасов, и ничто не остановит его — позади Москва, только ценой самоотверженности можно задержать немцев. Гитлеровцы уже перебазировали склад. Все равно не уйдет отсюда Ивановский — надо бить немцев, хоть одного да уничтожить! С ненавистью к врагу у него переплетается любовь к своим людям. По его приказу разведчики пытаются вынести на себе раненого бойца Хакимова, иначе тот замерзнет и погибнет. Ивановский «не мог допустить и мысли о том, чтобы оставить раненого. Долг командира и человека властно диктовал ему, что судьба этого несчастного, пока он жив, не может быть выделена из их общей судьбы. Они должны сделать для него все, что сделали бы для себя». Эти принципы подготовлены всей жизнью Ивановского. И сейчас он неотвязно думает о том, как генерал провожал их в эту трудную операцию.

«—Сынки! — сказал генерал, и что-то в душе лейтенанта странно дрогнуло.— Все знаете, куда идете? Знаете, что будет трудно? Но нужно. Видите, метет,— показал он в низко нависшее облачное небо, из которого падал легкий снежок.— Авиация на приколе. На вас вся надежда...

Он и еще говорил, наставляя, как вести себя в трудную минуту в тылу, где уже никто, кроме товарища, не сможет тебе помочь. Но он мог бы и не делать этого — лейтенант имел достаточный опыт боевых действий в немецком тылу, накопленный за время двухнедельных блужданий по смоленским лесам. А вот его совершенно не начальнический, почти дружеский тон и его участливое отношение к их полным неизвестности судьбам с первых слов сразили лейтенанта, который с этой минуты готов был на все, лишь бы оправдать эту его сутубо человеческую сердечность. Даже сама смерть в этот момент не казалась ему чем-то ужасным — он готов был рисковать жизнью, если это понадобится для Родины и если на это благословит его генерал».

Опять сочетание, казалось бы, несоединимых понятий: беспощадность и человечность. Нет, не противостоящих понятий, заявила советская литература предыдущих десятилетий, раскрывая гуманистические дела героев гражданской войны, первых пятилеток. История укрепила писателей — наших современников в твердом убеждении: ненависть к нелюдям заставляет еще больше дорожить человеческими ценностями. Беззаветная любовь к социалистической Отчизне, к человеку поднимает патриотов на подвиги, вооружает ненавистью к врагу. «Долг командира и человека»...

Кто кто, а коммунист забывать об этом не может. С полным доверием следим мы за действиями старшины Васкова, который с несколькими девушками-бойцами берется остановить вооруженных до зубов фашистских десантников (Борис Васильев, «А зори здесь тихие...»). Может, и погибнуть придется, но воинский долг велит принимать неравный бой — это знают и старшина и зенитчицы, такие юные, жизнелюбивые, полные светлых девичьих мечтаний. Наверное, Васкову труднее всех. Он рискует не только своей жизнью, но и этими молодыми, только начавшимися женскими жизнями. Старшина делает все возможное, чтобы не

было неоправданных потерь, хотя от боя уклоняться не намерен. И в столь исключительных обстоятельствах в нем не появляется ничего от таких, как, к примеру, Дроздовский. Наоборот, старый служака стал душевно говорить с девушками — не на одни служебные темы, как раньше. Касаясь своих обязанностей коммуниста, командира, Васков подчеркивает: он и воспитатель. Когда возникло предложение «проработать» на комсомольском собрании испугавшуюся в первом бою Галю Четвертак, старшина, как член партии, решительно возразил против этого намерения. Своей человечностью он добился большего, чем приказами, — девушки полностью поверили ему, ради его одобрения они сделают и невозможное.

Воспевая героизм советских людей, душевность, прочнее цемента скрепляющую коллектив единомышленников, советская литература не занимается созданием олеографий. И борьба была нелегкой: тому же Васкову всю жизнь суждено переживать гибель своего отряда. И не только о благородстве и бескорыстии надо помнить; где-то среди нас могут и поныне таиться духовные последыши Рыбака. И чуждые взгляды еще не вполне изжиты; ядовитые следы тянутся в сегодня от поднявших голову во время войны национализма, звериной собственнической идеологии.

В образах героев-коммунистов советские писатели изображают стойких идеологических бойцов. В годы войны, рассказали Петр Проскурин в «Судьбе», Анатолий Иванов в «Вечном зове», «человек партии» во главе народных масс сражается с гитлеровскими оккупантами и ведет борьбу с оживившейся кулацкой нечистью, все еще надеющейся восстановить частную собственность эксплуататоров. Йонас Авижюс в романе «Потерянный кров» отобразил борьбу литовских коммунистов против националистических настроений.

Роман Авижюса затрагивает очень сложные вопросы идейного порядка, развенчивает навешенные националистами иллюзии, будто литовскому народу нужно не в войне участвовать, а любой ценой заботиться о национальном самосохранении. Школьный учитель Гедиминас свой уход от борьбы оправдывал несложными силлогизмами: «...Чтоб быть человеком... не надо вставать на чью-то сторону», а необходимо укрыться в крепости индивидуализма — «один на один со

своей совестью». По-шолоховски раскрывая глубокую порочность индивидуалистического «третьего пути», Авижюс использовал надежное оружие тончайшего психологического анализа для разоблачения националистической пропаганды. Избранная позиция «над схваткой» чуть не сделала Гедиминаса пособником предателей; в конце концов он понял, что лишь переход на сторону активных борцов с фашизмом может возродить его духовно.

Авижюсу удалось показать, что историческая, человеческая правда доступна только интернационалистам. У него не вполне получился образ коммуниста — «красного Марюса», он недостаточно эмоционален. Привлекательна же в этом человеке, одном из партизанских руководителей, неотделимость гуманистических убеждений от практических действий ради их утверждения. Марюс возмущен теми, кому наплевать на все, что творится на нашей земле, и важно одно: чтобы «собственный фрак остался без пятнышка». Пытаясь переубедить Гедиминаса, Марюс так обосновывает свои взгляды: «А мы свои фраки не бережем! Думаешь, приятная работа убивать человека, будь он распоследней сволочью? Если помнишь наши довоенные разговоры, скажи, жаждал ли я тогда крови? Мы же не отравляем в расход, как фашисты, без разбора каждого, кто носом не вышел, а стараемся отсеять врагов от своих, ведь хороший хозяин тоже пропалывает поле. Мы, коммунисты, хотели, чтобы под нашим знаменем вырос добрый урожай, чтоб всем хватило работы и хлеба, а детям — места в школе. Может, не все получилось так, как должно было, но основа нашей программы прежняя — борьба за человека».

До победы далеко, впереди еще много трудностей, крови, а коммунисты выделяют в намеченной ими программе коренное: борьба за человека, стремление отсеять врагов от своих, вырастить добрый урожай в душах людских. Долг бойца партии, вожака масс, боевого командира — это одновременно долг человека, обязательство крепить и развивать человечность.

Очень современный угол зрения, соответствующий общественной атмосфере, созданной XXIV съездом партии. Он стал особенно заметным в нашей литературе в последнее время. Это вполне естественно. Как и то обстоятельство, что она впитала гуманистические

традиции, отличавшие все наиболее значительное в искусстве социалистического реализма. Вопреки известным препонам, которые возникали в развитии таких традиций, художественный процесс современности определен гуманистическим пафосом.

Иначе и не могло быть. Большинство сегодняшних литературных удач принадлежит перу вчерашних солдат и офицеров. Авторы этих произведений досконально знают все, о чем пишут. Но причина их творческих удач еще глубже — общая жизнь писателя с народом, восприятие всем сердцем народной судьбы. Небольшой исторический экскурс, возможно, поможет глубже понять и осмыслить природу нынешних художественных достижений, их место в литературном развитии нашей эпохи.

Вместе с народом 22 июня 1941 года советская литература вступила в героическое сражение, которое длилось 1418 дней и ночей. Вступила, чтобы выразить чувства и мысли защитников Родины, вдохновить их страстными лозунгами: «За Советскую Родину!», «Коммунисты, вперед!».

Поэзия военных лет — это боевые песни и стихи Василия Лебедева-Кумача, Алексея Суркова, Михаила Исаковского, Константина Симонова, мужественные поэмы Николая Тихонова («Киров с нами»), Маргариты Алигер («Зоя»), Аркадия Кулешова («Знамя бригады»), Александра Твардовского («Василий Теркин»), романтические строки Михаила Светлова («Двадцать восемь»), Ильи Сельвинского («Баллада о ленинизме»), Самеда Вургуня, Аветика Исаакяна, Саломеи Нерис, Мусы Джалиля, Максима Рыльского, Леонида Первوماйского, Ольги Берггольц, Григола Абашидзе...

Наша проза также с первых военных дней была проникнута ощущением всенародности избранной каждым судьбы. О духовной стойкости партийных и беспартийных патриотов — произведения Алексея Толстого, Леонида Леонова, Михаила Шолохова, Бориса Горбатова, Леонида Соболева, Ванды Василевской, Александра Довженко, Александра Бека. О том — как коммунисты организуют народные силы для отпора и разгрома захватчиков. И — неотделимо от этого — как помогают перестроить психологию рабочих и крестьян, надевших красноармейские шинели. Нет, не политическая перестройка — воюют преданные защитники

социализма. Нравственное воспитание воина социалистической армии, беспощадного к врагу и неизменно человеческого. Еще в произведениях военных лет возникают ситуации, которые, как мы уже убедились, впоследствии приобретут решающее значение: духовная закалка бойцов, распространение идейного влияния коммунистов.

Молодому офицеру Момыш-Улы (Александр Бек, «Волоколамское шоссе») надо сколотить прочную воинскую часть из «здоровых, честных, преданных Родине, но не военных, не вышколенных армейской дисциплиной» людей. Их, уже привыкших отступать, предстоит превратить «в боевую силу, способную устоять перед врагом и стать страшной для него». Как добиться этого? Инстинкт самосохранения, по мысли Момыш-Улы, надо подчинить боевой задаче, приказу командира. Воинский приказ он ставит превыше всего, требуя строгой дисциплины. Доходит до предела: «О колебаниях комбата ведает он один. В батальоне он единственный повелитель. Он решает и диктует повеления...» Нужно, очень нужно укреплять дисциплину, единоначалие командира. А еще нужнее осуществить перелом в сознании бойцов, убедить их, что они смогут и стоять насмерть, и наступать. Размышляя об этом, писатель создал впечатляющий образ генерала Панфилова, обладателя качеств, которые необходимы Момыш-Улы, любому советскому командиру. «Главная обязанность, главное дело командира,— объясняет генерал,— думать, думать, думать». Панфилов решительно отучил комбата от привычки лишь «повелевать». Требовательность же Момыш-Улы, его воинское мастерство становятся надежной предпосылкой как для осуществления боевых операций, так и для воспитания у солдат моральных качеств, без которых немислим умелый и стойкий воин.

Нераздельны интересы партии и народа. Для наших людей немислим иной образ жизни, кроме советского. Алексей Федоров в книге «Подпольный обком действует» описал встречи с крестьянами временно оккупированной гитлеровцами Украины. Они размышляли о том, «как быть с колхозом?», за разрешением возникших споров обращались к приезжим: «Вы, мабуть, партийный?» Бесспорно, что «немцы захватили только территорию. Душу народа, его убеждения, его на-

циональное достоинство и самосознание немцы захватить не смогли. Народ по-прежнему верит нам, коммунистам, идет за нами, ждет нашего слова». (О том, как и при оккупантах колхозники продолжали жить по своему уставу, сеять и убирать хлеб для артели, расскажет уже после войны Иван Чигринов в романе «Плач перепелки».)

Жить по законам «третьего рейха» советские люди не могут и не хотят. Они нетерпеливо ждут призыва к борьбе. Ждут от коммунистов, видя в них представителей родной партии, советского государства. О том, как дорого людям, оказавшимся в фашистской неволе, партийное слово,—еще в 1943 году взволнованно рассказал Борис Горбатов в повести «Непокоренные». Нарисованный в романтическом ореоле секретарь райкома Степан Яценко в то же время представлен умным и способным организатором. Пробравшись через все вражеские кордоны в родные места, Степан наглядно убедился: Донбасс остался советским, жители задаются одним и тем же вопросом: «Как жить, что делать?» Они категорически отделяют себя от фашистского «нового порядка»; личная их нравственная позиция очень привлекательна. Но недостаточна, если не будет дополнена активными общественными действиями. Отцу Степана старому Тарасу вначале казалось, что вопрос «как жить?» достаточно каждому «решить для себя и своей совести». Степан мыслит шире: сохранить чистой собственную совесть важно, но еще важнее думать о всех, поднимать на борьбу народ. Моральные побуждения должны быть подкреплены организационными усилиями—только такая программа будет действенной. Ее и доводит коммунист-подпольщик до сознания своих политических приверженцев: «В одиночку-то мы все честные... Только честность свою в сундуке хороним, как невеста приданое. Нет, ты честность свою на стол клади, в борьбу кидай!» Почему поверили шахтеры Яценко-младшему? Они «знали, кто стоит за ним. Родина? Нет, родина стояла за всеми. Но только за ним стояла партия. Партия вручила ему власть над их душой».

Власть над душой! Вот оно, высшее достижение советского социалистического строя: такая власть принята народом как необходимая и желанная. И—как духовно, нравственно возвышающая тех, кто доверил-

ся самым передовым, самым сознательным. Ведь по призыву «Коммунисты, вперед!» в одном порыве встают и партийные и беспартийные патриоты. И сколько их, героев, не имевших партбилета, было рядом с боевой гвардией ленинской партии! Независимо от того, являлись они или не являлись членами партии, они сражались, как коммунисты, и за идеи коммунизма. А нередко прямо брали на себя обязанности командира, комиссара. Именно так, например, поступал великий рядовой Советской Армии — Василий Теркин, герой одноименной поэмы Александра Твардовского.

Это образ широчайшего художественного обобщения. В нем, как и в Иване Сударева из цикла рассказов Алексея Толстого, воплощен русский народный характер. Теркин без лишних деклараций принимает на себя ответственность за самые трудные задачи. Бой идет «не ради славы. Ради жизни на земле», и в этом бою он личным примером, советом, шуткой вдохновляет солдат, а если нужно, готов заменить командира, политрука. Увидев, что командир убит, «понял Теркин, что вести его черед», возглавил атаку.

И доверчиво по знаку,
За товарищем спеша,
С места бросились в атаку
Сорок душ — одна душа...

«Одна душа» — знакомый уже нам образ! В «Книге про бойца» он дан как собирательный. Но не статичный — на наших глазах «одна душа» возникает из «сорока душ», сплоченных дружкой, «святых и чище» которой не бывает, теркинскими наставлениями, которые впитали и сноровку бывалого солдата, и моральные заповеди народа. Молодые бойцы тянутся к Теркину, внимательно вслушиваются в каждое его слово, рады его похвале. Быть рядом с ним — уже большая удача.

И бойцам, что помоложе,
Что впервые так идут,
В этот час всего дороже
Знать одно, что Теркин тут.

Народным вожаком, проверенным политруком стал рядовой солдат, и в этом заключен огромный исторический смысл. Через обыкновенное Твардовский рас-

крывает необыкновенное в людях-героях, людях-победителях. Такой эстетический принцип близок писателям разной творческой манеры. Фадеев в «Молодой гвардии» реализовал его с помощью романтических красок. Шолохов, приступая к роману «Они сражались за Родину», создавая рассказ «Судьба человека», выявил героическое в полноте жизни, где есть и великое и смешное, и нежность и трагизм. Художественные способы — различные, а направление поисков одно — осмыслить богатства народной души. Эта задача все более заметно выдвигалась на первый план и на таком драматическом материале, как военный.

Конечно, не следует выпрямлять историю нашей литературы. То, к чему теперь пришли, скажем, Василь Быков в своих повестях или Константин Симонов в своей трилогии, только в зародыше содержалось в первых произведениях о войне. Не приходится говорить о многогранности, психологическом развитии образов Момыш-Улы или Степана Яценко, хотя и тот и другой — очень выразительные фигуры. Сопоставление недавних произведений «военной темы» с повестями и рассказами, с которых она начиналась, демонстрирует результат многолетних творческих исканий. Знание очень непростых моментов этих исканий помогает понять первооснову в движении одной из ведущих идейно-эстетических тенденций современности, той, что связана с воспроизведением исторически стойких черт советского характера, его духовной цельности и в то же время с необходимостью изменений, приносимых военными условиями — они корректируют, но не разрушают эту цельность.

Общее направление эстетического развития шло к художественному постижению духовного богатства советского воина. Но, как и всегда бывает, задача времени оказалась доступной далеко не всем и не сразу. И в годы войны, и в послевоенные годы появлялись произведения, не перешагнувшие рамок поверхностных батальных зарисовок. Иной раз авторы как бы сомневались: уместны ли описания сложных душевных состояний, когда обращаешься к трагическим событиям войны. Боязнь риторики и сентиментальности понятна. Психологическая же скованность литературных персонажей была связана с догматическим схематизмом, немало повредившим нашему иску-

ству. Этим догмам решительно противостоит творчество таких мастеров, как Фадеев, Твардовский, Шолохов.

Широта социально-психологического постижения народной жизни — верный компас и в решении морально-этической проблематики. Эту проблематику можно всесторонне отобразить лишь в контексте общесторического развития, многообразия человеческих взаимоотношений, — учит опыт Шолохова. В основе народной нравственности — уважение к плодам общего труда, к людям без различия цвета их кожи, национальной принадлежности. Ко всем людям? Этот вопрос интернационалистам пришлось решать вновь, столкнувшись с фашистскими убийцами, которых неправильно назвать людьми. Шолохов не просто рассказал о том, как нарастает ненависть к врагу, он активно способствовал перестройке привычных нравственных представлений. Оставаясь интернационалистом, механик Герасимов («Наука ненависти») научился жгуче ненавидеть, без чего войну невозможно было бы выиграть. Не утратил он и своей человечности. Герасимов, другие советские люди «и воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком; знаете, как это говорится: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», — а вот у нас они впряжены и здорово тянут!»

Художественные наблюдения, легшие в основу этого рассказа, не были мимолетными для Шолохова. В его романе «Они сражались за Родину» Лопухин, задаваясь вопросом, почему «мы иной раз города почти без боя сдаем», отвечал по-герасимовски: «А происходит это потому, что воевать мы... как следует, еще не научились и злости настоящей в нас маловато».

Какая конкретность художественного мышления! Учась воевать, учиться тому отношению к врагу, которого он заслуживает, без которого его не одолеть. И какая дальновидность в понимании всего хода развития! Помогая формировать в людях сугубо воинские качества, видеть, что они не ожесточат сердца гуманиста, что нечеловеческие испытания раскроют все богатства души человеческой. Разрабатывая таким обра-

зом военную тему, Шолохов возвещал переход на новый уровень и этой темы, и всей нашей литературы. Анализируя сегодняшние произведения «военной литературы», вспоминая о первых ее шагах, мы имеем все основания заявить: то и другое едино; это единство — и вместе движение на новый уровень — выражено в творчестве Шолохова, его рассказе «Судьба человека».

Сама художественная структура произведения, все его поэтические интонации — словно пламенное обращение к читателям: надо безгранично верить в советского человека, ибо в нем воплотилась высшая правда века. Если раньше, как бы говорит Шолохов, обстоятельства сгибали и ломали людей, то теперь труженики, став творцами и хозяевами истории, могут и должны не подчиняться внешнему ходу событий, оставаться самими собой, верить в победу и добиваться ее. Человек сильнее судьбы!

Всматриваемся мы в лицо Андрея Соколова, опаленное войной, изборожденное морщинами, — особенно много их проложили страшные месяцы, проведенные в немецком плену, заглядываем в глаза — безмерно усталые — и наглядно представляем себе, сколько пришлось пережить этому человеку. В спокойном, глуховатом его голосе, в большой рабочей руке, обнявшей осиротевшего мальчика, в твердости шага чувствуется нерастерянная сила. Через горе, раны, потери близких, через все прошел Соколов и сохранил «свое, русское достоинство и гордость». С честью сражался на фронте. Не дал унижить себя «герру-коменданту» Мюллеру; и в плену, на краю гибели держался с подлинным достоинством. Поньне гордится, что в лагере, среди пленных «не оказалось и сволочи, какая могла бы выдать, потому что и коммунистов среди нас было чуть не половина, и командиры были, и, само собою, и комиссары были». Имеет, чем засвидетельствовать верность солдатскому долгу: лично уничтожил предателя, собиравшегося донести на взводного; бежал из фашистского концлагеря; перебрался через фронт, прихватив офицера — «языка».

Гордость за человека с большой буквы придает героическое звучание беспощадному в своей правдивости повествованию. Какую нежность испытывает Андрей Соколов к приемному сынишке! «Два осиро-

тевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждет их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек нестигаемой воли, выдюжит, и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина».

Нравственная красота сурового бойца, откуда она? Не «упоением» милитаристскими инстинктами рождена, как у гитлеровских воителей. Это — красота мира социализма, который сильнее войны, насилия, разрушения. Отстаивая — в борьбе! — этот чудесный мир, воины несут с собой свет благороднейших идей и опыт деятельной, трудовой жизни. Той, в которой забитые когда-то труженики расправили плечи, как полновластные ее хозяева. С появления этого чувства начинался новый человек; Нил в горьковских «Мещанах» говорит: «Хозяин тот, кто трудится...». Сознание своей причастности ко всему, происходящему на родной земле, приумножает энергию защитников социалистического отечества. Шолоховский Лопахин заявляет, что дальше отступать нетерпимо: «Не могу я все это добро немцам оставить, хозяйская совесть мне не позволяет». Совесть труженика, человека большой рабочей жизни, привившей ему и стойкость, и выдержку, и чувство коллективизма, стоит и за Василием Теркиным, Андреем Соколовым.

Твардовский и Шолохов неоднократно уподобляют солдатскую службу трудной и умелой работе.

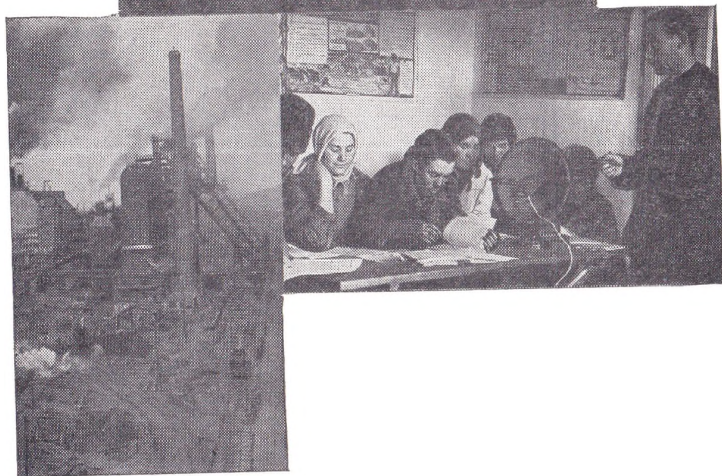
Привычную ему работу делают и на войне Теркин, его товарищи, роя окопы, наводя мосты, гатя болото, тщательно готовясь и к атаке и к обороне. Глава «Переправа» — гимн тяжелому, смертельно опасному и дружному труду, совершить его людям поможет давняя сноровка управляться с пилой и топором, приобретенная в колхозе слаженность коллективных действий.

За судьбой русского солдата Андрея Соколова — также судьба всего народа, долгий и сложный путь, пройдя который советские люди приобрели нестигаемую стойкость, выдержку, чувство исторического оптимизма. Как и у Теркина, Герасимова, Лопахина, Стрельцова, замечательные качества Соколова сложились в годы советской жизни, в труде, общественных

обязанностях, семейном кругу. «...Жизнь моя была обыкновенная», — немногословно сообщает о себе Соколов. Участник гражданской войны, после смерти отца выучился на слесаря, потом стал шофером, женился. Дома — мир, «покой на душе», настроение — лучше некуда. «Утром я встаю как встрепанный, иду на завод, и любая работа у меня в руках кипит и спорится!» За счастье о свободной жизни, за близких и родных Андрей дрался, как подлинный герой. Принципы, которые он воспринял в эти трудные и славные годы, повели труженика, человека дела на боевые подвиги, дали ему силу сохранить душевность и после невыносимых утрат.

ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ, ИХ МОРАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Деловые люди. Их моральный потенциал. В сближении таких понятий читатель уже не находит ничего необычного. Наоборот, он удивится сочинению, в котором не отображена душевная, эмоциональная жизнь труженика. Не примет и произведения, где игнорируется связь «диалектики души» и общественной жизнедеятельности советского человека. Об их органичности, как типичной для сегодняшнего дня черте, мы читаем в книгах современников о современности. Как бы присутствуем при спорах героев о сегодняшнем стиле жизни и работы.

Человек дела — он немыслим без готовности отвечать «за состояние души» товарищей и подчиненных; ему дорога четкая система действий, которая дала бы экономический эффект, но и «будила мысль, вызвала к активности»; по его убеждению, формировать трудовой коллектив нужно одновременно по двум направлениям — производственному и нравственному. Цитаты из произведений 70-х годов говорят и о своем времени, и о морально-этическом акценте, который неизменно присутствует в самом что ни на есть «производственном» или «военном» сюжете.

Искания литературные созвучны исканиям в действительности, где идет реальное утверждение нового стиля. Все настойчивее требование, чтобы им овладевал широкий круг работников, учась по-социалистически хозяйствовать. По-социалистически,— то есть действуя как люди деловые, расчетливые и вместе с тем не теряющие высоких целей, гуманистического подхода к любой задаче. Добиваясь единства теории и практики, слова и дела, единства общих и частных интересов. Залог этого — политический, социальный, психологический рост масс. Направляя его, организаторы и воспитатели должны заинтересованно поддерживать каждый перспективный шаг и предупреждать, сколь опасно отступить — и не только тем, кто свернул с верной дороги, как, например, Гребенщикова у Владимира Попова, но и тем, кто вдруг пошел не в ногу, как Лагутин в «Сталеварах».

В совершенствовании современного стиля многое лишь пробуются, испытывается, но неотделимость политических, нравственных и сугубо деловых критериев никем уже не опровергается. А ведь опровергалась! Качества, представляющиеся ныне общеобязательными, не слишком давно кое-кому казались взаимоисключающими. В долгой полемике был изжит весьма односторонний взгляд на существо характера революционера.

Советская общественность, наша литература решительно отмели злобные вымыслы реакционной буржуазной пропаганды, выставившей большевика оголтелым разрушителем, этаким кровожадным бородачом с кинжалом в зубах.

На авансцену истории выдвинулись люди, сумевшие сломать старую государственную машину и взявшиеся выполнять основное свое предназначение — строительство новых форм жизни. Их появление литераторы в большинстве своем дружно приветствовали. В их облик вглядывались жадно, но иной раз не без недоумения: не все в нем ассоциировалось с привычным всеокрушающим размахом только что завершившегося революционного штурма.

...20-е годы. Грозные, неповторимые годы.

Рухнули замшелые установления царской империи, сметена власть помещиков и капиталистов, разгромлены полчища белогвардейцев и интервентов.

Бурные митинги, пламенные речи, упоительные мечтания о мировой революции — так начиналась новая эра для миллионов и миллионов людей, не успевших еще снять красноармейские шинели. Громко заявлявшая о себе поэзия пользовалась образами космической безмерности, романтизировала «несметные грозные легионы», победившие мировые пространства, озарившие «светом искусственных солнц» путь в будущее.

Но все чаще и чаще вставали — и в жизни и в литературе — вопросы: а каким оно будет, это лучезарное будущее? Что нужно делать, чтобы приблизить его? Кому это под силу?

Тому, отвечала история, кто увидел нечто большее, чем лишь крушение прежнего режима. Увидел в первую очередь то, о чем писал Ленин в марте 1918 года в статье «Главная задача наших дней». Он отмечал, что в исторический момент, «когда крутом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое», кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние. Но ведь в это же самое время «рядом в неопикуемых муках рождается новое». Мы не только разрушили монархию и свергли буржуазию. «Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс... Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран»¹.

И от литературы требовалось внимание к жизненным обстоятельствам, в которых завоевывались победы в народном хозяйстве, в культуре, образовании. Абстрактно-романтическую тональность в поэзии сменяли явно полемические ударения:

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

За каждой мелочью — мировая революция! Понимание этого не всем далось сразу. Представим себе сол-

¹ В. И. ЛЕНИН. Полн. собр. соч., т. 36, с. 78—79.

дат революции, только что вернувшихся с фронтов гражданской войны на заброшенные заводы и шахты, пришедшие в запустение поля. Усталые и возбужденные, живущие азартом борьбы с мировой буржуазией, они встретились с множеством вроде бы очень простых, будничных проблем. Нужно было приступить к восстановлению народного хозяйства, проводить новую экономическую политику (нэп), на очередь вставляли задачи социалистического строительства. Не забыты еще мечты о полной отмене денег, а ныне предстояло уметь торговать, изучать банковские операции, методы управления производством, учиться, учиться и учиться. Да, возникавшие проблемы были повседневными. Но вот решить их совсем не просто. Как поднять из руин заводские цеха, если нет ни рабочей силы, ни стройматериалов, ни денежных средств? Как перестроить деревенский уклад, если не хватает даже посевного зерна? Как поднимать культуру масс, если население безграмотно?

Один лишь порыв, которым можно было взять вражеские укрепления, святой и благородный порыв, уже недостаточен. Необходимо долгое, упорное, продуманное наступление, завоевание прочных позиций, постепенное выкуривание противника из занятых им нор. «За каждой мелочью» вырисовывались большие задачи, которые предстояло решать вчерашним бойцам гражданской войны. В партии, в народных массах вырабатывалось новое отношение к экономике, к хозяйственной политике.

Этому отношению учил ленинизм. В речах и статьях Ленина — огромное богатство мыслей об организации работы по-новому во всех областях партийной, государственной, общественной жизни.

«В буржуазном строе, — говорил В. И. Ленин, — делом занимались хозяева, а не государственные органы, а у нас хозяйственное дело — наше общее дело. Это самая для нас интересная политика»¹.

Общее дело для всего народа; самая интересная политика. Ленинская постановка вопроса возвещала коренную перестройку методов мышления и действий для очень и очень многих.

¹ В. И. ЛЕНИН. Полн. собр. соч., т. 43, с. 330.

В произведениях советской литературы нашла отражение сложность такой перестройки. Для некоторых литературных героев она оказалась невозможной, как мы помним хотя бы из рассказа Алексея Толстого «Гадюка». Другим пришлось пройти через искусы нэпа; в романах и повестях Федора Гладкова, Александра Тарасова-Родионова, Сергея Малашкина, Пантелеймона Романова появляются фигуры коммунистов-перерожденцев — иногда в трагическом освещении, а порой — стандартно-схематических. Острота критики тех, кто недостойн звания коммуниста, — тоже одна из традиций нашей литературы.

В центре же ее внимания — вчерашние красноармейцы, с энтузиазмом взявшиеся за восстановление народного хозяйства. Настроения, владевшие ими, правдиво воспроизведены в ряде первых произведений о советском рабочем классе: «Цемент» Федора Гладкова, «Доменная печь» Николая Ляшко, «Бурьян» Андрея Головки, «Лесозавод» Анны Караваевой и другие.

В приподнято-романтическом повествовании Гладкова сегодня не все выглядит художественно мотивированным. Однако несправедливо было бы забывать о творческом опыте зачинателей советской литературы. Со страниц «Цемент» — первого крупного произведения, посвященного социалистическому труду, встает тогдашняя жизнь, с показательным для нее пафосом огромного духовного подъема, с конфликтами, которые долго будут привлекать внимание художников.

Гладковский Глеб Чумалов еще не успел остыть от сражений с вооруженной контрреволюцией. И уже взялся за восстановление цементного завода как за новое боевое дело: «Партия и армия приказали мне: иди на свой завод и бейся за социализм, как на фронте...» Секретарь партийной ячейки сумел поднять рабочих на «общее дело», сломить сопротивление бюрократов. Построена канатная дорога, в город доставляются дрова — это итог самоотверженного труда пролетариев. Пущен завод — возрождается, крепнет советская индустрия, советский рабочий класс. Ему, этому классу, предстоит перестраивать не только производственные, но и все общественные отношения. А также личные отношения. Последнее для Глеба, еще не вполне отрешившегося от привычек периода военного коммунизма, оказалось пока неразрешимой задачей; его семейная

жизнь потерпела крах. «Все порвалось, все спуталось...—в смятении признает Даша Чумалова.—Надо как-то по-новому устроить любовь, а как—я еще не знаю. Надо подумать, надо развязать этот узел».

Герои романа не сами завязали тугой «узел»: никто еще не мог знать, как сольются общественная активность, максимальная самоотдача в труде и—мир чувств, эмоций, интимных интересов. Но, начиная строительство нового мира, люди такого склада стали примером—своими биографиями—созидательных усилий народа. От Глеба Чумалова линия духовной преемственности ведет к тем, кто мог бы вместе с ним поднимать из развалин новороссийский завод,—к Павлу Корчагину и Семену Давыдову. Мысленно возвращаясь от Корчагина и Давыдова к Чумалову, мы в ретроспекции оглядываем путь коммунистов к обретению того стиля жизни и работы, который требовал органичности нравственных и деловых импульсов.

Литературе не так просто было глубоко и достоверно показать становление этого качества в реальной жизни. Шла острая литературная полемика.

В некоторых книгах коммунист изображался беспредметным мечтателем, чистым, бескорыстным, но не приспособленным к жизни. Он трогателен в своей беззаветности, но чуть смехон своей непрактичностью. В мыслях своих смел и широк, но перед противоречиями действительности быстро теряется. Если ему и удастся сконцентрировать усилия на решении общественных задач, то в личной жизни он чаще всего остается обездоленным.

Нередки были и произведения, рисовавшие коммуниста энергичным работником, поглощенным конкретными делами и не способным выйти за рамки сиюминутных интересов. Он силен своей практической хваткой, но выглядит ограниченным в сфере интеллектуальной, эмоциональной. У него развиты волевые качества, но от этого не легче окружающим—к ним он равнодушен.

Не будем спешить с обвинениями в адрес писателей, будто бы выдумавших «из ничего» подобных героев. Бывало и нарочитое «выдумывание», но в большинстве случаев авторы сталкивались со сложностью самой жизни. В ней лишь складывался новый человеческий тип. Вообще критике надо быть осмотритель-

нее с размахистскими упреками литературе: мол, в жизни так не бывает. Писатель-реалист улавливает процессы, происходящие в жизни, воспроизводит существующие противоречия и одновременно стимулирует или объективно задерживает разрешение этих противоречий. Когда эта диалектическая сложность не принимается во внимание, критики начинают во всем происходящем винить одних литераторов. И тогда выходит, что с легкой руки авторов нескольких книг и появилась молодежь такого-то умонастроения, распространились такие-то явления — положительные или отрицательные. Не будет, видимо, особым открытием, если мы напомним общеизвестное: в реалистическом произведении нет того, чего не было в жизни, но изображенное выглядит в особом свете, обобщается и типизируется, становится художественной реальностью, поддерживается или отрицается уже и литературой.

Возвращаясь к вопросу о том, как встретила литература нарождавшийся в жизни человеческий тип, надо учитывать и реальную его «непроясненность», и восприимчивость самих писателей к происходившим в действительности переменам.

Новый герой искусства, строитель социализма должен был и на крутом переломе истории сохранить, умножить свой революционный пыл, соединив его с деловитостью. В итоге длительных усилий, упорной учебы коммунисты овладевают тем делом, о котором Ленин говорил, что оно — самая интересная для нас политика.

Эволюция такого характера — это история нашего общества. Бойцы гражданской войны, Корчагины и Чумаловы 20-х годов, следуя линии, указанной партией, сделались строителями, хозяйственниками, командирами производства, председателями сельсоветов, парторганизаторами. Из них выросли талантливейшие организаторы во всех областях народной жизни, солдаты и командиры Советской Армии. Об одном из учеников и последователей таких людей, районном партийном работнике, рассказано выше. Но, быть может, впору вспомнить и о его старших современниках, партийных учителях?

...Когда после войны наше поколение вернулось на мирную работу, многих взял под свое крыло человек,

которого мне никогда не забыть. Алексею Дмитриевичу (назовем его так) не было еще шестидесяти, а мы звали его «дедом». Поразительно, как смещается понятие о возрасте! Впрочем, не о годах — о признании идейной зрелости, старшинства в коллективе свидетельствует это прозвище.

Занятый непрерывными заботами, всевозможными начинаниями, не дававший покоя ни себе, ни другим, наш «дед» не терпел праздных рассуждений, вежливых светских расспросов о воскресном досуге. Зажигался, когда возникала важная тема. В решение ее вкладывал всего себя. Страстно отстаивал свое мнение, возмущался, доходил в споре до шума, крика (зла он не затаивал, спустя сутки встречал оппонентов как ни в чем не бывало). Такая истовость привлекала, а говоря откровенно, и утомляла порой. Но мы понимали: переделать себя этот человек не сможет и не захочет, надо принимать его таким, как он есть, стараться побольше перенять от него. Изредка «деда» удавалось «разговорить». Записи в одном из блокнотов тех лет живо напоминают мне сегодня об этих беседах.

Однажды кто-то вспомнил высказывание Орджоникидзе о необходимости пафос строительства соединять с пафосом освоения.

— Пафос — это не фейерверк, не треск! — добавил Алексей Дмитриевич. — Сколько помню себя, все время мы что-то осваивали. Конечно, горячими были мы ребятами. Не сомневались: мировая революция победит через год-другой. А нужно было учиться, переучиваться. Не очень много знал я, но побольше других. Назначили избачом — взялся за ликвидацию неграмотности. И всего-то хозяйства — изба-читальня. А как ни крути — хозяйство! Не достанешь дров, не натопишь помещение — никто не придет доклад слушать. Семь потов прольешь, пока удастся усадить крестьян за парту, обеспечить учебниками, тетрадками. На собственной шкуре испытал поговорку: «Без труда не вытянешь и рыбку из пруда». Так и пошло: дело за делом, освоение за освоением. Получил вскоре новое назначение — заведовать райнаробразом. В районный центр добирался пешком. Телегу, правда, нам дали, но ее пришлось загрузить пожитками. Грязь непролазная, лошадка чахлая, везти еще пассажиров ей совсем не под силу...

Потом — новые назначения, одно ответственнее другого. Получая их, наш нынешний собеседник спрашивал лишь об одном: что и как делать? Ему даже не приходило в голову узнать, какая будет зарплата, когда дадут и дадут ли квартиру. О своем жалованье узнавал порой только из ведомости, в которой приходилось расписываться. Сейчас это выглядит, может быть, наивным, но ничуть не смешным. Достойны восхищения безотказные и неутомимые коммунисты, которые, как их сверстник Корчагин, делали то, что делал он, пока не свалила Павла болезнь: стройка за стройкой, задание за заданием. Алексея Дмитриевича ждали многие ступеньки служебной лестницы, были у него и взлеты и падения («За одного битого двух небитых дают», — говаривал он). Но через всю жизнь он пронес страстную и глубоко личную заинтересованность в каждом деле. Ссылка на Орджоникидзе натолкнула его на воспоминания о таких людях, как тот же Серго, как Киров, Куйбышев, Микоян, — многих доводилось ему видеть. Профессиональные революционеры, они учили кадры по-профессиональному вести хозяйство. Еще одна запись:

— Ты говоришь: «размах». Верно, без него нам не перевернуть бы мир. Никто, кроме большевиков, не выдержал бы напряжения первых пятилеток. Думаешь: объявляли штурм, аврал — и вся недолга? Штурмовали, да еще как! Эскаваторов не знали — лопатами землю рыли, машин не хватало — тачки выручали. Все было! И еще одно было, это тоже нельзя забывать: соображать учились. Рассчитывать, изобретать. На ходу придумывали приспособления, чтобы получать от механизмов КПД вдвое, втрое больший, чем предусмотрено инструкцией.

Мы узнали историю одного из прославленных ныне строителей, начинавшего в первую пятилетку землекопом, потом прорабом. В те далекие уже годы перед молодым десятником однажды поставили прямо-таки фантастическую задачу: втрое сократить сроки строительства путепровода. Он взялся. Каким образом собирался действовать? «Секрет» состоял в том, чтобы заложенный в опоры моста цемент созрел в 4 раза быстрее обычного. В учебниках фигурировала твердая норма — 28 суток. Выпускник техникума — не слишком много, чтобы пересматривать указания науки!

И все же попробовал. Сумел подобрать такой состав, который мог созреть не за четыре недели, а за одну. Экономил на стройке каждый час, каждую минуту, стараясь побыстрее уложить цемент в опоры моста. Семь суток вместо 28! В управлении строительства не поверили рапорту. И тогда прораб поступил так, как поступали строители в прежнее время, чтобы доказать свое мастерство. Решил — по их примеру — встать под только что сооруженный мост, когда по нему будут прогонять — раз за разом — тяжеленный паровоз. Конечно, было страшновато. Но сам себе повторял: «Ползи, ползи, да поживей! По моему расчету мост десять таких паровозов должен выдержать». Задание было выполнено, а нормативы пришлось менять.

За риском — точный расчет. Пройдут годы, тогдашний прораб научится считать в несравненно больших масштабах, управлять многотысячными коллективами, но сохранит азарт в работе, смелость в решениях. Этому и учила партия, настойчиво, последовательно. Орджоникидзе призывал работать с размахом, но он имел в виду размах, опирающийся на знание вопроса во всех его аспектах. Перечитываем речи Серго. Выступая перед рабочими с пламенными призывами, нарком приводит конкретные наблюдения — он успел накопить их, побывав в цехах. Критически оценивает положение — некоторые руководители не наладили уход за механизмами, на предприятиях много грязи. Оперирует взвешенными предложениями — они почерпнуты из бесед с рабочими и инженерами. Советует искать резервы — их подскажут новаторы, даст изучение опыта соседей. Да, такие речи воодушевляли высотой поставленных задач и вместе с тем наглядно подсказывали, как их выполнить.

Деловитость, но не делячество. Напоминание каждому об его обязанностях, но не самоустранение руководителя. Коммунист отвергает трусливую позицию: «Мое дело — сторона». Готов брать на себя всю ответственность за общее дело. Из воспоминаний соратников Королева мне особенно запомнилось такое. Среди ученых, размышлявших о способах посадки космического корабля на Луну, не затихали споры, какая на ней поверхность — застывшая лава или толстый слой песчаной пыли, вулканического пепла. Дискуссии затягивались до бесконечности, а уже пора было

принимать практическое решение. «Бойтесь взять на себя?» — спросил своих коллег Главный конструктор, просматривая стенограмму очередного диспута, и решительно написал на ней: «Луна — твердая. Королев».

«Человек дела», знающий, чего он хочет, и умеющий решительно осуществлять свои идеалы и убеждения, и стал героем нашей литературы.

Нужно лишь иметь в виду, что для искусства социалистического реализма понятие дела несравненно шире, чем указание на должность или профессию персонажа. Это — жизненное призвание, личный вклад в борьбу за осуществление коммунистического идеала.

При эксплуататорском строе, показывали писатели-реалисты, подневольный труд превращался в Молоха, подавляющего и разобщающего личность. Свободный труд строителей социализма — средство завоевать народное счастье, материальное благополучие, духовное богатство. Принципиальное различие одного и того же понятия в разных исторических условиях с огромной художественной силой выразил опять-таки Горький. Началась эпоха, когда трезвые практики, такие, как Нил, Павел Власов, Степан Кутузов, перестраивают жизнь. А те, кто ограничивался пустым краснобайством, оказались в обозе народного движения, вместе с буржуазными либералами, меньшевиками, иже с ними.

Действительность царской России. «Все мы — рабы дела нашего... Мелет нас машина, в пыль... Вот что непонятно — на кого работаем?.. Какой все-таки смысл в работе?» Тревожные эти вопросы задает главный герой очерка «Н. А. Бугров». Один из персонажей романа «Дело Артамоновых», Петр Артамонов, все более чувствуя обреченность капиталистического предпринимательства, вынужден признать: «За делом людей не видно».

Действительность молодой Страны Советов. Ход развития направляют, пользуясь выражением Павла Власова, «рабочие, люди, трудом которых создается все — от гигантских машин до детских игрушек...» Афористически выраженная в «Матери» мысль: «Цена человеку — дело его», — получает решительное подтверждение в горьковских «Рассказах о героях». Эпитграф к «Рассказам...» выделен курсивом: «*Всякое дело чело-*

веком ставится, человеком славится». Очерковому циклу «По Союзу Советов» автор мог бы предпослать этот же эпиграф. Предугадывая сегодняшние наши победы в покорении природы, в космосе, недавний бородатый солдат (излюбленный писателем образ) заявляет, что народ может и горы скрыть, и реки вспять повернуть.

«...Землю мы обязательно в свои руки возьмем,— обязательно! И все на ней перестроим...»

Большое, интересное, глубоко гуманистическое дело, осуществляемое человеком и прославляющее его,— вот в чем найдет себя личность при социализме, убежден Горький. Горьковская проповедь активности, начатая «Песней о Буревестнике», вылилась в призыв насытить революционным содержанием трудовые будни. Она определила и существенные черты эстетики писателя, эстетики социалистического реализма. Никому не навязывая свои вкусы и индивидуальный стиль, Горький прозорливо разглядел магистральное направление художественного развития в новую эпоху. Первым ввел в литературу, как главного ее героя, пролетария-революционера, «человека партии». Указал на тему, которой предстояло стать центральной в литературе социалистического общества. «Основным героем наших книг,— говорил Горький на Первом съезде советских писателей,— мы должны избрать труд, то есть человека, организуемого процессами труда...»

На «производственной площадке» и разыгрывается большинство конфликтов, типичных для сегодняшней нашей действительности,— социальных, психологических, нравственных. Зарождение иных уловили еще зачинатели советской литературы. Другие проявили себя уже в последующем, а третьи — только сейчас. Но во всех проступает новый характер взаимоотношений между людьми.

Выше говорилось о своеобразии эстетического подхода к образу коммуниста, народного вожака. Этот образ глубоко раскрыли писатели, сумевшие показать человека боевого авангарда в единении с массами, во главе масс. Недолгая жизнь ждала произведения, в которых коммунист изображался над массами или бесследно растворившимся в массах. Не менее важно было художественно осмыслить и новый характер взаимоотношений человека и его дела.

Эти взаимоотношения стали действенным фактором и нравственного и эстетического развития. Не только стремление добросовестно работать, но восприятие труда как творчества, личная увлеченность им, понимание его общественного и человеческого значения — вот что приносит передовику ощущение своей нужности людям, чувство глубокого удовлетворения, счастья коллективиста. Еще раз процитируем Маяковского:

Я счастлив,
 что я
 этой силы частица,
что общие
 даже слезы из глаз.
Сильнее
 и чище
 нельзя причаститься
великому чувству
 по имени —
 класс!

Но не все писатели разглядели гуманистический смысл проблемы «человек и его дело». Известны произведения, в которых так изображалась поглощенность личности деловыми функциями, что личность-то и терпела непоправимый урон. Здесь не увлеченность человека работой, а подавление работой, несмотря на то, что он добровольно избрал себе такого «бога». Не сближение личного и общественного, а тот самый отказ от личного, который отождествляется с нарочитой жертвенностью «принципиального аскета».

Корчагин, ставя на первый план общественную деятельность, ничуть не теряет своей индивидуальной неповторимости; место «хмельной залихватистости» в его характере, как и в его игре на гармонии, занимает все более заметная естественность и глубина. Ему еще не было дано достичь всего, на что намекала талантливая и многогранная натура. Иные же из литературных персонажей 20-х и 30-х годов и не помышляют о чем-то большем, нежели чисто служебные обязанности. С их нравственной ущербностью соглашаются и авторы, а то еще и выдают ее за некую добродетель.

Активный общественник, хозяйственный деятель, изображенный в повести Сергея Колдунова «Р. S.», считает личные интересы противопоставленными делу и

отбрасывает их. Замкнутый, сухой, одинокий, он «отдавал себя работе с некоторым даже надрывом», старался полностью забыть «себя ради дела». Лечиться в больнице не захотел, бежал оттуда на стройку, где «жили большим, сверхличным делом... и поднимались до самоотречения».

Было бы неверно осуждать и осмеивать пусть незадачливых, но бескорыстных людей тех лет. Они — антиподы сытых мещан, благодушных созерцателей, неторопливо ожидающих, когда сами собой придут коммунистические блага. Выше говорилось о живых людях, наших современниках, умеющих ставить на первое место общественное, поступаться, если нужно, личным.

Жить не только для себя, но и для людей, для дела, испытывать при этом нравственное удовлетворение — позиция, окрыляющая борца-коллективиста; в 40-х годах Петр Павленко скажет в своем романе «Счастье» о коммунисте Воропаеве: «Человек для всех». А ведь было время, когда совсем уж воинственно отстаивался отказ от себя, от личности: «Для людей, но только без человека».

«Без человека»... Будь это всего лишь неудачное выражение! За ним стояла жесткая антиномия, противопоставлявшая якобы чуждых человечности практиков — с одной стороны; эмоциональных, но бездеятельных «интеллектуалов» — с другой.

И опять не о том речь, что такого противопоставления не было вовсе. Нас интересует, как писатели оценивали и как помогали разрешить его. Литература, не «выдумывая» типические фигуры и не навязывая жизни свою схему развития, тем не менее должна уловить тенденции этого развития, его особенности, противоречия и свои наблюдения в художественно заостренном виде представить на общественное обсуждение. Это и сделал Юрий Олеша, автор романа «Зависть».

«Зависть» оказалась объектом бурных и долгих дискуссий. Справедливо указывая, что писатель не уловил духовную значительность человека дела, участники этих дискуссий (в том числе автор этих строк) были недостаточно внимательны к другим аспектам произведения. Действительно, Олеша не нашел нужных красок, чтобы раскрыть нравственную природу людей типа Андрея Бабичева, видного хозяйственника, ком-

муниста. Но их противников он осудил, и весьма сурово.

Олеша признает: Андрей Бабичев очень нужен сегодняшнему дню. «Один из замечательных людей государства», он бодр, энергичен, преисполнен радости. Однако что же его радует? Судя по книге, одно: лишь узкопроизводственные задания, выпуск нового сорта колбасы. Своего ученика Володю Макарова Андрей Бабичев воспитывает по образу и подобию своему. «Я человек-машина...— с гордостью заявляет Володя.— Если еще не превратился, то хочу превратиться... Чтоб быть равнодушным, понимаешь ли, ко всему, что не работа!»

Очень «лобовое» заявление. И все же, наверное, есть в нем элемент бравады, вряд ли у Володи и его воспитателя полностью отсутствуют все интересы, кроме служебных. Крайне одностороннее впечатление о них складывается еще и потому, что автор показал обоих главным образом через восприятие их противников. Такой художественный прием тоже вполне правомерен (вспомним хотя бы горьковскую «Жизнь Клима Самгина»), но он не всегда дает проявиться активной авторской позиции. Так случилось в «Зависти». Индивидуалистам, стоящим «сбоку от жизни», Кавалерову и Ивану Бабичеву автор отдал монополию отстаивать вечные чувства, нравственную красоту. Правда, в конце романа выясняется: эта защита мнимая, сводится лишь к общей декламации, а «заговор чувств», затеянный мелкими и жалкими эгоцентристами,— от пустого позерства, мещанской зависти к строителю нового мира. И все же читатель испытывал двойственное чувство: сам строитель тускл и примитивен, он бодро напевает в клозете и восторгается качеством колбасы, а завистливые «заговорщики», выступая против него, ратуют за прекрасные человеческие ценности — «за брата вашего, за девушку, которая обманута вами, за нежность, за пафос, за личность, за имена, волнующие, как имя Офелия, за все, что подавляете вы»...

Тем не менее при некоторых своих просчетах автор «Зависти» (написанной в 1927 году!) обращал общественное внимание на процессы, только еще обозначившиеся в жизни, на противоречия, для решения которых понадобятся время и усилия.

На смену излишне критическому отношению к «Зависти» сейчас иногда приходят статьи, где умалчивается о недостаточно определенной позиции самого автора. Указание же на это ничуть не принизит значения романа, выразившего озабоченность писателя судьбой человеческих чувств в наш практический век. И ныне проблема «человек перед лицом НТР» не сходит со страниц печати.

Вопросы, волновавшие Олешу, художественно исследовали и другие писатели того времени. Техника не должна обезличивать людей; бедный душой человек неполноценен — эта мысль проходит через ряд рассказов Андрея Платонова. Вслед за «Цементом» Федор Гладков публикует роман «Энергия»; в нем бескомпромиссно осуждается недооценка личной, душевной жизни работников, предубеждение, что «люди подождут». Нет, люди ищут свою дорогу, чтобы завоевать реальное счастье.

Не старший ли брат Василия Теркина — Никита Моргунок из поэмы Твардовского «Страна Муравия»? Отправившись на поиски бесколхозной земли, он убедился, что только артель сулит подлинно человеческую жизнь, где и земля стала «родной», и дружная семья большевиков Фроловых может с гордостью заявить: «Справляем наше счастье...» Стройки первой пятилетки, коллективизацию деревни писатели уподобляют школе формирования человеческих характеров. Об этом — такие, вошедшие в золотой фонд многонационального советского искусства произведения, как романы Леонида Леонова и Михаила Шолохова. «Бруски» Федора Панферова, «Удай-река» Олексы Десняка, «Гидроцентральный» Мариэтты Шагинян, «Роман межгорья» Ивана Ле, «Ацаван» Наира Зарьяна, «Кен-су» Тугельбая Сыдыкбекова, «День второй» Ильи Эренбурга, «Время, вперед!» Валентина Катаева, «Гвади Бигва» Лео Киачели, «Заря Колхиды» Константина Лордкипанидзе, «Золотой кишлак» Мирсаида Миршакара, пьесы Александра Корнейчука «Платон Кречет», Александра Афиногенова «Далекое», кинофильмы «Великий гражданин», «Член правительства» и другие. В них воспроизводятся многочисленные штрихи быстротекущего дня, пафос новых — строительных штурмов и говорится о том, что вместе с новым отношением к труду в коллективе, в быту

зарождаются и новые привычки, новые нравственные нормы.

Валентин Катаев в романе «Время, вперед!» воспроизвел всем знакомую картину стройки времен первой пятилетки: котлованы, бригады со знаменами, волнующие сообщения о рекордах, темпы, темпы, темпы. И он же показал, что происходит с тем, кто выполняет эту историческую задачу. Рабочие — герои романа — твердо знали: «Будет сталь — будет новая, счастливая, небывалая, невиданная жизнь». Да и сами они будут иными. «Время летело сквозь них. Они менялись во времени, как в походе».

Яков Ильин в романе «Большой конвейер» повествует о пуске тракторного завода, об освоении техники. «Производственный роман»? Вроде бы типичный; но автору важно не описание станков, а рассказ о людях, чья психология меняется в процессе строительства. Заводские коммунисты ведут прямой спор с литературными произведениями, прославляющими «человека-машину»; парторботник Газган не без запальчивости заявляет: «Разве мы не видим этого нарождающегося вокруг нас нового строя чувств, где есть и слава, очищенная от зазнайства и себялюбия, и соревнование, очищенное от конкуренции, и любовь, и мечтательность, и трезвость практика, — разве мы не обладаем неизмеримо более высоким чувством, не знакомым ни Чейзам, ни Кавалеровым, ни Бабичевым, — чувством хозяина одной шестой (пока что) и гражданина всех шести шестых мира?.. Да, техника приближает нас к этому... И потому мы за технику!»

«За технику», как средство раскрепощения личности, высказываются теперь и персонажи новых романов Ильи Эренбурга (слова: «Строят завод. Строят и человека» — идея его «Дня второго»). Увлеченность делом не может обеднять идейного человека, утверждает Леонид Леонов. Характерна эволюция леоновских образов коммунистов — от Увадьева — к Курилову.

Романы Леонова «Соть» и «Дорога на океан» разделяют каких-нибудь шесть лет. Герои обоих произведений — люди одного поколения и служебного положения. И все же вполне закономерно, что «Дорога на океан» появилась в 1936 году, а не в 1930-м, которым датирована «Соть».

Начальник строительства бумажной фабрики Увадьев из «Соти» — это напор, энергия, воля, умение «нажать», обеспечить стремительные темпы. Действует, «как таран», и «пробивает» проект строительства. Нет, герой «Соти» отнюдь не «человек-машина», строительные дела он тесно связывает с политическими. Увадьев думает о будущем, даже вступает в мысленный диалог о счастье с еще не родившейся девочкой Катей, в какие-то минуты размышляет о природе, женской ласке. Но именно: «в какие-то минуты»! Очень немногочисленны эти минуты. А частую подсказаны жестокими уроками жизни: Увадьеву пришлось наблюдать, как на стройке случайно погибла реальная девочка; в ней он видит «сестру» той самой, ради которой принимал муки и заставлял мучиться других.

Комиссар Антон из «Барсуков», без колебаний усмиривший мятежников, не испытывал того «душевного холода», который испытал Увадьев. Но ни этот, ни другие эпизоды не могли поколебать увадьевской уверенности: поскольку «все еще неясно на этой фабрике новых людей», ни в коем случае нельзя поддаваться «душевной неразберихе». Герой романа монолитен, потому что он «нежностей бежал пуще пошлости»; «он вообще не любил ничего, что крошилось под грубым рубанком его разума...».

Переживания Увадьева в связи с гибелью девочки, его стремление найти хотя бы «временного друга», завершающий роман вывод: «Изменялся лик Соти и люди переменились на ней», — все это говорит о том, что в увадьевской монолитности Леонов видел не идеал, а основу для самовыявления личности. В «Соти» она выявилась почти исключительно в практических действиях начальника строительства. День его таков, что тут уже не до тонких душевных движений. «Раскостерив десятника до изнеможения, Увадьев помчался на другие работы и везде встречал непорядки: цемент складывали под открытым небом, моторы везли не прикрытыми от непогоды; поверх стекла грузили ящики с гвоздями. Агитнув, где следует, а порою и пригрозив, Увадьев воротился к вечеру в Макариху...»

Спорить с автором нет оснований: штурмовщина была нередкой, о ней рассказывали и уже упомяну-

тые романы «Время, вперед!», «Гидроцентральный» и пьесы Николая Погодина «Мой друг», «Темп», и не только эти произведения. Но историческая правда состоит в том, что энтузиасты первых пятилеток, успешно осваивая технику, учились и работать, и думать, и чувствовать по-новому. И в «Соти» рядом с Увадьевым выведен мечтатель Потемкин. А герой «Дороги на океан» начальник политотдела Курилов тоже не вырван из «контекста времени». Он, как и Увадьев, — «серый армейский солдат, которого эпоха научила быть беспощадным». Курилов прошел через царское подполье; он не избалован земными радостями. Теперь крупный партийный работник поглощен множеством сложных и первостепенных забот. В его жизни господствует «деловая толчая», недаром подчиненные замечают прежде всего, какой «громоздкий и невеселый» их начальник. Однако впечатление от Курилова к этому не сводится; он излучает творческую энергию, заражающую людей нравственно.

Жизнь героя романа складывается трагично: тяжелое заболевание, предчувствие скорого конца. Но роковые обстоятельства не выбили его из седла. Интерес к людям, всегда живший в Курилове, но заслонявшийся порой грудой повседневных хлопот, обострился, когда «деловая толчая» отступила на задний план. Ныне «он не торопился никуда», но и не впал в апатию. Наоборот, словно хотел восполнить все, на что в предыдущие годы не оставалось времени и сил. С новой стороны приглядывался к людям, к самому себе, и чувствовал: у него внутри как бы «открылись вторые глаза». Курилову «стали доступны все мельчайшие душевные движения людей», внезапно для самого себя он ответил на чувство Лизы Похвисневой. Любовь пришла слишком поздно, однако это чувство осветило закатные его дни. Курилов помог молодой женщине вырваться из мещанской среды, полностью выявить свое дарование артистки.

Философский смысл образа Курилова только с годами стал вполне ясен читателям и критике. Встречена была «Дорога на океан» настороженно: смертельно больной большевик, выключенный из дела, не показанный в хозяйственной, партийной работе. Кажется, лишь в одной статье тех лет было сказано, что воспитание людей — тоже дело, причем наиважнейшее для

большевика. Эту статью, принадлежавшую критику Михаилу Левидову, стоит процитировать, так современны высказанные в ней соображения.

«Основная тема обсуждения романа — это вопрос о действенности, вернее, бездейственности Курилова, — писал Левидов. — Об этом говорят многие. Упрекают романиста за то, что он показал, как Курилов страдает, любит, думает, но не показал, как Курилов работает, и что поэтому Леонову не удалось в его лице создать полноценного большевика. Так ли это? Подумаем. Что такое в конечном счете большевистская работа? Какова финальная ее цель? Ответ ясен: создание новой породы людей, воспитание людей. И если перед нами встает большевик, который не то что примером своим, но всем своим обиходом, обликом, сущностью воспитывает и пересоздает людей, как это делает в романе Курилов, то можем ли мы сказать, что это не действенный человек?»

Действенность Курилова — в людях, которые пойдут его дорогой, восприняв его идейные убеждения и его увлеченность делом. «Он был как мост, и люди по нему переходили в будущее».

Рядом с Куриловым, как и рядом с Бабичевым, молодые. Однако воспитывает он не «человека-машину». Алешу Пересыпкина Курилов учит и делу, и отношению к людям. Поддерживает в нем страсть правдолюбца. Юноша воспринимает у Курилова организационный опыт, широту мышления, нравственную целеустремленность. «Я — твое творенье... — говорил Алеша Курилову, — верю тебе во всем». Его заветное желание — подробно рассказать своим товарищам «обо всем, что ему довелось услышать от Курилова».

Встреча с Куриловым взволновала, буквально переродила Лизу, ибо впервые на ее пути попался «человек, который был добр к ней не для себя». Человек для людей, Курилов, даже прощаясь с жизнью, «призывал жить всех, кто мог... И то, чем в особенности стал близок Курилов, ей предстояло теперь растить и скапливать в себе самой...». Не легко было профессорской жене начинать новую, творческую, самостоятельную жизнь. Порой подкрадывались сомнения: верно ли поступила, выдержит ли? И тогда вновь обращалась мыслями к тому, кого полюбила и кому беспредельно поверила: ей «вспомнилось беглое и такое непонятное

сперва замечание Курилова о необходимости ежеминутно преодолевать себя, а ради его высокой похвалы она согласилась бы на еще большую горечь».

Подобно Увадьеву, Курилов делает общезначимое дело, важное для всех людей, для всего человечества (заключительные — фантастические — главы романа посвящены коммунистическому будущему, представленному в образе Океана, побывать на берегах которого так мечтал Курилов). Новое в нем — пристальное внимание к отдельному человеку, его нравственным, душевным стремлениям. Тут уж никак не скажешь: «Для людей, но только без человека».

Преодоление этой формулы, вернее, породивших ее представлений, «подказано» гуманистическим характером идейно-художественных исканий, которыми столь интенсивно занялись советские писатели. Наша литература с большой художественной силой показала целеустремленную работу партии по воспитанию борца, работника, коллективиста, как яркой и многомерной личности.

Такая цель вдохновляла коммунистов с самого начала революционной деятельности, когда, как казалось многим, было не до отдельного человека. Сохранились потрясающие человеческие документы — письма Ф. Э. Дзержинского из царской тюрьмы, его дневники. Обращаясь к сестре, рыцарь революции старался развеять сложившееся у нее неверное представление о большевиках:

«Ты говоришь, будто наши чувства относятся в большей мере ко всему человечеству, чем к каждому человеку в отдельности. Не верь никогда тому, будто это возможно. Говорящие так лицемеры: они лишь обманывают себя и других. Нельзя питать чувства только ко всем вообще: все вообще — это абстракция, конкретной же является сумма отдельных людей. В действительности чувство может зародиться лишь по отношению к конкретному явлению и никогда — к абстракции. Человек только тогда может сочувствовать общественному несчастью, если он сочувствует какому-либо конкретному несчастью каждого отдельного человека...»¹

¹ ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ. Дневник заключенного. Письма. М., «Молодая гвардия», 1967, с. 18.

Освобождение человечества открывает простор свободе, счастью, безграничному творческому росту каждого человека — в этом суть нашей революционной эпохи, содержание советской литературы. Исторические вехи литературного развития обозначены, в частности, такими произведениями, как романы Шолохова (о них в следующей главе).

Сегодня нам известны — и по литературе — уже результаты развития. О них — названные выше произведения Гранина, Кожевникова, Попова, Куваева. Или отличный роман Всеволода Кочетова «Журбины», книги Юрия Трифонова «Утоление жажды», Анатолия Ананьева «Версты любви», Серо Ханзадяна «Каджаран». О героях этих произведений можно повторить то, что сказал Трифонов о персонажах «Утоления жажды»: «Люди спорили о крутизне откосов, о дамбах, о фразеах, о мелочах, но на самом деле это были споры о времени». Современная литература обращается с страстным призывом: ни в коем случае не терять за делами людей. В этом — один из главных мотивов повести Сергея Крутилина «Косой дождь» (ее герой с ужасом понял, что «в своей увлеченности делом он часто забывал о самом близком человеке — Лене»). Взволнованное напоминание о гуманистических целях строительства — пафос всего творчества Иона Друцэ, иногда доходившего даже до абстрактного морализаторства. К наиболее зрелым его вещам относится пьеса «Птицы нашей молодости», где остро поставлен вопрос о недопустимости разъединять человечность и деловитость. Из-за этого разъединения много лет попусту враждовали внутренне близкие друг другу председатель колхоза Павел Русу, который строил людям счастье, но не успевал сказать им доброго слова, и старая правдоискательница тетушка Руца, которая жила в колхозе на отшибе, но зато звала «зеленеть и цвести нескончаемому полю души...». Их примирение — требование времени.

Сегодня мы знаем и о том, как пристально вглядываются во всем мире в облик нового человека, сколько спорят о нем. Порой спорят и с ним, с его моральными представлениями. И западные антикоммунисты, лживо отождествляющие его с бездумными манекенами; и пекинские горе-теоретики, обвиняющие советских коммунистов в... буржуазном перерож-

дении. Создавая образ коммуниста-ленинца, советские писатели опровергают кликушества недоброжелателей о мнимой неизменности «порочной» людской природы, утрюмую философию «человека-винтика».

Перелистывая страницы истории советской литературы, мы еще не раз скажем, что она отобразила становление революционной практики и морали, в корне противоположной такой «философии». И это — не просто публицистический прием (хотя автор данной книги отнюдь не отказывается, как гласит ее подзаголовок, от публицистичности). Красноречив сам историко-литературный материал. Курилов пока что лишь предвещает гармонического человека будущего, но его образ уже принципиально противостоит всякой жертвенности, антигуманности. И лично для людей куриловского склада, без сомнений, откроется радость новой жизни.

Середина 30-х годов отмечена рядом произведений, вводящих персонажей в эту жизнь. Самые обыкновенные люди, участвуя в ее создании, приобретают чувство «хозяина» своей страны, «хозяйскую совесть», приучающую отвечать за все происходящее. Кто такой Иван Журкин — герой романа Александра Малышкина «Люди из захолустья»? Коротавший свой век в захолустном городишке многодетный кустарь, нищий гробовщик. Разворот событий и его помчал на Восток, на стройку. Выходец «из курносого застенчивого простонародья», Иван сперва думал лишь о куске хлеба, о том, чтобы «ребят окопировать». И опять жизнь свела простого труженика с коммунистами. Уполномоченный рабочкома Подопригора устроил Журкина на завод, и постепенно мастеровому человеку «открылась... вся громада, необъятность стройки». Началась новая жизнь. «Прочности — вот чего никогда не знал он в своей рабочей судьбе. Но теперь он упрямо захотел ее, этой прочности, он захотел ее и для завода, для всей стройки». Работа обуяла Журкина, как лихорадка. «Радость! Давно не пробовал этого кушанья пробовщик... От верстака его могли оторвать теперь только с мясом». Начальнику цеха Иван застенчиво объяснил: «Я... за дело беспокоюсь». Узнав о коварных замыслах поджигателей-кулаков, Журкин организует пожарную дружину — он «беспокоится» уже не только за свой за-

работок, а и за трудовые показатели цеха, за судьбу всей стройки, всего государства.

Не так ли на многих стройках страны, заводах, в колхозах, росли и мужали ее активные граждане, будущие спасители от еще более грозной опасности — испепеляющего пожара второй мировой войны, Василий Теркин, Андрей Соколов, боевые их побратимы!

С развитием событий меняется тональность, в которой Малышкин раскрывает характеры своих героев. Нарочито «заземленные» сперва повествовательные интонации к концу романа дополняются более мажорными. Очень характерен «музыкальный настрой» произведения.

О музыке мной сказано не для красного словца. В одном из своих произведений Мариэтта Шагинян, имея в виду призыв Блока слушать музыку революции, заявила: «Настоящая музыка началась лишь теперь, ее слушайте, товарищи... потому что настоящая музыка — это социалистическое хозяйство...» «Музыка революции» слышна в романе самой Шагинян «Гидроцентральный». В «Людах из захолустья» есть сцены, перекликающиеся с подобным восприятием эпохи. На стройке выходила газета, «в которой описывалась доблесть отдельных рабочих и целых бригад и помещались портреты. Около этих портретов как бы играла музыка. И о том же судили-пересуживали ребята за верстаками, с ясной завистью, и о том же рассказывали на собраниях... Зачиналось, передавалось от человека к человеку то героическое, честлюбивое волнение, которое доставило потом стройке мировую славу, мировые рекорды в различных областях труда». В этой обстановке самый «незаметный» человек становится нужным и дорогим обществу. Иван тоже не чужд музыки, любит гармонь. Но уже больше не хочет исполнять свой стародавний репертуар («Истерзанный... измученный... д'наш брат-мастеровой!»). Новому времени — новые песни.

При первой встрече уполномоченный рабочкома показался Журкину «чужого как бы племени». Потом Иван увидел, что Подопригора принадлежит к силе, которая возглавляет всенародное движение. «Оказывается, этой силе, то есть партии, нужен он, Журкин, она ценит и к себе тянет его. Вот где была главная

прочность!» Вчерашний гробовщик уже хочет, чтобы «Подопригора загордился им...»

И Подопригора по-настоящему гордится делом рук своих — размахом стройки, воспитательной работой в бараках, ударным трудом сотен и тысяч таких Журкиных. Жизнь поправляет: надо гордиться не только тем, что Иван стал так работать, но и тем, что он обрел радость, как человек, как личность.

Но для того, чтобы сердцем принять все это, нужно и собственное сердце открыть навстречу всей широте человеческих чувств и стремлений. Обязанность вести за собой других, воспитывать их, стимулирует приобретение коммунистом качеств, которых требует эпоха. Не все из них есть у Подопригоры. Идеальная убежденность есть. Деловитость, демократизм есть. Душевной открытости не хватает.

Не с неба свалился уполномоченный рабочкома. О нем можно сказать то же, что о Морозке — тяжелая голодная юность; что о Корчагине — непрерывные битвы — в гражданской войне, на первых советских стройках. Еще один «серый армейский солдат»? Что ж, он не отказался бы от такого звания. И поныне остался солдатом. Ему «победа мыслилась... за суровыми хребтами лишений, в отказе от себя, в воинственном обеднении жизни».

Привыкший отказываться от житейских благ, Подопригора считал естественным и для других самоотречение. Но в новое время Подопригоре нечего ответить на возражение, что мы «фундамент социализма строим не только на коксовых печах... И в жизни. И в жизни тоже нужно... чтобы в ней сейчас с одного края все больше светлело». Подопригора пришел к убеждению: «Железо, техника! А для чего они? Чтобы человеку добыть легкое и радостное будущее».

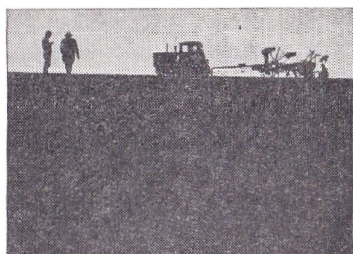
В разных обстоятельствах разными своими гранями поворачивается характер революционера, коммуниста. Но ему неизменно присуща страстная увлеченность общественными интересами, людскими судьбами. Увлеченность своим делом — великим делом преобразования по ленинским предначертаниям и мира и человека. Все это определяет цельность

натуры, моральный потенциал и действенность нового человека.

В живом деле, в общественных и личных взаимоотношениях формируется не единообразный тип «вообще». Формируются неповторимые характеры, подобные тем, что создал в своих произведениях Михаил Шолохов. Об этих произведениях нужен обстоятельный разговор.

В БОРЬБЕ
ЗА СЧАСТЛИВУЮ
СУДЬБУ

Историческая необходимость того выбора, который делает народ, поднимаясь на революцию, перестраивая жизнь на социалистический лад,—глубинное содержание всего творчества Михаила Шолохова. В его произведениях отразилось самое существенное в судьбах человечества в новую эпоху и отразилось в грандиозных масштабах и противоречиях социальных катаклизмов, в крутых переломах индивидуальных судеб.

Название послевоенного рассказа «Судьба человека» было бы точным и для «Тихого Дона», повествующего о поисках трудовым казачеством своего будущего, о трагичном уделе тех, кому не дался верный выбор. В этом словосочетании — смысл и «Поднятой целины», где показано строительство новых форм жизни. Во всех книгах Шолохова — впечатляющий рассказ о том, как коммунисты возглавили борьбу народа за счастливую судьбу, как в этой борьбе складывается новая, социалистическая личность.

У Шолохова за сложным переплетением событий исторической и личной жизни человека непременно проступают общественные силы, которые направляют их. Главная из этих

сил — Коммунистическая партия. В одних его произведениях коммунистам отводится заглавная роль, в других они находятся на «периферии» сюжетного развития, в третьих — остаются эпизодическими персонажами. Но какие бы конкретные художественные варианты ни избирал автор, во всех случаях он ясно дает понять, что ход социального развития немыслим без решающего влияния партии. Тем более надо наконец решительно опровергнуть утверждения некоторых критиков, будто писатель только в «Поднятой целине» ярко изобразил «человека партии», а до тех пор либо вообще обходил его вниманием, либо отводил ему чисто функциональную, «служебную» роль.

Образ самоотверженного борца за Советскую власть занял почетное место уже в «Донских рассказах», и нарисован он ярко, эмоционально. В столкновениях с озверелым классовым врагом большевик стоек и беспощаден; в то же время он сохраняет и проявляет лучшие человеческие качества (из таких «ростков» и развивался дальше советский характер, вплоть до Андрея Соколова, до героев Симонова, Бондарева, Быкова). Однако путь к этой человечности нелегок. Историческая заслуга Шолохова-художника состоит в том, что он правдиво показал и трудность его, и перспективность. Долг человека, о котором постоянно говорит советская литература, всегда осмысливался коммунистами, всем народом как долг и обязанность борца.

Революционный долг и человеческое счастье — та историческая, нравственная коллизия, которая стала предметом художественного исследования Шолохова с момента вступления его в литературу. Выход из реальных противоречий времени ищут именно революционеры. Продкомиссар, расстрелявший собственного отца-белогвардейца, отдает замерзающему мальчику своего коня («Продкомиссар»). Красноармеец, спасая женщину с ребенком, бросается на пранату, закрывая ее своим телом («Алешкино сердце»). Подобные ситуации, легшие в основу «Донских рассказов», приобрели новую психологическую углубленность в «Тихом Доне».

Автор хорошо понимал, что невозможно нарисовать типическую картину действительности, не показав большевиков, отношения к ним разнородной казачьей среды. Хотя они и не являются центральными

героями романа, с ними все мысли и чувства трудового народа. Григорий Мелехов духовно выпрямляется, когда ему удастся приблизиться к коммунистам. Встреча в госпитале с Гаранжей разрушила «все его прежние понятия о царе, родине, о его казачьем воинском долге». Григорий убедился в гнилости старых устоев, стал мучительно искать новую правду. И все время испытывал «чувство огромного, ненасытного любопытства» к большевикам. Во многом переменялся, вступив в Красную Армию. А поддавшись идеям «казачьей автономии», тревоге за землю, которой надо поделиться и с иногородними, оказавшись в противном лагере, Мелехов терпит тяжкие моральные поражения. И все равно не может не восхищаться беззаветной храбростью красных, не может подавить ощущение, что правда на их стороне. Григорий дрался в рядах белой армии, а кичливых генералов ненавидел, в их дело не верил. Случилось так, что Мелехов, на горе себе, остался «на грани в борьбе двух начал». Порвать с белыми до конца не сумел, однако постоянно ловил «себя на том, что ищет оправдание красным».

Большевики в «Тихом Доне» — носители подлинно народной правды, идеи исторической целесообразности. А лично это несхожие люди, разные характеры. Великолепно выписанные — каждый запоминается — надолго, навсегда! Мы уже не забудем умного и язвительного Гаранжу, зло обличающего существо старого общественного строя. Он из той же когорты партийных пропагандистов и организаторов, что и опытные партийные работники Штокман, Лихачев. Но со слесарем Штокманом, приехавшим на хутор для большевистской агитации, у него различий не меньше, чем сходства. Спокойно-сосредоточенный, Штокман продуманно завладевает симпатиями казаков, доходит до их сознания. Начинал с чтения стихов Некрасова, потом перешел к беседам о сословных иллюзиях, к изучению Карла Маркса. «Точил, как червь древесину, нехитрые понятия и навыки, внушал к существующему строю отвращение и ненависть». Штокман — партийный пропагандист фурмановского типа, железный командир, напоминающий фадеевского Левинсона, и погибает агитационно, призывая опомниться мятежный полк.

Штокмановской внутренней собранности не хватает большевикам из казаков: Котлярову, Подтелкову,

Кривошлыкову. Ими зачастую движут порывы чувств; верша суд над врагом, они легко поддаются необузданному гневу. Но чего у них не отнимешь,—так это выстраданной веры в победу справедливого дела, полного бескорыстия в борьбе за него.

Их характеры сложны и противоречивы, недаром о них спорили, продолжают спорить поныне. Однако, думается, неоднозначное отношение к этим образам объясняется не двойственностью авторской позиции, а, скорей, внутренней противоречивостью реальных характеров. Автор не захотел углубляться в нее, может быть, считая это неправильным применительно к исторически существовавшим лицам. Рисуя же «придуманных» персонажей, он смелее акцентировал сложность их душевной, нравственной жизни. Внешне непоколебимым людям порой предстоит преодолеть конфликт между человеческими чувствами и революционным долгом, которого уже не будут знать их потомки — герои другой справедливой войны — Великой Отечественной.

«Обрусевший казак», «простой рабочий» Бунчук, на первый взгляд — «кожаная куртка», знакомая нам по литературе 20-х годов. У него «твердо загнутые челюсти да глаза, ломающие встречный взгляд», в разговоре он словно «чеканом рубил», в манерах «холодно-сдержан, — караич, крутое, железной твердости дерево». Сомнений Бунчук не знал ни тогда, когда оставивал эшелон корниловцев, ни когда пошел работать в ревтрибунал. Это работа тяжелая, кровавая. Бунчуку пришлось руководить расстрелами осужденных. Вот где проверяется человеческая цельность, чистота! Бунчук понимал сказанное старшими товарищами: «...эта работа грязная, но нужно и в ней сохранить целеньким сознание своей ответственности перед партией и... человечность сохранить». Сохранил и сознание ответственности, и человечность. Но все больше чувствовал, как трудны павшие на него обязанности. «Ты не думай, что есть люди из железа, — говорит Бунчук любимой девушке. — Все мы из одного материала литы».

Как бы опровергая дурную литературную привычку изображать революционера бездушной «кожаной курткой», Шолохов счел необходимым подробно рассказать о силе чувств своего героя. К Бунчуку

пришла большая любовь, Анна Погудко стала верной его подругой. Обрушилось на него и огромное горе — от вражеской пули Анна погибла. Потерю эту он переживает с исключительной остротой, и его чувства показаны в несколько даже гипертрофированном выражении, особенно в первой, журнальной редакции романа. После гибели возлюбленной Бунчук «жил, как в тифозном бреду. Ходил, делал что-то, ел, спал, но все это словно в полусне, одуряющем и дурманном. Ошалелыми припухлыми глазами непонимающе глядел на разостланный вокруг него мир, знакомых не узнавал, глядел, как сильно пьяный или только что оправившийся от изнурительной болезни. Со дня смерти Анны чувства в нем временно атрофировались: ничего не хотелось, ни о чем не думалось».

Остается только руками развести, читая рассуждения о «чисто функциональной» роли большевиков в «Тихом Доне». Их психологическое развитие связано с миссией борцов, с поисками «линии жизни». Находят ее не все и не всегда — сказываются и реальные обстоятельства, и особенности характера, о чем сплошь и рядом забывали авторы произведений, построенных по примитивно-социологическим схемам. Творческий опыт Шолохова опрокидывал эти схемы. В критике говорилось о непроявленности внутренней жизни Штокмана; резон в этом замечании есть, но ведь и она угадывается в сцене героической гибели стойкого коммуниста! Отмечалась прямолинейность в изображении страстей, движущих Бунчуком, но ведь это взрыв чувств, которые долго сдерживались человеком, подавлялись им! Происходят перемены и в душевном мире других героев. Мягкий от природы Котляров сомневался, уходить ли из родных мест от белых, не решился помочь Кошевому в схватке с Петром Мелеховым. Как жестоко поплатился он за излишнее мягкосердечие, попав в руки врага! Но в том-то и дело, что на смерть шел уже человек, который «потвердел духом»; к товарищам он обратился с горячим призывом: «...хотя нас и уколотят, но ведь Советскую власть колом не убьешь! Коммунисты! Братцы! Помремте твердо, чтобы враги над нами не надсмехались!»

И Михаил Кошевой не сразу стал таким, каков он в конце романа. В революцию Кошевой пошел с

первого дня. А вот готовности к решительной и бескомпромиссной борьбе с классовым врагом его учила жизнь. Не ушел вовремя от белоказаков, они схватили его, жестоко выпороли, заставили прислуживать им. На глазах Михаила застрелили коммуниста Валета — еще одно напоминание о бдительности. После гибели Штокмана и Котлярова Кошевой больше «не прислушивался к невнятному голосу жалости», без колебаний убил Петра Мелехова, казнил «вредного» деда Гришаку, пускал «красного кочета» под крыши кулацких куреней. Не захотел Михаил поверить и Григорию Мелехову, не сделал ни одного шага навстречу ему. Некоторые литературоведы даже считают, что именно он погубил Григория.

С этим обвинением нельзя согласиться. Дело в исторической коллизии, логике жизни, а не просто в дурном характере, природной жестокости Кошевого. Как Григорий *не мог* до конца принять новых порядков, порвать с окружением, звавшим его «довоевать», так и Кошевой — хуторской коммунист, что вырос в обстановке классовой борьбы и не до конца завершившейся на Дону гражданской войны, тоже *не мог* понять и простить Мелехова.

Шолохов никогда не занимался «улучшением» истории, идеализацией людей, того же Кошевого он показал в его реальной биографии и с его предельной бескомпромиссностью. Бдительность, энергия — примечательные свойства Кошевого, но он еще не способен сочетать их с вниманием к колеблющимся, к вчерашним противникам. Вообще же образ этот вовсе не однолинеен. С суровостью по отношению к врагам у Мишки уживаются другие чувства. Нежная любовь к Дуняше Мелеховой. Поистине отцовская забота о Мишатке, сыне Григория. Удивительное терпение, с которым он сносит нападки матери Григория и Петра — Ильиничны. Через восприятие этой старой женщины раскрываются весьма привлекательные стороны Кошевого. Ненавидевшая убийцу Петра, Ильинична независимо от своего желания постепенно смягчает к нему. Настал день, когда она «с удивлением заметила, что потухшие глаза «душегуба» теплели и оживлялись, останавливаясь на маленьком Мишатке, огоньки восхищения и ласки на миг вспыхивали в них и гасли, а в углах рта еще долго таилась чуть приметная

улыбка». И вот — подарок от умирающей старухи Михаилу: рубаха ее любимого сына.

Присмотримся ли мы к Кошевому, к Штокману, к Бунчуку, — каждый своеобразная, неповторимая личность. И, хотя пути этих людей не пересекаются с теми, которыми идет Мелехов, — они не на «периферии». Гораздо вернее говорить о нарисованной в «Тихом Доне» многоплановой картине действительности, где множество нитей прямо или опосредованно соединяют главного героя с друзьями, противниками, симпатизирующими ему или безразличными для него людьми. Предложенное Шолоховым композиционное решение связывает в прочный узел все линии повествования и дает возможность каждому персонажу разносторонне проявить свой характер.

Шолоховский опыт сыграл огромную роль в развитии нашей литературы, опровергая ряд догматических представлений. Согласно этим представлениям, яркого изображения коммунистов добьется лишь тот, кто всегда и неизменно будет делать их своими главными героями. Если же они «второстепенные» по сюжету, значит, следуя схематическому ходу мысли — нужны лишь в своей «служебной функции», чтобы оттенять другие образы. Но в искусстве все зависит от избранного жизненного материала, от направленности авторского замысла. В другом своем романе — «Поднятой целине» — Шолохов поставил образы коммунистов в центр композиции.

2

В «Поднятой целине» коммунисты стали центральными героями прежде всего по их роли в сюжетном развитии, отражающем решающие события в жизни советской деревни. Давыдов и его товарищи изображены организаторами перестройки народной жизни, воспитателями нового человека — под их воздействием он приобретает социалистический взгляд на труд, на коллектив, на свое место в обществе.

И это не люди, пришедшие неизвестно откуда, а те же, с кем мы могли познакомиться в «Разгроме», «Чапаеве», «Хождении по мукам», «Тихом Доне». Вряд ли ничем не навеяно совпадение имен: в обоих романах

Шолохова действует Майданников. Еще показательнее сходство характеров Давыдова и Штокмана. Тот самый Штокман, что был непримирим к врагам, мыслью своей устремлен в завтрашний день, где жить и работать Давыдову. Ему принадлежат вещные слова: «Но с вами, тружениками, с теми, кто сочувствует нам, мы будем идти вместе, как быки на пахоте, плечом к плечу. Дружно будем пахать землю для новой жизни...»

И вот настал день, предсказанный коммунистами, дравшимися за него и погибшими во имя будущего.

...На хутор прибыл путиловский рабочий — двадцатипятилетний Давыдов. Ему предстоит организовать колхоз. Но это завтра, а пока он тут вроде бы «не свой». Как поведет себя, что может и умеет, не белоручка ли? — казаки ждали его, заранее насторожившись. Известно: встречают по одежке...

«Кучер остановил лошадей. Давыдов уверенно стал освобождать валеки от постромочной петли. Толпившиеся возле казаки переглянулись. Старый в белой бабьей шубе дед, соскребая с усов сосульки, лукаво прижмурился:

— Гляди, брыкнет, товарищ!

Давыдов, освободивший из-под репицы конского хвоста шлею, повернулся к деду, улыбаясь почернелыми губами, выказывая при улыбке нехватку одного переднего зуба.

— Я, папаша, пулеметчиком был, не на таких лошадках мотался!

— А зуба-то нет — случаем, не кобыла выбила? — спросил один, черный, как грач, по самые ноздри заросший курчавой бородой.

Казаки беззлобно засмеялись, но Давыдов, проворно снимая хомут, отшутился:

— Нет, зуба лишился давно, по пьяному делу. Да оно и лучше: бабы не будут бояться, что укушу. Верно, дед?

Шутку приняли...»

Вчерашний рабочий-путиловец нашел общий язык с трудовыми крестьянами. Но ведь приехал он сюда не просто ради знакомства с казаками. Перед ним — куда более трудная задача: убедить их объединиться в колхоз.

Почему читателей так волнует все происходящее на хуторе? Конечно, сам за себя говорит драматизм

развертывающихся событий. Но еще больше сопер- живаем мы людям, оказавшимся в водовороте этих событий. Шолохов с таким проникновением, художе- ственной достоверностью раскрыл бури, бушующие в душах «простых» крестьян. Конфликты эпохи захва- тили их *внутреннюю жизнь*, и писатель обнажает ее в глубочайших противоречиях и сокровенных движен- иях. О том, как *начинал* складываться трудовой коллек- тив, мы узнаем, вглядываясь в ярко очерченные че- ловеческие характеры. Вглядываясь в перестройку хлеборобами векового уклада жизни, устоявшихся привычек.

Это сложная и благородная задача созидательного порядка, которую настойчиво выполняют коммунисты. Не в идиллической обстановке выполняют. Еще предос- таточно сил, несущих миру разрушение и ненависть. Шолохов не умалчивал ни о перегибах, допущенных при проведении коллективизации, ни о подрывной дея- тельности классовых противников, его роман противос- тоит легковесным поделкам любителей безответственно «пересматривать» историю. Коллективизация, лик- видация кулачества, как класса, откликнулись на Дону актами саботажа и террора. Поднял голову огол- тельный классовый враг. Это — злобный зверь. Потеряв- ший человеческий облик Тимошка Рваный. Тай- ком проникший на хутор для подготовки кулацкого восстания белогвардейский офицер Половцев, чьи по- вадки уподобляются волчьим. Характерно презритель- но-уничижительное отношение Половцева к народу, об «освобождении» которого он так печется. Людей он считает «табуном овец». Раздаются выстрелы, оборвав- шие жизнь Нагульнова и Давыдова. Происходит нечто, совсем незнакомое сельским коммунистам: кулак, при- кидываясь сторонником колхоза, проникает на руко- водящую должность в нем. Фигура Островнова — вра- га без обреза, действующего тихой сапой, явилась открытием — и художественным и жизненным.

А коммунисты посвятили свою деятельность наро- ду, верят в народ, готовы сделать все, чтобы он навеки покончил с «идиотизмом деревенской жизни», обрел счастье свободного творческого труда. Осуществле- ние этой программы и становится смыслом всего, что делают и о чем думают Давыдов, Нагульнов, Разметнов.

Верный своим художественным принципам, Шолохов стремится выявить направление и сложность большевистской работы по воспитанию масс. Ведь любовь к человеку — не только доброе к нему отношение, это борьба за него; при необходимости герои «Разгрома» и «Тихого Дона» вели ее, даже идя «против течения». Коммунисты Гремячего Лога тоже слышали отнюдь не только аплодисменты. Когда на собрании раздался выкрик — угроза еще раз «пустить кровь» ему, Давыдов ответил твердо и гордо: «Ты! Вражеский голос! Мне мало крови пустили! Я еще доживу до той поры, пока таких, как ты, всех утробим. Но если понадобится, я за партию... я за свою партию, за дело рабочих всю кровь отдам! Слышишь ты, кулацкая гадина? Всю до последней капли!»

Давыдов — человек корчагинской принципиальности. Никто и ничто не свернет его с партийной линии. Проводит он ее убежденно и неуклонно. Если речь зашла о партийности, Давыдов ничего не боится, ни на кого не посмотрит. Услышал оппортунистические высказывания секретаря райкома Корчжинского — ответил ему без всякой дипломатии: «Я буду проводить линию партии, а тебе, товарищ, рубану напрямик, по рабочему: твоя линия ошибочная, политически неправильная, факт!»

В политическом споре Давыдов уступок не сделает. В классовой борьбе останется непреклонным: «Кулаком стал, врагом сделался — раздавить. Какие тут могут быть разговоры?»

Чести и достоинства коммуниста Давыдов не уронит. Когда разъяренные бабы, пытаясь отобрать у него ключи от амбара с хлебом, пустили в ход кулаки, председатель колхоза терпел, отшучивался, но ключи не отдал, унижить себя не позволил: «На коленях большевики ни перед кем не стояли и никогда стоять не будут, факт!»

И вот на что стоит обратить особое внимание. На колени Давыдов не становился, но мстить участницам «бабьего бунта» не собирался. Ведя борьбу с врагом, разоблачая оппортунистов, большевик меняется, если перед ним пусть темные и несознательные, но честные люди из народа. С ними все равно надо найти общий язык — не возмущаясь их темнотой и не заискивая перед ними. Организатор колхоза в трудном и ответст-

венном деле как бы выверяет свой характер умением по-новому строить отношения с пока еще малопонятными ему людьми.

Герой «Поднятой целины» дан во внутреннем росте, развитии. Ни в чем не отступая от своих принципов, он учился и хозяйствованию, и установлению тесных контактов с казаками. Начинал с азов, ведь «хутор был для него — как сложный мотор новой конструкции...».

В политической обстановке Давыдов сумел разобраться. Революционный инстинкт подсказал ему, кто чего стоит, учеба у Ленина вооружила правильной стратегией: опираться на бедноту, идти на союз с середняком. Председатель колхоза без колебаний берет-ся исправлять допущенные при коллективизации перегибы, он требует от ближайших своих помощников терпеливо помогать крестьянам преодолевать собственные пережитки.

Они успешнее всего изживаются в атмосфере, где громко заявляют о себе новые политические, моральные принципы. Конструктивно решая стоящие задачи, Давыдов особенно заботится о создании такой атмосферы. О том, чтобы коллективный труд становился почетным, вдохновляющим колхозников.

Им, даже Кондрату Майданникову, «нелегко давался» колхоз, со слезами и кровью рвали крестьяне «пуповину», соединявшую их с собственностью. Вступив в артель, стали все больше втягиваться в общественные интересы, в социалистическое соревнование. Тут и сказалась вдохновляющая роль давыдовских начинаний. Когда Майданников перевыполнил установленные нормы, ему устроили чествование.

Какой знаменательный день — и для Кондрата, и для всего колхоза! Руководствуясь лишь сегодняшними мерками, его значительность не всякий поймет — такое давно привычно для нас. На заре же коллективизации это было чем-то совсем необычным. Кто, когда хвалил крестьянина за отличную работу, да еще «не на себя», а на колхоз, публично награждал за нее?! А коммунисты заботились, чтобы передовиков окружали почетом. Ударником назвали на собрании Майданникова. Премировали кузнеца Ипполита Шалого, своевременно подготовившего инвентарь к весеннему севу. (Между прочим, никаких премиальных фондов у

колхозов еще не было, Давыдов отдал для подарка Ипполиту собственный набор слесарного инструмента.)

Только художник огромного дарования мог с такой психологической глубиной, немногими словами воспроизвести исторический сдвиг в сознании неприметных умельцев.

То, что происходит в душах людей, угадывается в каждом жесте — внешние детали у Шолохова на редкость многозначны. Крестьяне привыкли рассчитывать лишь на «магарыч», «поллитровку». А тут торжественная обстановка — она соответствует настроению собравшихся, важности момента. И герой дня Ипполит Шалый выбит из привычного состояния, у него дрожат руки, на щеке появляется слезинка. Складно говорить он не умеет, и все же чувства свои связывает с тем, о чем и думал Давыдов, премируя кузнеца: с ударным трудом, преданностью колхозному делу.

«— Струмент нам, конечно, нужный... Благодарные мы... И за правление, за ихнюю эту самую... Спасибо и ишо раз спасибо!.. А я... раз я кузницей зараженный и могу... то я всегда, как я нынче — колхозник, с дорогой душой...»

Другой ударник, также втянутый Давыдовым в социалистическое соревнование, Антип Грач уже знает, что теперь составляет предмет общенародной гордости: «Наша порода в работе не из последних».

Поведение Кондрата Майданникова, Ипполита Шалого, Антипа Грача — моральный итог организационной и воспитательной работы хуторских коммунистов. А чего стоило добиться такого итога!

Добились многого. Давыдов имеет все основания радоваться тому, что еще недавно поднимавшие на него руку крестьяне испытывают стыд за свое поведение. И — больше: хотят выразить свое отношение как к самому Давыдову, так и к делу, которое осуществляет он, приславшая его партия. Хуторяне просят не поминать старое, верить им: «...Ведь нам вместе жить...»

«Вместе жить» партии и всему народу — об этом мечтал Штокман! Это для коммуниста не только признание его заслуг, но и появление новых обязательств. Надо стать близким людям во всем, вплоть до самых сокровенных их забот. Во второй части «Поднятой целины» акцентируется обязанность руководителя быть

душевнее, гибче в отношениях с людьми. И раньше читатель не мог не заметить, с какой теплотой смотрит Давыдов на колхозных ребятишек, радуясь, что «счастливые будут Федотки...». Завершая роман, Шолохов столкнул Давыдова с людьми очень сложной судьбы, ждавшими заботы и внимания, и герою романа открылись, пользуясь словами поэта, душ золотые россыпи. Открылись тогда, когда он научился смирять понятное раздражение самостийностью иных колхозников, вроде надерзившего ему Устина Рыкалина. Тогда, когда крестьяне, убедившись в его отзывчивости, стали совершенно откровенны с ним.

Необходимо углубленно и бесстрашно показывать, как противоречива жизнь и противоречивы люди — этим эстетическим принципом постоянно руководствуется Шолохов. Вот Усти́н Рыкалин, — действительно ли он «открытый враг колхозной жизни», каким показался председателю колхоза? Столкновение с Рыкалиным заставило о многом задуматься Давыдова. «Удивительный народ эти казачишки! Раскуси попробуй, что за фрукт этот Устин... Разберись в каждом из них, дьявол бы их побрал. Ну что ж, буду разбираться! Понадобится, так не то что пуд — целый мешок соли вместе с ними съем, но так или иначе, а все равно разберусь, факт!» Узнав обо всем, что пришлось пережить Устину, о трудной его семейной жизни, Давыдов думает, как помочь ему хлебом, одеть ребятишек.

Или взять мрачного, утрюмого, явно настораживающего Ивана Аржанова. Он доверчиво раскрылся перед Давыдовым, рассказал, как еще подростком убил виновников гибели отца, — и председатель колхоза не мог не изменить своего отношения к этому человеку.

Менялся Давыдов, суховатую прямолинейность все чаще вытесняла у него теплота, человечность. Прослышал о трудном положении «учительки» Егоровой и распорядился выписать ей продукты за счет собственных трудодней. Откликнулся на просьбу о помощи роженице и позаботился срочно вызвать фельдшера. И уже не узнать сурового моряка, пулеметчика в председателе, которого не могла не растрогать искренняя благодарность отца только что родившегося ребенка. «Что ж, видно сентиментален стал матрос, если чужая радость и счастливый исход материнских мук заставили его прослезиться». В новом освещении предстает

облик Давыдова, когда мы узнаем о чистой и безответной любви к нему Вари Харламовой.

Это уже нечто новое в жизни Давыдова. На первых страницах «Поднятой целины» мы познакомились с человеком простым, демократичным, но от сантиментов бесконечно далеким. Характер Давыдова раскрывается в бескомпромиссности его политических заявлений и в энтузиазме; неуступчивость, самоотверженный пример — этим поднимает и увлекает колхозников их председатель. О его переживаниях и сомнениях мы почти ничего не знали.

И этот человек, на глазах у многих, стал переосмысливать свои отношения с Лушкой, раздумывать, как бы ненароком не обидеть Варю.

На глазах у многих! Когда-то, во время организации колхоза, раскулачивания хуторяне не слишком присматривались к личной жизни Давыдова, да и была ли у него эта жизнь?! Прошли месяцы. Далеко не монах, Давыдов не остался равнодушным к Лушке. Вообще говоря, в такой связи не было ничего чрезвычайного для местных нравов. Но положение председателя колхоза делало ее недопустимой. Воспитателю других пришлось воспитывать и себя.

По верному наблюдению критика Льва Якименко, во второй части «Поднятой целины» усиливается лирическое начало, все слышнее проникновенный авторский голос. Давыдов признается самому себе, что в гуще трудных забот, в ожесточении борьбы незаметно «усвоил грубую, нагульновскую манеру обращения с людьми», и пересматривает ряд своих оценок. Разрыв с Лушкой нужен не только для восстановления общественной репутации председателя колхоза, а и для укрепления чувства собственного достоинства, которое он начинал терять, поддаваясь колдовским чарам этой женщины. Запутавшись в отношениях с Лушкой, Давыдов стал молчаливым и раздражительным, даже «что-то неприятное и жалкое было во всем его облике». Совсем вырвать из сердца эту любовь не смог, но когда после убийства Тимошки прощался с Лукерьей, знал, что дороги их разошлись навсегда.

Лирическая интонация появляется в последних главах романа не для «утепления» его образов, как бывает порой в литературе. Это еще одна краска, необхо-

димая многоцветному портрету незаурядного человека. Он — и тот же и не тот же на протяжении нескольких месяцев, в которые происходит действие. Но ведь одним и тем же коммунист и не может оставаться. Избрав роль передового борца, он сам себя обязал успевать за жизнью, неукоснительно пополнять знания, опыт, свой «моральный потенциал». Художественно воссоздавая биографию партийного деятеля, не миновать тех периодов, когда он вновь и вновь садится за учебу — на семинаре, на курсах, в сети партпросвещения. А если иметь в виду внутреннюю его тягу к знаниям, к политическому самообразованию, не будет преувеличением сказать, что коммунист учится всю жизнь.

Учится в деле, развивая у себя качества, требуемые временем. Саморазвитие характера диктуется, показала советская классика, активностью в поиске нужных подходов к делу, которым занимаешься, умением находить оптимальное решение жизненных задач. Когда этот критерий подменялся схоластическими рассуждениями о «положенном» или «не положенном» коммунисту, на свет выходили сочинения мертворожденные, вульгаризаторские. Так, в конце 20-х — начале 30-х годов сторонники теории «живого человека», борясь со схематизмом плакатного типа, допускали схематизм «наоборот» — превращали сознание передового человека в арену непримиримых столкновений взаимоисключающих идейных и нравственных побуждений. Вернее, даже не побуждений, а категорий, — умозрительно вычлененных из слабо понятой гегелевской диалектики. Например, Юрий Либединский после навеянной живой жизнью «Недели» написал холодно-рассудочный роман «Рождение героя». Персонажи — коммунисты, строители, совершая тот или иной поступок, действуют не по логике обстоятельств и своих характеров, а по подсказке сложившихся в их подсознании стереотипов мышления.

Так, в душе старого большевика Шорохова идет непрекращающаяся борьба двух противоположных начал — сознательности и стихийности, причем убеждения выглядят сухой рационалистической системой, пасующей перед интуицией. Напор «непосредственных ощущений» опрокинул все доводы разума. Шорохов пытается «перестроиться», уезжает в Туркестан, но и там его работа оказывается, в сущности, лишь отраже-

нием противоречивых процессов, происходящих в его сознании. «Все эти нескончаемые дела, и в особенности это последнее туркестанское дело, были выражением тех нескольких самых главных мыслей, которые сопровождали Шорохова, усложняясь и уточняясь, всю жизнь».

Схематизм — опаснейший враг литературы. Ей пришлось столкнуться с «кожаными куртками», отрицавшими во имя дела всякие переживания. Затем — с теорией «живого человека», опять-таки схематизирующей людей, на этот раз их внутренние противоречия, но не жизненные, а сконструированные по канонам тегелевской «триады». Творчество же крупных реалистов было и осталось принципиально антисхематичным. Они в жизни нашли источники человеческих поступков и устремлений. В саморазвитии характеров проследили перемены в отношении своих героев к делу, истории, другим людям. Один из самых убедительных примеров — повесть Юрия Крымова «Танкер «Дербент». Коммунист Басов не может жить иной жизнью, чем живет: увлеченное отношение к своим «служебным» обязанностям, к сплочению моряков в дружный коллектив. В самом характере, в натуре человека — те качества, которые будут двигать им во всем — и в труде, и в личной, семейной жизни. Таков же и врач-новатор в пьесе Александра Корнейчука «Платон Кречет».

Органичность нравственных и «трудовых» свойств — вот что надо было писателям разглядеть в их становлении. Шолохов-художник удивительно глубоко и зорко учитывает все факторы, формирующие характеры. Качества, так сказать, наследственные. Те, которые у персонажей сформировали предыдущие годы. Сегодняшние их интересы, побуждения, достоинства и недостатки. Самому обстоятельному анализу подвергает писатель степень и формы участия человека в общественной деятельности, своеобразие подхода к практическому делу, ставшему его основным призванием. «Фактор» этот обстоятельно освещен в социологической литературе; гораздо меньше — эстетикой применительно к художественному творчеству.

Между тем, чтобы убедительно раскрыть психологию борца, деятеля, художнику важно разглядеть, каков он в деле, чем отличается от товарищей или дополняет их. Существенные соображения на этот счет

высказал еще Энгельс. Разбирая пьесу Лассалля, он высказал мысль, что она выиграла бы, если бы в ней «характеры были несколько резче разграничены и острее противопоставлены друг другу». С этим замечанием связан вывод: «...Личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает»¹.

Такой вывод — в духе творческого марксизма. Ленин, считавший, что «не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне»², также подчеркивал: «Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях... в приемах подхода к делу...»³.

Шолоховские герои вырабатывают подход к задачам всей своей жизнью, порой даже не зная, как это происходит. Но, с другой стороны, в их жизненную школу, разумеется, входит и сознательная работа над собой.

В «Поднятой целине» правдиво изображена целая партийная организация. В главном — в проведении политики партии — она являет монолитное единство. Но между членами хуторской ячейки немало и расхождений, они нередко спорят о том, как практически осуществить намеченное. Разные люди по-разному понимают практические пути; их разделяют степень духовного развития, своеобразие характеров.

...«Весь в углах» — лишь два слова, а мы моментально догадываемся — это, конечно же, о Нагульнове. Такие, как Макар, привыкли делить мир на два лагеря: либо белые — либо красные, либо враг — либо соратник. Нагульнов возненавидел собственничество еще в дореволюционные годы, когда на его глазах из-за случайно забредшей в чужой огород свиньи убили человека. Потрясенный мальчик бежал из семьи зажиточного казака. «Прошлое дорогое время» гражданской войны опять-таки было временем очень жестоким: зверства белоказаков, ранения, контузии. Как и Михаил Кошевой, внутренне близкий ему Макар не даст врагу обмануть себя, но не примет и никаких компромиссов, даже целесообразных.

«Весь заостренный в мировую революцию», Нагульнов беспредельно честен и самоотвержен. Работает

¹ К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Соч., т. 29, с. 493, 492.

² В. И. ЛЕНИН. Полн. собр. соч., т. 47, с. 221.

³ Там же, т. 35, с. 203.

увлеченно и беззаветно. Забыв о личной обиде, бросается защищать колхозное зерно, помнит об интернациональном долге; готовясь прийти на помощь братьям по классу, ночами учит английский язык. Абсолютный бесребреник. Не может вырвать из сердца любовь к женщине.

Если бы не кулацкая пуля, Нагульников, возможно, раскрылся бы в новых сторонах своей натуры. Но мы встречаем его в очень непростое время, своеобразия которого Макар не сумел понять.

Ведь расстановка сил на Дону уже иная, чем во время гражданской войны, казачество в массе своей не пойдет против Советской власти. Следовательно, нужны новые методы работы, более гибкий подход к людям. А Макар Нагульников остается лихим конником. Теряя ориентировку, действуя «кавалерийскими наскоками» вместо кропотливой организаторской и воспитательной работы, он дошел до опасных крайностей. Макар настоял на обобществлении даже личной птицы колхозников. Середняка объявил закоренелым «мелким буржуем». Фактически игнорировал метод убеждения: «Нет, не уговаривать их надо, а бить по головам...»

Избранные Шолоховым лексические средства прекрасно характеризуют этого и других персонажей. У Нагульнова «хищный вырез ноздрей», «мутная наволочь в глазах»; крышку стола он держит, «как коршун добычу»; на собрании говорит, «приподнимаясь, словно на стремянах».

Критики-вульгаризаторы, примитивно толкуя «Поднятую целину», даже усматривали в Нагульнове «левого загибщика» (а в Разметнове — «правого оппортуниста»). Но расхождений с линией партии у обоих нет и никогда не было. Не все верно понимает Макар, его субъективные ошибки объективно вредны, — «факт», как сказал бы Давыдов. Однако тот же Давыдов говорит и другое: «Путаник, но ведь страшно свой же!» Когда оппортунисты решили исключить его из партии, Нагульников отказался отдать партбилет: «...Мне без партии не жить!.. Мне жизнь теперь без надобностей, исключите и из нее...»

Какой там «антипартийный элемент»! Без партии Нагульнову не жить. А характер надо менять, иначе не выработает секретарь партийной ячейки правильно-

го, современного подхода к людям. Удалось бы это Макару? Кто знает, жизнь его оборвалась слишком рано. Да и не в категорическом ответе дело. Важно, что этим образом Шолохов заставил многих коммунистов задуматься о том, чего требует от них время.

Рядом с Давыдовым и Нагульниковым читатели обязательно назовут третьего из хуторских коммунистов — председателя Совета Андрея Разметнова. Не потому, что запомнили конкретные действия председателя. Потому, что он выступает в личной неповторимости, столь непохожий на своих товарищей, хотя и делающий одно с ними дело.

И у такого человеческого типа были свои предшественники в «Тихом Доне», например, добродушный Котляров, который не поддавался ожесточению, злобе, а вот под дулами вражеских винтовок оказался подлинным героем, произнес взволнованную агитационную речь. Каков Разметнов, можно судить уже по внешнему виду: «плотный казачок», неторопливо поглаживает усы, шутит, улыбается; мягкость, доброта — главное свойство его натуры, им движет чувство высшей справедливости.

Никогда не согласится Андрей со зверской, античеловеческой моралью. Над его женой надругались белоказаки, она повесилась. Разметнов насильника не застиг, но его семью, его отца повстречал. Покарать? Кошевой или Нагульнов не раздумывали бы ни минуты. Андрей — иной. Спрыгнув с коня, мертвенно бледный, он схватился за шашку. Взглянул на рыдающих детишек, — кинул ее обратно в ножны и, спотыкаясь, «дико озираясь», пошел прочь: «Счастье твое!.. Детишки...»

Не ослепленность озлобленного человека, а благородство революционера: уничтожать только сопротивляющегося врага, не сдающегося. Справедливому участливому Андрею не всегда удавалось различать, когда оправдано, а когда не оправдано снисхождение к людям. Он понимал, сколь неправильно раскулачивать многосемейного Гаева: «Я... я... с детишками не обучен воевать... Не пойду». Но в некоторых его высказываниях Давыдов уловил недопустимую мягкотелость и отнесся к этому настороженно.

Да, именно в деле полностью раскрылись характеры героев «Поднятой целины». Не только трех хутор-

ских руководителей. В романе изображены еще несколько представителей партии.

Пожилой командир агитколонны, луганский токарь Кондратько похож и не похож на Давыдова. По-давыдовски взвешивая все обстоятельства, он не столь прямолинеен. Выступает «мягко», по ходу речи «советуясь», однако умеет повернуть обсуждение «на свой лад».

«Повернуть на свой лад» — не обязательно навязать свою волю, как делал Нагульников. Может быть, потому и не сорвался Давыдов в словесной схватке с Устином, что до этого у него были встречи с новым секретарем райкома Нестеренко. Очень доброжелательный, общительный Нестеренко резко осуждает администрирование и грубость. В разговоре с Давыдовым он заявляет: «Привились у нас в партийном быту, на мой взгляд, неумные действия и соответствующие им выражения: «снять стружку», «прочистить с песочком», «продрать наждаком» и так далее. Как будто речь идет не о человеке, а о каком-то ржавом куске железа. Да что же это такое в самом деле? И заметь, что выражения эти в ходу по большей части у тех, кто за всю свою жизнь не снял ни одной стружки ни с металла, ни с дерева и, уж наверное, никогда не держал в руках наждачного бруска. А ведь человек тонкая штука, и с ним надо, ох, как аккуратно обходиться!..»

Кое-кому надо брать себя в руки, чтобы научиться «аккуратно обходиться» с людьми. А вот комсомолец Ваня Найденов иначе и не представляет себе обязанностей агитатора. Поэтому он успешно справился с очень трудной кампанией по сдаче семенного фонда. Проходила она, как говорится, со скрипом. Нажим Нагульнова вызвал сопротивление хуторян. Крестьянская скупость? Не без того. Но крестьяне-то уже не те, какими были до вступления в колхоз. Неужели колхозники не поймут, что от них требуется? Ваня Найденов верил: поймут, если обратиться к их совести. Избы он обходил, приветливо беседуя с хозяевами, не отказываясь от угощения. Охотно вступал в беседы, рассказывал о международных событиях, отвечал на вопросы. Делился информацией, почерпнутой из газет. В частности, привел трагический эпизод: жандармы беспощадно расправились с румынскими комсомольцами. Эту историю Ваня связал с революционной борьбой в ми-

ре, с интернационалистскими обязанностями советского народа, хуторских колхозников.

«— Да, умер герой рабочего класса — наш дорогой товарищ, румынский комсомолец! Умер за то, чтобы трудящимся лучше жилось. Наше дело — помочь им свергнуть капитализм, установить рабоче-крестьянскую власть, а для этого надо строить колхозы, укреплять колхозное хозяйство. Но у нас еще есть такие хлебобобы, которые по несознательности помогают подобным жандармам и препятствуют колхозному строительству, — не сдают семенной хлеб... Ну, спасибо, хозяева, за завтрак! Теперь — о деле, насчет которого мы к вам пришли: надо вам сейчас же отвезти семенной хлеб...»

Кому хочется выглядеть пособником палачей?! Да и несознательными прослыть тоже малопривно. Там, где не помогали окрики, вполне оправдало себя обращение к сознанию.

В колхоз вступили. Хлеб повезли. Твердо решили «вместе жить» с партией, Советской властью. Следовательно, не напрасно коммунисты шли под кулацкие пули, неутомимо искали общий язык с крестьянством.

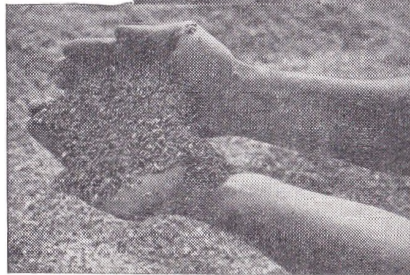
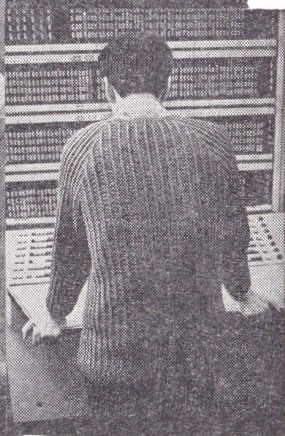
Не напрасно они, как Найденов, напоминали об интернациональных обязанностях советских людей. Огромна международная популярность и самого романа «Поднятая целина». Опять обращаясь к реальным фактам, можно было бы привести высказывания не только болгарских или вьетнамских, но и кенийских крестьян, воспринимающих эту книгу как руководство в жизни. А недавняя газетная корреспонденция из ГДР познакомила нас с таким эпизодом. Бывший солдат вермахта, нынешний видный писатель ГДР Гельмут Байерль в 50-х годах ездил по деревням вместе с театральным коллективом, поставившим его пьесу (она была написана под влиянием Шолохова). Большинство крестьян приветствовало спектакль о современной деревне. Однако не все. Драматург рассказывает: «...В одной деревне, куда мы приехали с театром, произошла любопытная история. Все билеты были распроданы, но зал оказался пустым. Выяснилось, что их скупил и сжег деревенский кулак. Он побоялся этой веселой комедии, которая по-своему агитировала за вступление в кооператив. И хотя спектакль сорвался, у нас в тот день было приподнятое настроение: мы чувствовали свою при-

частность к революционной борьбе, свое родство с Давыдовыми и Корчагиными».

Это — великое и святое родство братьев по классу, по партии, людей, удивительно ярко изображенных Шолоховым.

И те краски, которыми рисует своих героев Шолохов, и общая тональность его романа — все помогает художественно воссоздать атмосферу коллективистской жизни, утверждающей, как высшую нравственную норму, внимание и заботу о человеке. Жизни, вести которую вперед сумеют энтузиасты, столь же увлеченные своим делом и в то же время умножившие профессиональные знания, ставшие специалистами, мастерами социалистического хозяйствования, воспитательной работы.

ОБ «ИДЕАЛИСТАХ»,
«РАЦИОНАЛИСТАХ»,
О ВЕРЕ В ИДЕАЛ

Еще в «Цементе» мы встретились с проблемой «спеца» — профессионального знатока промышленности, инженера-специалиста. Для Глеба Чумалова Клейст, работавший еще на хозяев, долго оставался «чуждым элементом». Понадобилось время, чтобы Глеб забыл старые обиды, понял, что надо разумно использовать знающего инженера, поучиться у него.

Заметим, что это поняли тогда не все. Литература рассказывала и о «комчванстве», заставлявшем иных отгораживаться от беспартийных. И в деле и в быту, личных взаимоотношениях. Доходило до курьезов: героиня романа Сергея Семенова «Наталья Тарпова» заявляет, что полюбит только коммуниста, что «не может жить с беспартийным».

Вульгаризаторские предубеждения изживались в жизни, уступали место в литературе органичным для строителей социализма представлениям. В том числе стремлению строить, созидать по-корчагински, по-давыдовски: чтобы достигнутое становилось плацдармом для счастья людей и чтобы сама эта работа нравственно возвышала того, кто ею занимается. Советский специалист, утверждает

литература, мастер своего дела. А это дело подчинено еще более высокому: вере в идеал. Об «идеалисте» и «рационалисте» (конечно, не в специфически философском смысле) зачастую говорят, сближая эти понятия, что все теснее соединяются, как показано выше, определения: «человек дела» и его «моральный потенциал».

Думается, жизнь дает основание в какой-то мере соотносить друг с другом оба понятия. Если под «идеалистами» понимать людей, беззаветно верящих в высокий идеал, бескорыстных и беззаветных, то мы найдем их не только в атакующей цепи, но и у пульта автоматизированного завода. Если считать «рационалистами» увлеченных своей целью борцов, которые научились трезво взвешивать возможности, то ими окажутся не только инженеры эпохи НТР, но и, скажем, командиры гражданской войны.

В литературных же спорах эти понятия нередко резко противопоставлялись.

С одной стороны, иногда по канонам «теории дегероизации» типической фигурой современности выставляли «маленького человека». Он погружен в будни, живет только ими, не приемля высоких дел, подвигов, никакой «идеальности».

С другой стороны, кое-кем из литераторов поэтизировались люди антиобщественные, бездеятельные «странники» и «чудаки», проповедующие абстрактные моральные ценности, отвергающие всякую «рациональность».

Люди того и другого типа, конечно, встречаются в действительности, странно было бы возражать против правдивого их показа. Возражать приходилось против стремления представить их центральными героями современности в произведениях; где вообще не находилось места для настоящих коммунистов. А эти, последние, при всем своеобразии их характеров, люди общественно активные. В современных условиях особенно важно, чтобы эта активность служила *целям гуманным*, воспитательным. За гуманиста — не на словах, а на деле — и ратует наша литература. За работника делового, а не делягу!

Идеальные устремления и деловитость... Не случайно в молодежной печати скрестили свои шпаги сторонники и противники Дон Кихота. Одни восхищались его благородством, пусть непрактичным, но далеким от

какого бы то ни было меркантилизма, другие утверждали: реальность побед обеспечивается лишь точным расчетом. Две точки зрения — две оценки беззаветного благородства, воспетого Сервантесом. Первая точка зрения: «Повинуясь вдохновенному порыву», «Этика с арифметикой?», «Все мы втайне завидуем «донкихотам», «Ветхое судно расчета», «Человечество... хранимо донкихотами, ибо они бескомпромиссны и бесстрашны в битве за высокие общечеловеческие идеалы». Вторая точка зрения: «Жар души! А хлад ума?», «Быть рациональным во всем», «Дон Кихот» привлекателен. Однако в отличие от трезвого борца его КПД близок к нулю...»

Благородство странствующего рыцаря из Ламанчи никто, конечно, не ставит под сомнение. Спор идет о реалистичности методов, которыми утверждаются идеи и принципы. Действительно, подвижникам и энтузиастам надо владеть такими методами; если что-то устарело в Дон Кихоте, так не высокие стремления, а неспособность проводить их в повседневную жизнь.

Наше время открывает простор для осуществления самых смелых планов, широкого развертывания народной инициативы. Обратимся к роману Галины Николаевой «Битва в пути». Отобразив самое начало нового общественного подъема, писательница Вальгану, как уходящему человеческому типу, противопоставила человека, чьи силы должны проявиться в полную меру, — Бахирева. «Видимая всем жизнь его заключалась в том, что он не всегда продуманно и тактично решал очередные и насущные вопросы. Внутренняя, скрытая от всех жизнь заключалась в непрерывном ощущении, что так работать нельзя, и в жадном совершенствовании заветных планов. Он переживал небывалые дни. Все прошлые годы теперь казались ему лишь периодом подготовки и накапливания сил к предстоящей деятельности. Сейчас наступил период реализации накопленного».

Период реализации насущных задач выдвигает людей, способных к кипучей деятельности, и Бахирев — один из них. А вот способами решения этих задач главному инженеру еще нужно овладевать, в чем ему вскоре пришлось убедиться. Тактику свою он не продумал, действовал вначале в одиночку. По существу, был впол-

не прав, но на первых порах терпел досадные поражения — совсем как Дон Кихот. В спорах вокруг романа даже высказывалось сомнение, под силу ли Бахиреву преобразования, которыми он занялся.

Сходные упреки Галина Николаева слышала и раньше в адрес героини своей «Повести о директоре МТС и главном агрономе». Совсем юная девушка, Настя Ковшова фактически за счет лишь энтузиазма сумела «перевернуть» районную жизнь. Здесь, видимо, надо посчитаться со следующим обстоятельством. Хотя не все поступки героев повести хорошо мотивированы, но эмоциональный ее настрой созвучен пафосу времени, характеризующемуся бурным взлетом творческих сил. Вдохновить же людей верой в то, что они не «винтики», а хозяева и творцы жизни и могут — обязаны! — сами осуществить назревшие перемены, — эта художественная задача соответствовала общественным потребностям середины 50-х годов. В эти годы экраны завоевал беззаветно-энергичный Трубников (кинофильм «Председатель»), сумевший напором своей воли «поднять» колхозников на послевоенный труд. Современник Ковшовой, Трубникова — и Бахирев, хотя его деловая компетентность гораздо выше.

По-своему правы критики, во многих статьях писавшие о том, что Бахирев надеялся перестроить заводское производство, не выходя за его пределы. Но роман Николаевой не об экономической, а о социальной, психологической перестройке, захватившей наше общество в годы, проходившие под знаком XX съезда КПСС. Именно человеческие отношения в поле пристального авторского исследования. Главный инженер потерпел поражение, потому что к своим начинаниям приступал без опоры на рабочий коллектив, парторганизацию. Между тем коммунисты завода поняли, что технические проблемы, которые ставит Бахирев, теснейшим образом связаны с вопросами всей жизни трудового коллектива. Правильный путь действий Бахиреву подсказали в парткоме. Главный инженер зашел сообщить о готовности к переходу производства на комплексную подачу деталей.

«— Пришел проинформировать — и на том, конечно, спасибо! — сказал Чубасов с легкой иронией. — Хотел бы я уточнить только, что ты включаешь в понятие «производство»?

— Как что? Машины, конечно,— удивился вопросу Бахирев.

— А людей? Загляни в Маркса, освежи понятие о производительных силах...»

Вдумаемся в этот диалог. И планы, и организация труда, и взаимоотношения со «смежниками», и «выход» на руководство — ничто не может оставить равнодушной партийную организацию. И не только заводскую. В действие втягиваются горком, обком партии; в одной из глав романа описывается заседание в ЦК. Счастье Бахирева, что уже настал момент, когда коллектив внутренне подготовлен к переменам, ждет их, ищет лидера. Раскритиковав тактику главного инженера, собрание партийно-хозяйственного актива поддержало его предложения.

С собрания Бахирев уходил обновленный. Еще несколько часов назад чувствовал себя непонятым и беспомощным. «А сейчас? Избитый, изруганный, измученный и... счастливый! Никогда еще так твердо не стоял на земле обеими ногами, никогда собственные планы не представлялись такой реальностью... Почему же план замыслил с размахом, а в работе с людьми не хватало ни размаха, ни настойчивости? Сработали силы собственной инерции, не принятые в расчет?»

В образе Бахирева рельефно выявлены психологические перемены, помогающие преодолеть «силы инерции» — и в других и в себе. Главный инженер преодолел их, еще раз убедившись, что без поддержки коллектива серьезных перемен в жизни осуществить невозможно («клин» и «острие» его!). И — убедив читателей, что идеальность общественно полезных устремлений пробьет себе дорогу, если утверждать ее будешь не «донкихотскими» методами.

Ну, а где они «не Дон Кихоты», олицетворение делового рационализма? Писатели стали искать их в среде, близкой Бахиреву, но чаще всего среди тех, кто пришел на завод уже несколько позднее — в эпоху НТР. Это высокообразованные специалисты, еще в институте учившиеся искусству управления, у них «способы решения» производственных задач иные, чем у Бахирева, и взгляд на коллектив не столь «идеалистический».

Порой даже слишком «не идеалистический»! Литература заметила и тех, кто в самом деле сделался

пресловутым «менеджером» — деловым управляющим буржуазного толка. Об одном из них писал Даниил Гранин в повести «Кто-то должен». Борис Васильев в повести «Иванов катер» нарисовал фигуру архиделового помощника капитана Прасолова; спекулируя лозунгами времени, Прасолов превращается в ловкого дельца, умелого махинатора. Так нередко случается с теми, кому безразличны цели нашего строительства.

Советская литература бескомпромиссно осуждает людей без принципов, какими бы техническими навыками они ни обладали. Да, Леван Хидашели — знающий инженер (Гурам Панджикидзе, «Седьмое небо»). Но грош цена ему, как человеку: ради карьеристских соображений он отступился от рабочего, покалеченного на производстве, не без его, Левана, вины; предал невесту, друзей. Как не отвечающий этим же моральным требованиям, развенчан и другой представитель «элиты» — скульптор Свен Вооре (Энн Ветемаа, «Монумент»). Интриган и приспособленец Свен Вооре не останавливается перед политической демагогией, чтобы опорочить проект своего товарища и попутно разрекламировать свой собственный. При этом еще гордится тем, что умеет «разумно расходовать свои эмоции» в «эпоху рационализма». Цинично признает, что «до конца взвесил этот шаг — вступление в партию»: он «меня ни в чем не стеснял. Я постиг на опыте, что поступки можно заменять словами и что вовсе не обязательно залезать в доспехи: можно класть их перед собой на седло. Они и в этом случае смогут служить щитом, но не будет утрачена маневренность»...

Прагматик-карьерист развенчан нашей литературой как нечто глубоко чуждое советскому обществу. «Идеалист» вообще не справится с делом, которое ждет своего решения, а «практичность» Прасоловых и Хидашели может нанести ему непоправимый вред. Какой же должна быть практичность без кавычек, служащая интересам социалистического производства?

Пьеса Игнатия Дворецкого «Человек со стороны» вызвала многочисленные обсуждения. Уже кое-кто негодует: почему столько внимания уделено отнюдь не шедевру драматургии? Но резонанс пьесы объясняется не какими-то необычайными художественными ее достоинствами. Произошло то, что нередко происходит в искусстве: автор одним из первых широко рассмотрел

возникший в жизни социальный тип. Еще не всеми замеченный, не до конца понятый, не полностью проявивший себя, этот тип выражает зреющие потребности времени. Отсюда — обостренный интерес к нему зрителей и читателей.

Ни сторонники, ни противники Чешкова не оспаривали: взрастившая его почва — современная научно-техническая революция. Ее потребности властно требуют удовлетворения. Кто способен осуществить их, как это сделать — не в безвоздушном пространстве, а в условиях нашего общества с присущими ему социальными институтами и гуманистическими целями? К ответам на этот вопрос и подводили разборы пьесы, ее постановок.

Научный подход к делу — не просто «конек» Чешкова, он — тот самый рычаг, с помощью которого осуществляются решающие задачи пятилетки. Зрители с самого начала видят личные недостатки Чешкова. И готовы простить их — ведь новому руководителю нужны не общие слова, а рациональность инженерной мысли. Он не хочет и не может по старинке руководить мощным механизированным производством. Начал Чешков с того, что потребовал бесповоротно покончить с приписками, авралами, очковтирательством («наш бич — вранье») и поставить во главу угла экономические соображения. Каждая беседа с подчиненными напоминает об этом: «Пора нам перестать разговаривать на пальцах. Все считать! Все подвергнуть анализу! Любую затрату»; «Работа на износ — преступная работа. Неэкономичная, антинаучная, дорогая»; «...Производство немыслимо без дисциплины»; «Указания не должны повторяться сто раз»; «Анализ! Анализ! Анализ»; «...С графика начинается научная организация труда».

Очень хочется, чтобы Чешков вышел победителем в борьбе с кустарщиной и расхлябанностью. Но по ходу пьесы все чаще возникают сомнения на сей счет. Действительно ли Чешков тот герой наших дней, которого ожидали с таким нетерпением?

В данном случае о слабостях «идеалиста» говорить не приходится — Чешков решителен, неуступчив. Неуступчив до прямолинейной категоричности и неоправданной жестокости. Отчасти это можно понять; условия борьбы сказываются на характере — упрямом, ершистом. Однако не все объяснишь сопротивлением,

которое оказали Чешкову в цехе. Как согласиться с тем, что он не только не ищет общественной поддержки своим начинаниям, но явно безразличен к отдельным людям?

Задуманный Чешковым поворот от субъективизма в работе к профессионализму невозможно осуществить с помощью одного арифмометра, он достигается *системой взаимоотношений между людьми*. Похоже, новый начальник цеха и не задумался об этом, не понял своей роли как руководителя социалистического коллектива. Выше высказывалась мысль, что ныне это уже сложившийся коллектив, живущий по социалистическим нормам, имеющий свои традиции, требующий умного и гибкого руководства.

Чешков повторяет ошибки Бахирева? Не совсем так. Бахирев допускал просчеты в азарте борьбы, но охотно исправлял их, и писательница шла ему «навстречу», рисуя заводскую парторганизацию. У Дворецкого нет такого изображения, если не считать малоудачной сцены в парткоме Тихвинского завода. В пьесе всерьез так и не поставлен вопрос о том, что Чешков ничего не добьется без поддержки общественности, без призыва: «Коммунисты, вперед!» Правда, о его нечуткости к людям драматург не умолчал.

Это не просчет Чешкова, а убеждение, что его сфера — только проблемы управления производством. Долго не раздумывая, Чешков предложил заменить пожилых секретарш более молодыми, которые «восприимчивее, память лучше, выносливее», а когда ему напомнили, что пожилые секретарши работают на заводе еще с военных лет, равнодушно заметил: «Благотворительность не может являться традицией промышленного производства». Чешкову рассказали, что бывшего начальника цеха рабочие любили за доброту, за человечность; в ответ — сухая реплика: «Не понимаю». Чешков пренебрегает традициями завода: «Я сломаю быстро». И это говорит не задиристый спорщик, ведущий теоретическую дискуссию о НТР, а руководитель, которому не дано права третировать людей.

Принципиальное небрежение своей обязанностью быть организатором коллектива? Если так, то надо было бы согласиться с одним из критиков, который писал, что «Чешков стал добросовестным компонентом системы «машина — человек — машина». Но такой вы-

вод расходится с художественным замыслом Дворецкого. Пьеса не должна была ни безоговорочно поддерживать, ни полностью осуждать молодого организатора, ее предназначение — включить нас в общественные раздумья о качествах, которые обязательно потребует от него современность.

Фигуру Чешкова драматург разглядел в момент зарождения. Сегодня угловатый Чешков, вынужденный крутыми мерами менять организацию производства, допускает крайности в своих методах и еще не задумывается о своих обязанностях воспитателя коллектива. Как сложится его судьба завтра, — этого мы пока не знаем. Не исключено, что он потерпит поражение. А быть может, жизненные уроки пойдут ему впрок. К тому же для Дворецкого Чешков не единственный герой наших дней; в других своих пьесах он рисует иные типы руководителей: масштабно мыслящего строителя Чепракова («Трасса»), очень человеческого судью Ковалеву («Ковалева из провинции»).

Следовательно, нет нужды преувеличивать значение пьесы, генерализировать ее главное действующее лицо. Объяснить же причину успеха у зрителей — небесполезно. Они с волнением следят за становлением Чешкова, как командира производства. Сумеет ли он «перестроиться»? Должен бы, ведь предпринятые Чешковым меры существенны не только с экономической точки зрения. Борьба за ритмичную работу, за дисциплину создает важнейшие предпосылки для нормального самочувствия самих работников; по меткому замечанию Рябинина, тот самый рапорт, с которого демонстративно ушли обиженные, служил «воспитанию личной ответственности, дисциплины, честности в деловом процессе».

Не приемля «модного» абстрактного морализаторства, писатели-реалисты убеждены: как раз в труде, в общественной деятельности всего ярче проявляется социалистическая нравственность. Дискуссии, вызванные пьесой Дворецкого, не ограничивались этим производством. Шел очень заинтересованный разговор о человеческом типе, чьи черты нашли воплощение в Чешкове. О деловом человеке наших дней, его месте в обществе, отношении общества к нему.

Такого рода дискуссии самым материалом пьесы «прикреплялись» к производственным коллизиям, за

которыми стоят новые социальные, нравственные, психологические отношения. Устанавливая эту связь, критика слабости и просчеты героя связывала с его душевной бедностью. Не получила поддержки точка зрения Льва Аннинского, будто появление Чешкова предвещает победу «белых воротничков» — техников-специалистов, заменяющих любовь к делу и преданность делу жесткими требованиями НТР. У этих сверхрациональных «белых воротничков» нашлись прямые противники и в самой драматургии. Анатолий Софронov, создавший ряд выразительных образов руководителя-производственника (например, в «Московском характере»), подвергший острой критике демагогов-приспособленцев вальгановского типа («Карьера Бекетова»), дал в пьесе «Власть» свою интерпретацию современного «технократа». Действующий точь-в-точь чешковскими методами директор завода Маслин полностью теряет доверие рабочих. Против него решительно выступает партком.

Неоднозначно отнеслись к пьесе и те, в чьей среде можно бы искать ее прототипов.

Слово — «людям производства».

Бригадир одного из столичных заводов: причина неприятностей Чешкова в том, что он в одиночку начал борьбу за передовые производственные идеи. «Работая так, как Чешков, довольно скоро можно надорваться, выбиться из сил, а то и получить инфаркт. Я, к сожалению, знаю такие примеры. Словом, к Чешкову хочется предъявить требования, которые он предъявляет к другим. Ему тоже надо еще учиться науке руководства людьми, науке общения с трудовым коллективом».

Главный инженер другого завода: Чешков — серьезный и талантливый инженер, однако, действуя «силовыми методами», он может достигнуть только частного, но отнюдь не долговременного успеха. «Сама система его отношения к людям» не устраивает нас и «с экономической точки зрения» — Чешков «рубит сплеча: объявляет выговор одному из своих инженеров, лишает премии другого, — ориентируясь при этом только на объективные показатели и ничуть не задумываясь все о том же человеческом элементе системы».

Ученый-экономист: без знания науки об управлении социалистическим производством нельзя стать и

быть деловым человеком; Чешков же, «судя по его поступкам, не имеет никакого представления о требованиях этой науки». Он «хватается за отдельные (пусть важнейшие!) меры, не показав коллективу общего стратегического замысла, не подготовив его к осуществлению такого замысла... Люди, которые могли и должны стать соратниками Чешкова, ушли из цеха из-за элементарного невежества героя пьесы в области управления».

Говорить об «элементарном невежестве», — пожалуй, чересчур. Но «стратегия» советского жизнеустройства действительно не очень ясна Чешкову. Остро поставив актуальные экономические проблемы современности, драматург не показал моральных стимулов, движущих советскими людьми. А ведь задача создания материально-технической базы коммунизма и задача воспитания нового человека решаются у нас в их единстве, партия требует органически соединять достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства.

Вести дело *по-социалистически* — вот что значит быть коммунистом-организатором. Идейность и деловитость отличала уже горьковского Нила: «Я знаю, что жизнь — дело серьезное, но неустроенное... И я на все средства души моей удовлетворю мое желание вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так и эдак... тому — помешать, этому — помочь... вот в чем радость жизни!» Цель будущего и практическая борьба за нее — смысл работы фадеевского Левинсона: «Видеть все так, как оно есть, для того, чтобы изменять то, что есть, приближать то, что рождается и должно быть...» От магистральной политической задачи идет к смелым хозяйственным решениям Гай из пьесы Николая Погодина «Мой друг», очень похожий на леоновского Увадьева. Бахирев из этой же плеяды увлеченных делом работников. Но называть его Дон Кихотом или узким рационалистом еще меньше оснований. Кроме всего прочего, он принадлежит к современным людям, стремящимся идеологически обосновать смысл задуманного и осуществляемого. Глубоко продумана программа, так изложенная в романе Николаевой:

«И трудностей и противоречий у нас немало. Не то опасно, что они есть, а то, что мы иной раз боимся их

видеть. А ведь вся сила-то наша как раз в том, что мы можем изучать их и устранять сознательно... Знать противоречия, но самое главное — понимать, изучать, использовать все способы и силы их преодоления! Вот в чем наше величие, вот в чем наше могущество!»

Вот в чем, добавим, источник дальновидности, широты мышления, отличающих наиболее выразительные образы коммунистов-строителей.

Социалистическую систему хозяйства возглавляют, конечно же, не технократы-менеджеры, а идейные коммунисты-организаторы. Они направляют и контролируют деятельность хозяйственного руководства, обеспечивают партийный подход при решении любой встающей проблемы. В литературе и искусстве это такие, например, персонажи, как Рудаев из книг Владимира Попова или Губанов из кинофильма «Твой современник». Управление производством, рабочее рационализаторство, оптимальный проект строительства, научный эксперимент — все это на первый взгляд покрывается термином «рационализм». Но все это осуществляют коммунисты, у которых «жар души» не слабее, чем «хлад ума», которым близко блоковское: «...и вечный бой, покой нам только снится».

Начальник строительства Губанов — знающий, умелый, перспективный инженер («Твой современник»). Он из послевоенной формации советских хозяйственников. *Коммунистов-хозяйственников!* Партийное отношение к своим обязанностям, чувство личной ответственности за все, что происходит на свете, — напоминает о теснейшей — духовной, а не только родственной связи Губанова с его отцом, комиссаром времен гражданской войны, героем другого фильма — «Коммунист». Нет, не погасло пламя идейной одержимости, озаряющее боевой путь первых коммунистов! Потомки сохранили их горячую веру в ленинские идеалы, каждодневно подтверждают ее делом. Эти люди не хотят быть лишь исполнителями, готовы брать на себя всю полноту ответственности за любое начинание; они никогда не поступят против совести, — во всем этом проступает моральный кодекс человека нашего времени, активного строителя коммунизма.

В свое время Губанов согласился с проектом строительства комбината, производящего казан на угле.

Работы развернулись вовсю. Но через некоторое время ученые доказали, что подобный метод устарел, что гораздо выгоднее производство казтана на нефти. Как быть? Не бояться пересмотреть планы. Искать новое решение, словом, поступать смело, инициативно, как и подобает коммунисту. Губанов не из тех, кто старается жить потише, «стоять руки по швам, вопросов не задавать, настраивать свои мозги на волну очередного начальства». Не думая о последствиях лично для себя, он решает приостановить строительство. Весь Губанов — в диалоте, который он ведет с одним из своих начальников.

«— Я считаю,— начал Губанов,— нецелесообразным строить огромный цех, который по новому проекту вообще не нужен. Это зря выброшенные деньги и труд.

— А кто вам дал право решать? — сказал председательствующий. — Вы знаете, как это называется?

В зале стояла мертвая тишина.

— По-моему, деловой целесообразностью,— негромко сказал Губанов».

Целесообразность, польза дела для коммуниста выше всего. Решимость героя фильма «перешагнуть через самого себя», отказаться от устаревшего проекта не может не вызвать уважения; это к нему в первую очередь относятся слова другого персонажа фильма, инженера Ниточкина: «Коммунистом может быть только тот, кому по плечу нечто большее, чем обычному человеку. А если ты можешь только то, что все, то какой же ты, в общем-то, коммунист?»

Вот именно: единственная привилегия коммуниста — браться за самое трудное, быть на самом передовом участке. Жизнь добавляет: не только стремиться к авангардной роли, но и во всем соответствовать ей. Становиться мастером своего дела, вести его четко и умело, никогда не забывать об интересах живых людей. Недаром художники поверяют своих героев на оселке гуманизма и демократизма. Не избежал этого и Губанов. Старшие товарищи критикуют его за то, что, самовольно остановив строительство, он не подумал о тех, чья судьба связана с будущим комбината. На стройку с насиженных мест приехали тысячи людей с семьями, детишками, что делать с ними? Руководи-

тепло недостаточно принять смелое решение, он должен учитывать все обстоятельства, в особенности гуманистические. Учитывать и «арифметику» — и «этику!»

Но тут же можно продолжить тему о правах и обязанностях руководителя,—поменяв местами «слагаемые»: и «этика» — и «арифметика». Как за соображениями «деловой целесообразности» нельзя забывать о людях, так и забота о них не должна быть абстрактной. Одни лишь благие пожелания ничего не дадут тем, кому они адресованы. Да, неизменная забота о каждом человеке. Но — и умение найти реальные возможности для реализации этой заботы и для укрепления всего общества. Этот вопрос — водораздел споров о социализме, идущих в мире. Ревизионисты выдвигают лживый лозунг «гуманизма с человеческим лицом» и, пропагандируя буржуазный индивидуализм, по сути, отбрасывают общественные, государственные интересы. Маоисты стоят за нивелирование личности, растворение ее в безликих «множествах», их цель — установление «казарменного социализма».

А коммунист-ленинец на любом участке, куда направит его партия, будь то скромная бухгалтерская деятельность или полная риска работа разведчика, ощущает свет гуманистических идей.

Мы помним литературу 20-х годов, «людей дела», порой знавших лишь узкослужебные интересы, их антитипов, защищавших «вечные чувства». Жизнь подтвердила: при социализме нравственные ценности недопустимо отделять от материальных, заботы производства — от внимания к человеку. Работникам, организаторам может не всегда даваться необходимое равновесие,—литература и искусство 70-х годов не перестают напоминать о нем, тем самым продолжая и поднимая на новую ступень традиции предыдущих десятилетий. Все настойчивее ставится вопрос: такое равновесие не должно быть механическим. Условие его — понимание нераздельности революционной, строительной практики, деловитости и душевной «открытости», щедрости «человека партии».

В какой-то момент Губанов позволил «арифметике» отодвинуть на задний план «этику», — это воспринимается как его нравственная и деловая ошибка. Ну, а

если упор сделан почти исключительно на морально-этический фактор? О том, что происходит при этом с опять-таки очень яркими, благородными людьми — «людьми дела» по своему жизненному положению, рассказал Афанасий Салынский в пьесе «Мария».

Как понимает смысл жизни героиня пьесы секретарь райкома партии Мария Одинцова? «Строительство коммунизма,—заявляет она,—дело радостное. Руками унылых терпеливцев его не построишь. И жизнь человеческая не согреется огнем даже самых сильных чемпионов, если не будет душевного тепла». Мария — не резонер, она занимается повседневными делами района, вникает во все — от строительства гидроэлектростанции до семейных хлопот строителей и устройства летнего отдыха для детворы. Но за текучкой не упускает основной цели — заботы о радости, которую несет людям коммунизм. Многозначителен спор Марии с любимым человеком, археологом Бокаревым:

Бокарев. ...Какой тебе смысл носиться по району, рвать нервы на заседаниях, драться со всякими демагогами, выслушивать оскорбления? А что в итоге? Скажи, что останется от твоей работы? Протоколы заседаний.

Мария. Дружок, почему бы тебе не бросить свою археологию?

Бокарев. Сравнила! Археология — это наука. Великая наука о прошлом.

Мария. Партийная работа — тоже наука. Великая наука о будущем!

Партийная работа — наука о будущем. О будущем, которое строят современники! Значит, и о том, какими растить их — самое драгоценное достояние социалистического общества. Любой работник у нас должен быть и организатором и воспитателем людей в своей сфере действий. В своей сфере! А для партработника воспитание людей является самой главной сферой его действий. Больше того: его призванием. Справедливо говорят об универсальном характере партийной работы. Ничто не может быть безразличным партработнику. Но искусство его состоит в том, чтобы не утонуть в гуще дел и найти центральное звено, ухватившись за которое можно вытянуть всю цепь. Это вопросы

политического характера, проблемы, затрагивающие коренные интересы живых людей.

Пьеса Салынского наталкивает на мысли широкого звучания о том, во имя чего и как строить коммунизм. Начальника строительства ГЭС Добротина заботят лишь темпы и сроки работ. График, только график! Мешает мраморный массив — взорвать его, и никаких! Добротину пытаются доказать, как дорог массив для горожан — они мечтают начать разработку мрамора, развить перспективный промысел. За частным будто бы спором драматург разглядел две непримиримые позиции. Одна — утилитарная, делаческая, прямолинейно формулируемая Добротиным: «Время нежности еще не пришло». Другая — глубоко современная, гуманистическая; Мария протестует не только против разрушения мраморной скалы, ее возмущает добротинское пренебрежение к людям, при котором «человека с хорошими задатками можно превратить в бездумного, раболепного исполнителя! Сегодня он послушно взорвет мрамор, а завтра будет жить по самой подлой формуле: мы люди темные, нам абы гроши да харчи хороши»... Для Добротина несущественны идейные, нравственные соображения. Мария никогда не забывает о них. С гневом рассказывает на собрании партийного актива об уступчивости церковникам, прикрываемой к тому же разглагольствованиями о национальных традициях: «Истинные патриоты никогда не тянули Россию к национальной ограниченности, шовинизму и мракобесию!» Завоевывает общественное доверие, перетягивает на свою сторону работников, которых, как, например, председателя райисполкома Матюшева, Добротин отучал от самостоятельности и инициативы.

Достоинство пьесы Салынского — сильные, рельефно очерченные характеры. Мария отнюдь не синий чулок, и круг ее интересов очень просторен, и мир чувств богат, множество нитей связывает Марию с друзьями, матерью, возлюбленным. Страстность, непосредственность — ведущая черта Одинцовой. Она долго переубеждала Добротина, проявила редкое терпение. Это внешнее спокойствие. А нервы были как натянутая струна. И когда услышала, что взрыв назначен, решила на отчаянный шаг, бросилась к скале, чтобы любой ценой предотвратить непоправимое.

Цена чуть не оказалась чрезмерно высокой — тяжелое ранение.

Самоотверженный этот поступок сыграл решающую роль в развязке драматургического конфликта. Вернувшись из больницы, Мария радуется тому, что массив уцелел. И узнает: пока уцелел. «...Этот случай с новой дорогой и мрамором заставил меня, — сообщает Добротин, — строже проверить все проектные данные. Я обратился к ученым. Они два месяца работали. И вот их заключение... Оказывается, водохранилище ГЭС в период паводков будет заливать территорию Излучинска и большую часть района».

Нет, Мария не сдаётся. Угроза затопления велика?! Ну, а для чего существуют дамбы? Район возьмется за их сооружение!

В ней, Марии Одинцовой, есть что-то максималистское, с чем несколько лет спустя придут на театральную сцену и киноэкран Лагутины. И, пожалуй, нет совсем ничего «чешковского». Впрочем, так ли хорошо это? Конечно, одни технологически-управленческие меры, без учета этических соображений, — не современный стиль. Но этот стиль немыслим и без экономического обоснования любых начинаний. Мария же не собирается экономически «прорабатывать» свои предложения о строительстве дамб. А как же тогда опровергнуть Добротина, который говорит о невыгодности такого строительства?

Мы уже выработали негативное отношение к черствому противнику Одинцовой. Но неожиданно для себя начинаем прислушиваться к его соображениям. Может быть, действительно стоит разобраться: не окупится ли затопление части района экономическими выгодами, которые даст ему мощная гидроэлектростанция? Разве разработка мрамора — единственная перспектива для жителей Излучинска, где после ввода в строй ГЭС возникнет мощная промышленность? Почему бы не разобраться в этом Марии — человеку чуткому к требованиям времени и по роду деятельности обязанному знать, как у нас решаются крупные хозяйственные вопросы. Разве секретарю райкома никогда не приходилось думать об экономической рентабельности, перспективном планировании, советоваться в спорных случаях с вышестоящими органами? И разве притупился бы конфликт пьесы, если обе дискутиру-

ющие стороны были показаны в процессе обоснования ими во многом противоположных инженерно-экономических вариантов строительства?

Отчего этого не произошло? Вряд ли тут просто упущение драматурга. Видимо, Салынскому дорога прежде всего нравственная бескомпромиссность Марии, и он как бы абстрагируется от того, что в пьесе могло бы заслонить ее. Характер героини дан с художественным заострением. Он жизнен, в сегодняшнюю Марию веришь: ее неуступчивость в борьбе за гуманистические принципы тоже рождена пафосом 60-х годов. Можно предугадать: 70-е принесут углубление этого пафоса, потребуют от героини соединять эмоциональную порывистость с научно обоснованными методами работы, с продуманной тактикой действий.

Предвижу возражение: люди-то разные, не все привыкли мыслить рационалистически, к тому же перед нами женский характер с присущей ему импульсивностью. Но в нашей литературе издавна с этим характером ассоциируется общественная активность, гражданская, нравственная требовательность. Сколько русских женщин за образец для себя избрали тургеневскую Елену Инсарову, Катерину из «Грозы», Веру Павловну из «Что делать?»! Их преемницами стали героини советской литературы. И те, кто только недавно успел пробудиться к сознательной жизни, как Виринея из повести Лидии Сейфуллиной. И те, кто уже распрямился во весь рост, играет очень активную роль в революции, как женщина-комиссар в пьесе Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия» — образ, воплощающий высокое политическое сознание и непоколебимую нравственную стойкость. И те, кому пришлось решать проблему долга и чувства, как Любви Яровой, героине одноименной пьесы Константина Тренева; молодая коммунистка сумела вырвать из сердца любовь к человеку, пошедшему против революции.

Женщины-коммунистки вместе с мужчинами самоотверженно трудились на социалистических стройках; как Даша Чумалова и ее подруги, они взволнованно размышляли и о жизни страны, и о делах производственных, и о новом решении проблем быта, семьи. На фронтах Отечественной войны советские писатели

увидели самоотверженных героинь, внесших большой вклад во всенародную победу. Об их подвигах рассказывали Александр Фадеев и Ванда Василевская, Константин Симонов и Вера Панова, Эммануил Казакевич и Василь Быков, Борис Васильев, другие прозаики, Афанасий Салынский в пьесе «Барабанщица», Маргарита Алигер в поэме «Зоя» и т. д.

Политический рост, духовное обогащение, полноценное участие во всех делах и заботах общества — вот что отличает героинь произведений современной советской литературы. Как правило, это активные труженицы, ведущие вперед свои заводы, колхозы, учреждения, живущие всей полнотой общественной и личной жизни. Говоря о «правофланговых» послевоенных пятилеток, нужно назвать героинь романов Галины Николаевой «Жатва» и «Битва в пути», книг Георгия Маркова, Елизара Мальцева, Олеса Гончара, Шарафа Рашидова, Петра Проскурина, Михаила Алексеева, и не только их.

Разные биографии, судьбы, характеры. Сходная роль в общественной жизни; женщинам уже не надо думать о завоевании равноправия, как героиням 20-х годов, они не менее, а часто и более активны, чем мужчины. Нет у них и той скованности в проявлении чувств, которая отличала Дашу Чумалову и ее товарок. Обращаясь к тому же историческому периоду, Мария Прилежаева в своей повести «Зеленая ветка мая» сумела поэтически изобразить многообразие интеллектуальной и эмоциональной жизни Кати Бектышевой — молодой учительницы начала 20-х годов, обаятельной женщины, страстно любящей живопись и поэзию. Очень сердечны, женственны и героини ряда других современных произведений.

Ударницы новых пятилеток! Это о таких, как Феня Угрюмова, писал Некрасов: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!» Рядовая колхозница прошла через все испытания, выпавшие на долю крестьян русского села Завидово (Михаил Алексеев, «Ивушка неплакучая»). В столкновениях, носящих глубоко социальный характер, многократно проверяются, мужают и закаляются людские души. Война, послевоенные трудности, гибель мужа, затем сына, неудачная любовь, сердечные муки... — нелегкая жизнь у Фени! Алексеев не только любит свою героиню, он раскрывает

драматические перипетии ее жизни, неустроенность женской судьбы. Сравнительно быстро можно восстановить материальный урон, нанесенный войной, справедливо замечает старый большевик Николай Ермайлч. А душевные раны, а тугие узлы в человеческих отношениях? По-разному сложилось у завидовских семей; одни бабы дождались мужей, другим век вековать вдовами. «Примири-ка их попробуй, когда одна поглядывает украдкой на чужое счастье, а другая оберегает его, стережет, как волчица... Вот где, думается мне, главная послевоенная закавышка — в людских судьбах, путаных-перепутанных проклятой этой войной. Вот тут бы не сломиться. А остальное — пустяк...»

Феня не сломилась, сохранила гордую душу свою, сделалась нужной людям. Велики ее творческие возможности; огромен заряд душевных сил — они посвящены родному колхозу. Феня возглавила женскую тракторную бригаду, избрана в руководящие органы Советской власти, пользуется огромным авторитетом среди односельчан. Решительная, готовая резать правду-матку начальству. И в то же время отзывчивая, добрая, женственная.

А теперь — о другой колхознице, узбечке. «Как удивительно в ней сочетались женственность, пылкость и упорство!..» — пишет автор о своей героине. Она гораздо моложе Фени. Но тоже — из главных фигур в артели. По инициативе Айкиз (Шараф Рашидов, «Победители») начинаются большие ирригационные работы, девушку выдвинули заместителем начальника строительства плотины и водохранилища. Радуюсь стремительному росту своей героини, автор задумывается о ее неопытности, неподготовленности к сложным задачам. «Охваченная нетерпением», излишне самоуверенная, Айкиз отступила от обязательных технических требований и отдала приказ ускорить сооружение плотины. И досталось же ей от начальника строительства Ивана Никитича Смирнова! Такие уроки деловитости могли бы пригодиться и Марии Одинцовой. Их преподает не только опытный инженер Смирнов. Колхозные коммунисты, подхватив идею орошения артельных земель, высказались за осмотрительное изучение вопроса в целом. В этом духе и рассматривался он на заседании партбюро. В райкоме также тщательно взвесили

все ресурсы колхоза, посоветовали опереться на помощь соседей. Это — уже норма партийной работы: не торопиться, изучать проблему, подпирать инициативу расчетом. Секретарь райкома Джурабаев призывает учиться у Ленина «реально мыслить и широко, смело мечтать». Этому научилась и Айкиз.

«Реально мыслить и широко, смело мечтать»! То и другое равно необходимо строителям коммунизма, заглядывающим в завтра и обязанным приближать его своим сегодняшним трудом. Недаром одного из прославленных председателей колхозов в Приамурье за страстность, слитую с рационалистичностью в работе, прозвали «поэтом хозрасчета». Когда хотят познакомить с другим знатным человеком — директором леспромхоза в Забайкалье, полушутя сообщают: этот широко мыслящий человек никогда не расстается с «волшебной линейкой» — логарифмической. Или такое ставшее крылатым выражение — «энтузиаст системы»; эти слова прочно пристали к инициатору «орловской непрерывки» — организации массового поточного строительства в городе.

И тут мы снова вспоминаем о типе «максималиста», видимо, не случайно заинтересовавшего многих современных писателей. Да, в ряде случаев он действует безоглядно, не умеет опираться на коллектив, как Бокаревский Лагутин, не вполне ясен в своем бескорыстии, как Липатовский Прончатов. Но вот две фигуры, несущие в себе приметы многозначительных перемен — кузнец Сергей Алтуниш из романа Михаила Колесникова «Изотопы для Алтунина» и бригадир строителей Потапов из кинофильма «Премия» (сценарий Александра Гельмана).

В романе Колесникова изображена непросто сложившаяся на заводе обстановка. Все тут думали и спорили об одном: как бы поскорее автоматизировать свободную ковку. А когда приступили к освоению быстрого кузнечного пресса, все рухнуло: самоуверенному бригадиру Скатерщикову задание оказалось не под силу, бригаду он развалил, кран сломал. Работу предстоит начинать сначала. Не только с технологических расчетов. Ими и прежде интенсивно занимался кузнец Сергей Алтунин, человек несравненно более деловой, чем Скатерщиков. Теперь Алтунину — принимать бригаду, а она «в разброде! И психологическая

обстановка там хуже некуда»... Бригадир-коммунист считает необходимым начинать с создания «психологической обстановки», обеспечивающей и крепкую дисциплину, и умный, творческий труд каждого рабочего. Для этого ему нужно сформировать «из отдельных личностей коллектив... Нужно понять каждого»... По мнению Алтунина, «деловой человек без энтузиазма и повышенной сознательности это ж... просто холодный ремесленник. Это человек с рыбьими глазами: ему все равно, в каком пруду плавать, лишь бы корм был». Формирование же трудового коллектива, считает Алтунин,— «идет по двум принципиально важным направлениям — профессиональному и нравственному. Второму из этих двух принципов не всегда придается такое значение, которого он заслуживает. А этот-то принцип и есть наиболее важный».

Важный, часто решающий принцип, подтверждает очень интересный фильм «Премия».

Завязка действия интригует. Бригада Потапова оказалась от премии за перевыполнение плана. Потапов никому не хочет объяснять причину: «Секрет... Будет партком — узнаете». Фактически все действие фильма — сцена заседания парткома, где разбирается этот вопрос. Здесь очень выразительно проявляются и характеры и позиции действующих лиц.

В первую очередь самого Потапова. «Секрет» его вот в чем: бригада решила, что премия не положена ни ей, ни всему коллективу треста. И простоев много, и неорганизованность повсюду, и сам план — дутый, — главк, по настоянию треста, незаконно уменьшил его в начале года. Словом, «премия эта — липовая»; к тому же из-за простоев рабочие теряют куда больше.

На парткоме разгорелись страсти. Реакция собравшихся бурная. Одни готовы обвинить Потапова чуть ли не во враждебном умысле, другие ищут к нему дипломатический подход, как управляющий трестом Батарцев, третьи прислушиваются к доводам бригадира. Соломахин, которого Батарцев старался превратить в «карманного секретаря», полностью принял сторону рабочих.

Показательна уже острота конфликта, воспроизводящего принципиальность партийной организации. Показательны и мотивы, которыми руководствовалась бригада Потапова. Именно бригада, не он один! Рабо-

чие сплотились вокруг своего бригадира, как выразителя общей воли.

Участники заседания постепенно начинают понимать, что за поступком Потапова и его товарищей — хозяйское, государственное отношение к общему делу (хотя, пока тянулось рассмотрение вопроса, семь членов бригады все же дрогнули, пошли в бухгалтерию за премией). Вот что говорят на парткоме. Экономист треста Миленина: «Мы-то в отделе привыкли думать всегда наоборот: как доказать, что мы лучше других... А у рабочих, оказывается, обзор гораздо просторнее, и они гораздо объективнее, гораздо спокойнее смотрят, строже смотрят на свою стройку...» Секретарь парткома Соломахин: «Мы умеем и любим подниматься на трибуну и говорить красивые слова о рабочем классе!.. А когда он сюда пришел, этот хозяин, к нам, когда он нам выложил все, что у него наболело, мы его не узнали!.. А вы знаете... почему эти семь человек получили сейчас премию? Потому что они не верят! Не верят, что Потапов чего-нибудь добьется, что можно что-нибудь изменить на этой стройке! Так неужели мы сейчас подтвердим это? Во имя чего мы так поступим? Во имя чего мы погубим в людях самое важное — веру в то, что ты не пешка в жизни, что ты можешь что-то изменить, переиначить, сделать лучше? Мы члены Коммунистической партии Советского Союза, а не члены партии треста номер сто один. Такой партии нет! Мы работаем в этом тресте. Но работаем для страны...»

Не эмоциями убедил Потапов в своей правоте. В разгар споров он достал тетрадки, в которых сделаны расчеты, доказывающие реальность первоначального плана, а следовательно, незаконность получения премий за урезанный. Противники бригадира надеялись на одно — дополнительным анализом опровергнуть приводимые им данные; лучше всех пересчет делает опытный экономист треста Миленина. И вдруг она появляется на парткоме, поддерживает Потапова и подтверждает: основные расчеты делали сами рабочие, а помогала им она. Дала необходимые цифры, проверила итоги — «они безукоризненны». Остается принять предложение коммуниста Потапова: весь трест должен отказаться от премии («...Этот позор переживем... тогда дела пойдут по-другому»), отменить заниженный план.

Таков сегодняшний ответ на споры о «максимализме», «идеалистах»: и этика — и арифметика.

Кстати, как показывает жизнь, людям типа Батарцева чуждо и то и другое. Впрочем, над характером чрезмерно властного и антидемократического работника, привыкшего брать «нажимом» и командой, наша литература задумалась не впервые. Вновь сделаем экскурс в ее историю, на этот раз недавнюю.

ВИНА ИЛИ БЕДА
ДИРЕКТОРА?

Вскоре после войны увидели свет новые произведения, где снова, как центральная в нашей литературе, стала художественно разрабатываться тема мирного созидательного труда. Главными их героями «традиционно» изображались деятельные организаторы производства, руководители строек — они продолжают работу, которую успешно вели в военную пору.

Теперь ее предстоит вести в новых условиях. Что это будет означать для литературных персонажей такого типа? И как отнесется к ним современный читатель? Размышляя о линиях «пересечения» жизни и литературы, надо иметь в виду, что эволюция реального характера — это эволюция литературного персонажа и эволюция писательской позиции. Из этого ряда нельзя исключать и читательское восприятие: литературные вкусы чутко отражают ход общественного развития.

Эволюция в 50-х годах литературного героя и нашего к нему отношения стала очевидной не сразу. Не всегда тип, увиденный в жизни, был вполне осмыслен писателями, до конца понят читателями — ему еще предстояло развернуться полностью в последующие годы. Но

интерес к нему все больше усиливался, как признак зреющих в обществе перемен; литература содействует им.

Вспомним, как был воспринят вышедший вскоре после войны роман Василия Ажаева «Далеко от Москвы». Книгу читали запоем, ее героев принимали безоговорочно.

Писатель изобразил людей энергичных, чуждых рефлексирования. В годы войны, в суровом северном крае они строят нефтепровод. Работать любят. Дело ведут умело. Права свои применяют уверенно. Главный рычаг, которым пользуются начальник строительства Батманов и его товарищи,—мобилизация всех сил и средств на выполнение плана. Батманов не ищет особых экономических обоснований, не размышляет о сложности взаимоотношений с людьми. И что характерно: в ту пору спросить об этих обоснованиях не пришло бы в голову ни тем, кто изображен рядом с начальником строительства, ни тем, кто читал о нем.

Примерно такими выглядели тогда и герои ряда других книг. О противоречивости их жизненной практики и внутреннего мира почти никто не писал.

Может быть, «никто» — сказано чересчур расширительно. Некоторые писатели начинали задумываться: действительно ли все так просто дается этим самым «волевым натурам», правильны ли однозначные оценки их.

Листопад (роман Веры Пановой «Кружилиха») — как бы двойник Батманова. Фигура яркая, положительная. Но вокруг него уже ощущается какое-то неблагополучие. Блестящий генерал, преуспевающий директор завода не приглядывается к людям, не заботится о них,—как расценить все это? Вопрос возникает, ответ же на него не очень-то определен. Листопад увлечен делом, живет работой; организатор великолепный, личность колоритнейшая — это как бы «списывает» все недостатки. Вот и в парткоме его поддерживают безоговорочно. И Нонна, умница, обаятельная женщина, талантливый инженер, всей душой тянется к Листопаду. И секретарь горкома Макаров склонен полностью амнистировать директора. Иначе относится к Листопаду предзавкома Уздечкин. Однако какой он в романе жалкий, никчемный с его бесконечными

мелкими жалобами! В сравнении с ним Листопад только выигрывает.

Крепки «задним умом» критики, которые сегодня оценивают «Кружилиху» как недостаточно острое произведение. Для своего времени она была шагом вперед, заставляя внимательнее размышлять о людях, подобных Листопаду. Тогдашние читатели еще не вполне поняли этот «сигнал», а критика не смогла объяснить и «договорить» то, что заметил автор. Однако общественная, эстетическая потребность сделать это была уже не за горами.

Итак, характер крупный, волевой. Его достоинства несомненны, подтверждены временем. А откуда взялись настораживающие «листопадовские» черты?

Сильный характер — это очень перспективный характер, если его носитель помнит о своей ответственности перед обществом, о гуманизме и демократичности. Но ведь случалось и так, что настойчивость и воля оборачивались упрямством, непомерной властью. Иным талантливым работникам нужно было думать не только о сочетании нравственных и деловых импульсов, им предстояло пройти непростую проверку своей демократичности. Народ дал им большие права. В годы войны и в послевоенное время происходила централизация этих прав в руках военных, хозяйственных, партийных деятелей разных степеней. Каждый мог развернуться на полную мощь, залогом тому — поддержка масс, могущество нашего общественного строя. Мог — с большой пользой для народа, если помнил, сколь велики не только его права, но и ответственность перед народом. Кто помнил, а кто и нет. История развивалась путями не простыми, при культе личности не все смогли сохранить обязательную для коммуниста близость к людям.

Тип энергичного деятеля, волевого руководителя по-прежнему оставался в центре художественного исследования.

Оставаться-то оставался, однако в изображении его начинали происходить примечательные изменения. Общественность отвергла «теории», авторы которых иронизировали по поводу положительного героя. Но все с большим холодком встречались написанные по старым рецептам песнопения «герою», умудряющемуся независимо от социальных обстоятельств молниеносно

осуществлять свои новаторские предложения (отрицательные же персонажи в таких произведениях действуют как заядлые консерваторы не в силу каких-то объективных причин, а просто вследствие априорно заданной им «отрицательности»). Решил руководитель перестроить металлургический процесс — и делает это по своему личному усмотрению: «Ну и черт с нею, с этой вашей экономической стороной!» (Ольга Зив, «Горячий час»). Надумал министр перевыполнить задание, — тут же произвольно, не заботясь о расчетах, «подкидывает» заводу дополнительный план на десять тысяч тонн (А. Былинов, «Металлисты»).

Конфликты? На первый взгляд, в них не было недостатка. На проверку выяснялось: сплошь и рядом это лишь имитация конфликтов. Вот сюжет популярного в 50-е годы произведения. В колхозе бушует спор. Председатель предлагает завершить весенний сев за двадцать дней. Бригадир отстаивает другой срок — вдвое короче. На что опирается он, выдвигая свое предложение? Да ни на что, просто «от природы» это новатор. Для «оживления» ситуации производственные столкновения дополняются личными, от рутинера уходит жена. Накал борьбы нарастает, близится развязка. Наконец появляется секретарь райкома. Ему в подобных сочинениях отводилась роль некоего деус экс махина — «бога из машины» античной драматургии. В соответствии с этим он, не вдумываясь в доводы и резоны экономического порядка, молниеносно, чисто внешним путем разрубает все сюжетные хитросплетения. Двадцать дней — многовато, десять — не реально, считает он; надо завершить сев за пятнадцать дней. Споры закончены, статус кво восстановлен.

По инерции подобные произведения одно за другим появлялись в литературе, на театральной сцене и киноэкране. Однако доверие читателей и зрителей они утрачивали с каждым днем; кто не знал, что в жизни все куда значительнее и сложнее. Люди разные, есть и такие, как Батманов, — они вовсе не анахронизм, хотя не всем свойственна их неизменная самоуверенность. Да и листопадам уже не удастся избежать открытого спора с уздечкиными, спора, убеждающего, что у них действительно не все так ладно, как можно подумывать. Советская литература все решительнее ориентировалась на традиции, развитые писателями, которые

правдиво показывали совершенствование партийного стиля работы в непримиримой борьбе с теми, кто нарушает его.

Одновременно с Батмановым со страниц литературных произведений шагнули в живую жизнь люди примерно такого же общественного положения, получившие иную авторскую оценку.

В послевоенные годы «Правда» начала публиковать известные очерки Валентина Овечкина. В них характеризовалось положение в тогдашней деревне, поднимались назревшие вопросы колхозного производства. Не умозрительно, а в самой тесной связи с этими проблемами обсуждал писатель и стиль руководства хозяйством. Под огнем его критики оказались администраторы, привыкшие действовать волюнтаристски, командуя колхозниками, не прислушиваясь к голосу масс. Овечкин нашел не только «объект» для критики. Он нашел своеобразную композицию своих произведений. Это сопоставление (вернее, противопоставление) двух стилей жизни и работы, развертывающийся на наших глазах диалог — высказываниями и действиями — между представителями двух точек зрения на партийные обязанности. Закостенелому, оставшемуся где-то во вчерашнем дне администратору Борзову противопоставлен творческий, инициативный Мартынов.

На такое противопоставление наталкивала сама жизнь, в ней никогда не прекращалась борьба настоящих коммунистов, людей ищущих, демократичных, с оторвавшимися от народа чиновниками. О ней выразительно рассказал Петр Павленко в романе «Счастье».

Поскольку в книге выведен образ Сталина, часть критики зачислила ее по ведомству «культовых» произведений. Досадное недоразумение! Бездумного возвеличения этой фигуры в романе нет, он правдиво передает тогдашнее восприятие Сталина современниками. Главное же здесь — поэзия целеустремленной, подлинно демократической партийной работы. После демобилизации сорокалетний политработник Алексей Вениаминович Воропаев приехал в Крым. Ему нужны отдых, покой, лечение. Уйти на покой? Это невозможно для деятельного Воропаева. Он берется работать пропагандистом райкома, становится своим для десятков и сотен людей.

Правдивое партийное слово! Это — тоже дело. Великое дело. Огромная сила. Образы большевистских агитаторов заняли почетное место на страницах литературных произведений. Поньше с волнением перечитываешь фурмановский «Мятеж». Небольшая группа большевиков сумела переубедить тысячные толпы мятежников. Потому, что смело шла на прямой разговор с ослепленными людьми, не боясь лично за себя. Потому, что верила в свою правду и умела донести ее до масс. Книга Фурманова — своего рода учебное пособие по мастерству агитационной работы. Оказавшись в меньшинстве, почти безоружные, коммунисты Верного от своих принципов не отступили, а тактику избрали, учитывающую соотношение сил: лавировать, «не выпускать вожжей», в конечном счете повернуть массу на нужную дорогу. Для этого знать, «чем живет толпа», «внедряться» в нее, продумать, «как сказать этой толпе слова свои и мысли». Говорить твердо, не сдаваясь в главном. Строить речь тактически гибко. Непрестанно следить за реакцией массы, учитывать, чье мнение стоит за отдельными выкриками, улавливать перемены в настроении. А когда «учтешь, поймешь — будь в действии гибок, как пантера, чуток, как мышь». Митинг принес победу коммунистам. Но, отправляясь на него, уполномоченный реввоенсовета не исключал и трагического исхода. На этот случай тоже выработал свою линию: не умирай с мольбами — «по-собачьи»; «погибая под кулаками и прикладами, помирай агитационно! Так умри, чтобы и от смерти твоей была польза».

Так и погибли Штокман, Котляров, оставив незабываемый след в памяти людской. И в мирных условиях партийный пропагандист умеет довести до масс «слова свои и мысли», увлечь вдохновляющей идеей, как умели Давыдов, Найденов. Похожий на них Воропаев — прирожденный пропагандист, «работник чистого вдохновения». Он равно силен и в массовой работе, и в индивидуальном подходе к людям. Зажигательной речью поднимал колхозников на «штурм» — на прополку виноградника. Душевностью завоевал доверие молодой четы Поднебеско, и не их одних; к нему идут за помощью, советом, его перекрестили в «Витаминыча».

Когда-то, размышляя о приступах к социалистическому строительству, Павленко склонен был согласить-

ся с формулой: «Люди проходят, события остаются». Роман «Счастье» — опровержение этой формулы. «Человек не для себя», как называли коммуниста в одном из произведений 20-х годов, лично обездолен. «Человек для всех», как называют «Витаминыча»-Воропаева, став близким людям, вновь почувствовал себя молодым и здоровым, способным к разбегу «перед высоким прыжком». «Не сознанием, а плечом, телом своим, дыханием своим чувствую, что я — народ, в народе, с народом, что я — его голос!»

Немногие авторы художественных произведений тех лет с такой же остротой, как Павленко, изображали противников демократического, «воропаевского» стиля работы. Павленко дал крупным планом рьяного приверженца бюрократических методов. Это секретарь райкома Корытов. Говорливый администратор, «работник-единоличник», Корытов за все хватается сам лично, никому не доверяя, ничего не успевая, раздражаясь поминутно, без толку нервируя окружающих. «Смотри, пожалуйста, какой любитель народа... — возмущается он Воропаевым. — Меня, брат, твой отдельный человек не интересует... Меня интересуют люди. Я люблю обобщать». Неизбежна схватка между Воропаевым и Корытовым.

Непримиримость к бюрократизму и произволу объединяет коммунистов — героев литературных произведений, созданных в самые разные периоды нашей истории (Федор Панферов, «Бруски»; Вера Кетлинская, «Мужество», и др.).

По вполне понятным причинам литература в предвоенные и первые послевоенные годы не могла раскрыть корни ряда отрицательных явлений. В последнее время, в благотворной обстановке, созданной партией, все более широко и полно стали проявляться гуманистические начала, лежащие в основе нашего общественного развития.

Оружием слова советские писатели активно участвовали в общепартийной работе по развитию ленинских норм. О переменах в общественной жизни возвестил наш кинематограф («Чистое небо»), их декларировала поэзия, отвергавшая представления о «человеке-винтике» (Ярослав Смеляков), провозгласившая величие Человека — хозяина истории, покорителя Космоса, Коммуниста (Эдуардас Межелайтис). Оживленные

споры возникли вокруг повести Павла Нилина «Жестокость». Венька Малышев не мог примириться с нарушениями революционной законности, и его самоубийство воспринималось как художественное свидетельство нравственной чистоты наших предшественников. Такой же убежденный коммунист — Марко Бесмертный в романе Михайлы Стельмаха «Правда и кривда». Чему надó учить молодое поколение? — спрашивает Марко. И отвечает, что не только арифметике. «...Главное — научите их любви. С ненавистью, злобой мы, старшие, как-нибудь покончим. А детские сердечки пусть полнятся любовью, как деревца весенним соком. Учите их быть людьми, учите добру».

Литература еще и еще раз подтверждала нашу верность гуманистическому пафосу революции, социалистического переустройства жизни. Ничто не могло изменить сущности советского жизнеустройства, деятельности и убеждений истинных коммунистов. В полемике с теми, кто, отвлекая от позитивной работы партии, принижал или, наоборот, возвеличивал прошлое, советские писатели стремились правдиво рассказать о победоносности ленинских норм жизни. Расстановку сил, обозначившуюся во «Фронте», «Счастье», очерках Овечкина, мы находим в упомянутой «Жестокости» Павла Нилина (Венька Малышев — Узелков), в «Иду на грозу» Даниила Гранина (Крылов — Тулин), «Тутom узле» Владимира Тендрякова (Гмызин — Мансуров), романах «Войди в каждый дом» Елизара Мальцева (Дымшаков — Лузгин), «Липяги» Сергея Крутилина (Лузянин — Парамонов), «Память земли» Владимира Фоменко (Голиков — Орлов), «Горькие травы» Петра Проскурина (Дербачев — Борисова), «Кабахи» Ладо Мрелашвили (Теймураз — Лаурсаб) и в других. Столкновения с догматиками и волонтеристами воспроизвели и авторы произведений, посвященных нашему прошлому: Сергей Залыгин в «Соленой Пади» (Мещеряков — Брусенков), Иван Мележ в дилогии «Люди на болоте» и «Дыхание грозы» (Апейка — Башлыков), Константин Симонов в его военной трилогии (Серпилин — Львов), Юрий Бондарев в «Горячем снеге» (Кузнецов — Дроздовский).

Как приговор волонтеристам прозвучал в конце 50-х годов упоминавшийся выше роман Галины Николаевой «Битва в пути» — о борьбе, в которую вступают

коммунисты, перестраивая по-современному производственные, общественные отношения.

Такой перестройки ждал большой тракторостроительный завод, изображенный в романе. Штурмы и авралы дальше нетерпимы, они дезорганизуют индустриальное производство, нравственно разлагают коллектив. Между тем именно с их помощью прославился директор Вальган. Его поддерживает секретарь обкома Бликин — угрюмый догматик, считавший себя «преданным исполнителем высшей воли партии, олицетворенной для него в воле одного человека».

Энергичный, волевой директор умеет заставить работать всех с предельной отдачей, «выжать» план в любых обстоятельствах. Он знает, как «подать» себя перед начальством, не гнушается демагогии, чтобы завоевать популярность у подчиненных. До какого-то времени Вальган оставался в ореоле удачливости и незаменимости. Даже когда начались его столкновения с Бахиревым, парторг Чубасов не сразу понял глубину расхождений директора и главного инженера. Кончилось же тем, что Чубасов, Бахирев, Гринин, Курганов, другие распознали в Вальгане самовлюбленного карьериста, не знающего нужд современного производства и не способного руководить коллективом. Еще недавно Вальгану было не слишком трудно заставить любого рабочего уйти с завода «по собственному желанию». События в стране убедили рабочих: Вальган — не «хозяин над народом... Он есть доверенное лицо народа! Потерял доверие — и нет Вальгана!».

Характерен угол зрения, избранный писательницей. Ей было важно показать, что нежелание директора считаться с людьми объясняется, в частности, неумением и нежеланием понять современные экономические требования. Пока удавалось добиваться результатов простым нажимом, Вальган был на высоте. Когда надо налаживать ритмичную работу производства, волюнтаристские методы терпят крах. Грозные распоряжения не прекратят выпуск бракованных тракторов. А сама мысль хоть на день остановить конвейер кажется Вальгану чудовищной: он привык любой ценой «гнать» план и безапелляционно отвергает бахиревские проекты.

Критик Юрий Кузьменко, резонно заметивший, что литература послевоенных лет не всегда показывала

объективные обстоятельства, формирующие людские характеры, задумался о точности авторских оценок в романе Николаевой: «...Беда директора (определенные методы хозяйствования) по воле писательницы становится его виной». Пожалуй, нужно бы добавить: и «по воле» жизненного развития, общественного восприятия этих самых «определенных методов». Их вред становился все заметнее и — независимо от глубины исследования первопричин — литература переставляла художественные акценты.

Вина и беда директора... Раздвинем понятие «директор»; в данном случае это организатор, руководитель во всех областях нашей жизни — промышленности, колхозном производстве, общественных организациях. Так вот, если говорить о коммунисте, обязанном строго руководствоваться партийными принципами, «вину» и «беду» порой механически не разделишь. К тому же «понять» — не всегда означает «оправдать». Овечкинский Мартынов не собирался мириться с методами Борзова даже после того, как его предшественник объяснил их происхождение: «Эх, Петр Илларионович, — махнул рукой Борзов... — на меня стучали кулаками, и я стучал; на меня давили, и я давил. А насчет планов мы все тогда так были воспитаны: выполный и не рассуждай, что из этого получится!»

Кого-кого, а Овечкина не упрекнешь в субъективизме. В районных руководителях тех лет, заметил он, нередко «переплетались» достоинства и недостатки: талантливый организатор — и в то же самое время самодур и грубиян. Но на этом основании Овечкин не снимал вины с отдельных работников, призывал бороться за ленинские методы руководства, не дожидаясь, пока они восторжествуют сами собой.

Правильная позиция! Волонтарист пытается действовать вопреки объективным законам, в угоду своим субъективистским, предвзятым представлениям; подлинные же коммунисты опираются и на объективные и на субъективные факторы. Они способны идти во главе общественного развития именно потому, что понимают объективный ход жизни; зная же, чего требует время, находят пути воздействия на ход вещей. Главный из этих путей — продуманная и целеустремленная работа людей, организаторов, специалистов, энтузиастов.

Научный подход к делу устанавливался в то самое время, о котором так взволнованно рассказывал наш знакомец — старый партработник, кого мы окрестили «дедом». Он и его товарищи были сильны именно энтузиазмом. Но уже поняли значение науки, считали нужным размах соединять с умением, расчетом. Таково было требование самой эпохи. Она вырастила самоотверженных работников, сумевших привить массам вкус к умной, четкой, по-научному организованной работе. О том, как это происходило, рассказано с документальной достоверностью в биографических книгах наших знаменитых современников. Одна из них — «Я верю в мечту» — принадлежит перу прославленного гидростроителя И. В. Комзина.

С волнением читаешь о том, как закладывался в безлюдной степи Магнитогорск, — первые рекорды ставили землекопы. Увлекают страницы о сооружении могучей Куйбышевской гидростанции — здесь уже действовали современнейшие механизмы. Условия производства требуют перемен в методах руководства, — это очевидно. Но очень знаменательно, что, как утверждает И. В. Комзин, такого рода перемены связаны с умением воздействовать на людей. Особенно в наши дни. Говоря об этом, Комзин называет и такие условия современного руководства, как общественное мнение, гражданская активность, учет всего многообразия мнений и интересов тружеников. Дадим слово ему самому.

«Да, без науки, без учета общественного мнения сейчас не обойтись. Изменилась страна, усложнились задачи, которые решает общество, повысилась гражданская активность людей. Как же может не учитывать этого сегодняшний руководитель стройки?

Думаю, что сегодня уже нельзя руководить стройкой так, как это тридцать и двадцать лет назад привыкли делать я и мои сверстники: созывать диспетчерские совещания, по три-четыре часа обсуждать бесчисленные вопросы, метаться на машине из конца в конец строительства, давать «накачку», решать с ходу, рубить сплеча. Долгие годы я находился на различных руководящих постах. Привык распоряжаться десятками тысяч людей, ворочать тысячами механизмов. Это выработало и властность в характере, и непререкаемость в суждениях. Они сослужили мне хорошую службу, не раз помогали в беде, но иногда и

мешали, были причиной ошибок. Сегодня другие требования к руководителю. Сегодня более, чем когда-либо раньше, необходимы всестороннее, трезвое изучение дела, научный подход, способность учесть многообразие мнений и многогранность интересов».

Не правда ли, в этих двух абзацах ощущается творческий подход мыслящего коммуниста к своим обязанностям и возможностям? Видно, что всегда приносило ему успех и что требует «корректировки» в новых условиях. А такая «корректировка» нужна каждому, кто не хочет отстать от жизни.

Тем большая ответственность на литературе. Воспитывая читателей «от противного», она показала тех, кто вышел в тираж, как Борзов, Кобытов, Вальган. Не могла обойти вниманием и людей, тоже стоявших на опасной грани. Сформированные в предыдущие годы, они обладают соответствующими достоинствами и недостатками.

Тут писатели должны проявлять большое чувство художественной меры. Не на весах измерять, чего больше: «вины» или «беды», а глубоко осмыслить логику развития конкретного характера. Это не всегда получается.

Не раз обращался к фигуре бюрократившегося работника Владимир Тендряков. Его повесть «Ухабы» — о том, как такой работник отказался помочь роженице, получила многочисленные одобрительные отклики. Разноречиво был встречен роман «Тугой узел». В конце романа — полное падение его героя, секретаря райкома партии Павла Мансурова. Он встал на путь карьеризма, занялся недопустимым прожектерством, взял на район непомерное обязательство, учинил расправу над теми, кто призывал быть реалистичнее. Дошло до самоубийства одного из колхозников, снятия Мансурова с поста.

Сюжет достаточно острый. А характер героя малоубедителен. По аттестации автора Мансуров — человек, испытывающий избыток сил, он долго страдал от того, что не находил им применения, искренне увлечен своими планами. «Павел веровал, что только беспокойные люди двигают жизнью».

Крах такого Мансурова заставляет думать о роковой ошибке, о человеческой трагедии. Но по ходу дела начинает складываться совсем другое о нем впечатле-

ние: не столько умен, энергичен, обаятелен, сколько мелок и подл. Павел выглядит едва ли не расчетливым убийцей, обрекающим на гибель колхозника Мургина. Психологические переходы в романе не выписаны. Вначале — «беспокойный человек». Потом — демоническая фигура властолюбца. Затем Мансуров начинает вилять, хитрить, подличать, приспособливаться. Отступает при первом же отпоре, строит планы, как бы свести счеты с секретарем обкома Кургановым. Мансуров почувствовал бы «великую радость, если б мог, падая, схватить за полу Курганова. Сейчас он, Мансуров, убит, месье вдохнула бы жизнь, вызвала бы уважение к себе...»

В жизни мог быть и такой, мелкомстительный человек. Но это другой тип, чем тот, какой заявлен в романе. Схематичность построения образа отомстила автору, резко ослабив художественную убедительность произведения. Сам же по себе конфликт романа — вполне жизненный, Тендряков еще не раз будет прослеживать различные его варианты. Достигнет наибольших удач в тех произведениях, где сумеет выявить жизненность изображаемых характеров («Подёнка, век короткий»). Оставит читателя в некотором недоумении, увлекаясь чересчур «размашистыми» символами: председатель колхоза — чуть ли не воплощение вселенского зла, разжигаемого затаившимся кулаком («Кончина»).

Книги Тендрякова, как правило, дискуссионны. Не потому, что он небрежен в работе, а потому, что затрагивает непростые проблемы и предлагает неожиданные порой решения. Просчеты же иных писателей объясняются не только сложностью материала, но и неточным осмыслением его. Что, к примеру, стоит за требованием не мириться с недостатками? Не просто решимость назвать их, перечислить, а готовность и умение исправить положение дел. Как показано в статье, опубликованной в «Правде», эта истина осталась непонятой героями пьесы Георгия Мдивани «Друг мой Венедиктов». Руководящие партийные работники занялись здесь обличением истинных и мнимых ошибок в своем районе и области, поношением друг друга, биением в грудь самих себя. Малоправдоподобна для сегодняшнего дня избранная автором ситуация: девять лет строится крупный станкостроительный завод, морально устаревший еще до того, как был заложен; про-

тивопоставляются друг другу совхозы и колхозы, вторые — чуть ли не как форпост собственничества. Схематичны характеры: все руководители возвращаются в своих «сферах», оторваны от актива, не компетентны в хозяйственных делах, безграмотны (а сейчас не найти обкома партии, который возглавлялся бы коммунистами без высшего образования!). Конфликты сводятся к шумным перебранкам, попыткам перебросить вину с себя на кого-нибудь другого. Первый секретарь обкома Скворцов в конце концов покался в ошибках, однако вместо их исправления продолжает «громить» всех и вся вокруг. «Человек со стороны», новый секретарь райкома Венедиктов без долгих раздумий пускается в тотальное разоблачительство; а что и как надо делать по существу, это он представляет крайне смутно. Сложности реальной жизни обойдены в пьесе.

А сложных судеб она, жизнь, явила немало. Литература наша внимательна к ним. В числе ее персонажей и те, кто безнадежно остался в прошлом, и те, кто несет на себе его печать, но хочет и может «перестроиться». От полемически заостренных, излишне прямолинейных порой характеристик многие писатели идут к углубленному — исторически и психологически — художественному исследованию отнюдь не однозначных образов.

Николай Шундик в романе «В стране синееокой» не захотел окарикатуривать Буянова, хотя тот дошел до пределов полнейшего субъективизма. Первый секретарь обкома Илларион Степанович Буянов взял непосильное обязательство выполнить тройной план развития сельского хозяйства, стал выполнять его путем приписок, жульничества, скупал скот в соседних областях. Расплата — потеря доверия, всех постов, смертельный сердечный приступ. История эта напоминает известные жизненные эпизоды. Однако автора больше всего интересовали ее психологические предпосылки. Буянов — не прожженный авантюрист, он искренне хотел быть «маяком» для всей страны, а, встав на порочный путь, пришел к политическому и нравственному падению. Ошибка тяжкая. Но, уверяет автор, не зачеркивающая сделанного Буяновым ранее; недаром колхозники вспоминают о нем, как о «родимом» человеке; не склонен чернить своего предшественника и часто споривший с ним нынешний секретарь обкома Соколов.

Не преступник, а горько заблудившийся человек — таким иной раз предстает Буянов на страницах произведения.

Нельзя безоговорочно согласиться с такой позицией. Субъективные достоинства достоинствами, но что это за коммунист-руководитель, которому не писаны ни государственные, ни нравственные нормы и законы?! Само стремление Шундика художественно исследовать определенные условиями времени противоречия сильного и сложного характера понятно. Но как ни оценивать прежние заслуги Буянова, конец его горек и бесславен.

И еще одно: такой конец неизбежен для такого человека, в других обстоятельствах у других людей все складывается по-другому, даже если их путь также не всегда был безошибочным. Дальнейшее зависит от способности трезво оценить свой вчерашний и нынешний день, по-партийному исправлять ошибки, приобретать недостающие качества. Некоторые уже не могут рассчитывать на это, например, бывший директор завода, ныне пенсионер Толкунов, которого одно мучает: ему не оказывают былых почестей (Евгений Носов, «Не имей десять рублей»). Но среди персонажей нашей литературы — работники, неплохо заявившие о себе в предыдущие годы, однако сохранившие и иные привычки, которые сейчас уже нетерпимы.

Таков первый секретарь райкома партии Подрезов из трилогии Федора Абрамова «Пряслины» («Братья и сестры», «Две зимы и три лета», «Пути-перепутья»).

Жизненное развитие последних лет побудило автора уточнить расстановку своих персонажей. В первых двух романах партийные работники села были на заднем плане. В «Пути-перепутьях» они в центре общественной жизни. Подробно повествуется о судьбе Подрезова как руководителя, о сложности его психологического развития в новых условиях.

Показать эту сложность было не так-то просто. В самом деле: человек боевого авангарда — и уязвимость деловая, нравственная. Как художественно передать такое противоречие, чтобы не погасить конфликта и в то же время не принизить героя романов? Добился ли Абрамов полного успеха? Едва ли правы критики, ограничившиеся восторгами по адресу трилогии. Образ Подрезова нередко приобретает некоторую

двойственность. Автор конспективно сообщает о биографии Подрезова, о его смелости и честности, а живописно яркие изображения выпивок и срывов Подрезова выставляют его в малосимпатичном свете. К счастью, рядом с этими страницами немало других, прописанных с чувством этической и художественной меры. В целом получился образ емкий и неоднозначный.

Неоднозначный уже потому, что Подрезов поставлен в многообразные отношения с окружающими.

Рядовые колхозники признали в нем своего надежного руководителя. А это люди, чьим трудом завоевана победа: Анфиса Минина, возглавлявшая колхоз в военные годы, Петр Житов, Илья Нетесов, Михаил Пряслин.

Бок о бок с Подрезовым прошли эти годы председатель артели Лукашин, другие сельские коммунисты.

Появились на селе молодые специалисты, среди них директор леспромхоза Зарудный — образованный, начавший работать в соответствии с законами НТР.

Никуда не исчезли, наконец, и люди «с пережитками». Чего стоит один только приспособленец и ловчила Егорша Суханов — прямая противоположность бескорыстному Михаилу Пряслину.

Драма, переживаемая Подрезовым, проходит на глазах односельчан, она так или иначе затрагивает каждого.

Мы наблюдаем секретаря райкома в тяжелые для него дни. Подрезов на грани поражения. Недоброжелатели воспользовались его промахами, нескладным поведением на пароходе, где Подрезов и секретари из соседних районов позволили себе выпить лишнего. Активизировались критики подрезовских методов работы.

На крикунов и приспособленцев, обвинявших его даже в поощрении частнособственнических тенденций, Подрезов особого внимания не обращал. Настораживался, когда раздавались упреки в некомпетентности, единоличных действиях, самоуправстве. Чувствовал растущую тревогу, слушая Зарудного, который считает неправильным способ ведения лесного хозяйства в районе; как ни неприятно, а приходится признать: непонятный этот человек, «нездешней выработки», в «белой рубашечке, с галстучком», стремительный, «как торпеда», отлично понимает существо современных требований. В лесной промышленности наступила

эпоха технической революции, а раз так... «И поехали пошел чесать. Сегодня нельзя больше полагаться на лошадку да на топор — этим инструментом не взять леса из глубинки. Сегодня надо строить железные дороги, автомобильные трассы — словом, внедрять технику. А чтобы внедрять технику, нужны квалифицированные рабочие, целая армия инженерно-технических работников. А чтобы иметь последних, надо по-новому строить все бытовое и жилое хозяйство...»

Слушал выступление Зарудного Подрезов, — не мог уйти от мысли: значит, он, первый секретарь райкома, отстал от жизни и не справляется со своими обязанностями; что же теперь делать?

Такой вопрос мог прийти в голову не всякому. Вальган немедленно отверг бы его, да еще стал бы мстить «обидчикам». А честный коммунист, чувствуя, что не все в порядке, подумает о причинах, не станет отмахиваться от критических замечаний. Нелегко Подрезову. За свою долгую и трудную жизнь он не только приобретал нужные качества, кое-что и терял. Но не утратил основного — готовности отдавать себя людям, общему делу.

Биография богатая: в восемнадцать — председатель сельсовета, в двадцать — председатель коммуны; тополами лес рубили — 120 кубов при норме в три. В годы войны возглавлял район, равный по своим размерам иному европейскому государству; и опять «шагал в передовиках», и опять «райончики работали на износ». Подрезову, с детства умевшему пахать, косить, строить, на медведя ходить, невод ставить, верили, за ним шли. Он любил, «чтобы с ним спорили, возражали, доказывали свою правоту», не боялся с начальством схватиться. Словом «так жил: головой рискуя, сам ко дну иду, но дело, прежде всего дело!».

Когда создавали колхозы, когда, забывая о себе, бились за каждый килограмм хлеба для фронта, подрезовской одержимостью даже гордились. В разговоре с Лукашиным Подрезов вспоминает прошлые годы. «Ты знаешь, как мы тут войну делали?... Да и что такое одно лето? А за этим летом был сорок третий, а за сорок третьим был сорок четвертый. Ух, год! Мох ели, заболонь сосновую толкли. А за сорок четвертым — сорок пятый. И все эти годы мы одно твердили людям: терпите. Терпите, бабы! Кончится война, тогда заживем

Тогда наедемся досыта. Мы даже лекции на эту тему читали: «Наша жизнь после войны». Чего не сделаешь ради победы... В общем, люди, как чуда, ждали победы. Все, все изменится. На другой же день. Понимаешь? А как изменится, когда вся страна в развалинах?»

Тогда методы Подрезова ни у кого сомнений не вызвали. После войны нужно было кончать со штурмовщиной, всерьез думать о людях. Но кое-кто никак не мог расстаться с привычными методами. «Кое-кто» — это, к сожалению, и Подрезов.

Подрезовская самоотверженность, неизменная прямота не могут не вызвать наших симпатий. Самоотверженность, однако, не должна быть самоцелью, прямота — негибкостью. А так получается у секретаря райкома.

Как «раньше было просто»! Вызывал к себе людей или звонил по телефону, отдавал распоряжения — попробуй не выполнить! Его приказ — закон. Воля — мотор. «И так всюду, во всех делах. Сам первый инженер. Во всем». «Наваливался» на председателей колхозов — добывал хлеб, бросал колхозников на лесозаготовки — «брал» лес. А сейчас все сложнее. Невиданно выросло хозяйство, леспромхоз — целый завод, автоматизированный, со своим ритмом работы, сложным управлением. Без науки, без специалистов ничего не сделаешь. А у секретаря райкома — за плечами четыре класса школы, он разбирается только в тех машинах, «которые от копыт заводятся». Теперь, почти с отчаянием думает Подрезов, «стой сбоку, в сторонке, и жди, что тебе скажет ученый молокосос, потому как ты во всей этой железной механике и во всех этих проектах и графиках, вычерченных в Москве и Ленинграде, ни бум-бум».

Но больше всего был потрясен секретарь райкома, когда почувствовал, сколь трудно разобраться в том механизме, который считал полностью подвластным ему, партийному работнику, — в «механизме» отношений с людьми. «Да, — думал Подрезов, — лошадей знал. Лес знал. Коровники в колхозах знал. А вот что такое человек, душа человеческая... Э, да что там говорить! Жену свою, с которой прожил чуть ли не двадцать лет, не знал...» И это еще не все. Бывало похуже: отступал от нравственных норм, которые сам для себя считал непререкаемыми. Уже не решался на спор с

начальством, из-за соображений престижа согласился с завышенным планом для недостроенного леспромпхоза. Побоялся встать на защиту невинно пострадавшего Лукашина. Это он побоялся, Подрезов, который когда-то «кинулся на амбразуру» — заступился за работника, разрешившего выдать активу по несколько килограммов хлеба.

Драматизм происходящего объясняется тем, что Подрезов вовсе не из числа бюрократов, какими выводили партийных и советских работников некоторые литераторы-скептики! Секретарь райкома боится потерять доверие людей, болезненно переживает свои ошибки.

Вот к Подрезову пришла Анфиса. С ней вместе он вел колхозные дела в войну, ее ценил необычайно высоко. От нее позже услышал суровые слова предупреждения, — жаль, что не учел их вовремя. А предстоящая встреча расстраивает: Анфиса просит за арестованного мужа — Лукашина, а он, Подрезов, помочь не может. Не может и сказать ей о своей нерешительности. Что же остается? Поступил секретарь райкома не самым лучшим образом.

«И вот он криком, бранью встретил ее, по сути предал свою первую помощницу, своего безотказного командира колхозной роты под названием «Новая жизнь»...

И мало того. Опять, опять, как раньше, отплясывался на ней, срывал свой гнев, свои промахи и ошибки...»

Не будем торопиться осуждать Подрезова. Он достоин этого, но учтем, что еще резче герой романа осуждает себя сам. Кричит на Анфису — кричит на себя!

Чтобы понять эмоциональное впечатление, которое производят подобные сцены, надо приглядеться к стилевой структуре трилогии. Абрамов объективирует все изображение, воспроизводит события так, как они происходили, избегая комментариев от своего имени. Его собственная речь часто слита с речью персонажей, он смотрит их глазами, говорит их голосом. И в процитированной картине авторская позиция «растворена» в жизневосприятии героя. Таким видит себя сам Подрезов, это его самооценка, прямая, непрощающая. Авторские реплики подчеркивают ее: с Анфисой у секретаря райкома были связаны «самые святыя воспоминания о

войне»; Подрезов «стоял у окна в своем кабинете и плакал...».

Скупно и выразительно Абрамов передает то, что творилось в душе Подрезова во время собрания партийного актива. Секретарь райкома старался быть спокойным, бодрым, а его «бросало то в жар, то в холод», «озноб пробрал». С трудом удерживал гнев, слушая хамелеонов-подхалимов. «...Стыдно, просто по-человечески стыдно стало за себя», когда подумал, что второй секретарь Фокин использует свою речь, чтобы спихнуть первого, а услышал честное, поддерживающее слово.

Удивительное дело. Подрезов больше думал не о том, оставят его или не оставят на посту секретаря райкома, а о том, как относятся к нему люди и какой своей стороной повернутся сегодня. В конце концов, все поправимо, кроме утраты политических, моральных принципов. Доброхоты подсказывали Подрезову выгодный ход: заклеить своих помощников, сказать, что не знал ни о «тайных полях» Худякова, ни о розданном Лукашиным хлебе. Тогда, мол, остальное «спишут».

«Вот в это самое время в Евдокима Поликарповича и вкогтился зуд.

Решающая минута! Минута, какой не было в его жизни за все сорок четыре года. И наверняка не будет. Ведь стоит ему только отрезать, отсесть от себя Худякова и Лукашина, как подсказывает Фокин,—и какие против него обвинения? Грубость, мат, не очень ласковое обхождение с рыбнадзором...

Но что тогда будет с Лукашиным и Худяковым? Они-то уж тогда наверняка пойдут ко дну... Знал, не знал, ведал, не ведал... Должен был знать!

Подрезов собрал все свои силы, какие у него были, встал.

— Лукашин роздал хлеб с моего разрешения. Я приказал.

Постоял, помолчал немного, вглядываясь в ошеломленный зал, и забил последний гвоздь:

— Про худяковские поля здесь говорили. Знал. Все знал. Иначе какой я, к дьяволу, хозяин района, ежели не знал, что у меня под носом делается?..»

Подрезов поступил по партийной совести. Незнаючи, останется ли он в райкоме, и надолго ли. Но зато

совершенно очевидно: «начал мало-помалу оживать в нем пошатнувшийся было подрезовский дух».

А «подрезовский дух» люди ценили: принципиальность, смелость, прямота. Поступая, как коммунист, Подрезов не боялся заступиться за несправедливо обиженного. Его смелость многим запала в душу. Как бы следуя его примеру, колхозники пишут письмо в защиту Лукашина. Видят в этом свой долг коммунистов. Илья Нетесов, подписывая письмо, указывает, что он член партии с 1941 года. Михаил Пряслин, ставя свою подпись, впервые впрямую заявляет о своей гражданской позиции.

За судьбой юноши, политически созревающего на наших глазах, без всякого сомнения, нелегкая, но в самом решающем славная судьба Подрезова. И кончается роман «Пути-перепутья» знаменательными строчками:

«...Всегдашней тоски на душе у Михаила не было.

Он стоял на нетесовском крыльце, широко расставив свои крепкие, сильные ноги, по-крестьянски, из-под ладони, глядел на удаляющийся журавлиный клин, и перед глазами его вставала родная страна. Громадная, вся в зеленой опуши молодых озимей.

И это он, он все эти тяжкие годы вместе с пекашинскими бабами поднимал ее из развалин, отстраивал, поил и кормил города. И новое, горделивое чувство хозяина росло и крепло в нем».

Можно предугадать, какие чудесные всходы даст это чувство. О них лишь заявлено на страницах романа, но будем надеяться, что в будущем автор обратится к нашему времени, покажет деревню не только в самую трудную пору ее жизни. Об этой поре написаны десятки талантливых книг. И чем скорее появятся произведения о Пряслиных, уже взявшихся хозяйствовать на селе, тем больше надежд увидеть в литературе того героя наших дней, которого читатели знают по жизни.

Не приходится сомневаться, что у него мы найдем черты Корчагина и Давыдова, что он бескомпромиссно осудит всякого рода вальгановщину и в то же время не забудет о заслугах шедших перед ним, пусть им не все удавалось так, как того хотелось бы. Он будет дорожить этим самым «подрезовским духом».

Если применительно к Вальгану или Буянову надо все-таки говорить о «вине», а не «беде», то приписывать Подрезову чувство особой «вины» за прожитую им жизнь вряд ли целесообразно. Не оправдывая допущенных ошибок, нельзя к ним сводить его деятельность, его воздействие на окружающих. Тем досаднее, что бледны другие партийные работники, выведенные автором рядом с Подрезовым.

Когда же в произведении показан партийный коллектив, отчетливее видна и авангардная роль передовых коммунистов, и эволюция людей заблуждающихся — и тех, кто может «выправиться», и тех, кому на это уже не приходится рассчитывать. При этом полуправдиво отображается не только преодоление болезни, но общий ход развития.

На фоне такого развития, в решении общественных дел, в столкновении различных позиций еще полнее выявляются и человеческие характеры. В этой связи можно сопоставить с «Пряслиными» роман, вышедший раньше трилогии Абрамова и ставящий немало сходных проблем. Правда, «Память земли» Владимира Фоменко известна меньше, о ней писали сравнительно не много.

Об этом можно только пожалеть. Населенный яркими характерами, роман передает драматизм борьбы за партийные принципы жизни, против волюнтаризма и антидемократизма. Фоменко художественно воспроизвел целую галерею передовых людей современной деревни, в том числе коммунистов, широкую гамму их идейных, моральных устремлений.

...Как и во времена «Поднятой целины», опять шумят, волнуются донские хутора и станицы. Сооружаются Волго-Донской канал и Цимлянская ГЭС. Вскоре под воду уйдет немало земель. Некоторым колхозам предстоит бросить насиженные места, переселиться на пустошь. Нелегко это казакам, прикипевшим сердцем к своим хатам, садам, богатым угодьям, бережно хранящим память боевой славы, могилы предков. Раньше вроде даже проще было: поступило распоряжение, раздумывать не о чем — выполняй! «Сегодня же ничто не было просто или предрешено — все зависело от самих хуторян...» Горячие собрания, открытые споры, поиски самостоятельного решения...

«Люди заносились своей самостоятельностью, и

даже которые, как знала Люба от Конкина, были из богатеньких, испытали продналог, продразверстку, под вопли домочадцев писались в колхоз, сейчас бодро толковали:

— Родину выбрать — не козу купить. Решим — все. Не решим — ничего. Наше дело, не дядино!»

Может, некоторые действительно и «заносились», но сама эта позиция: «Наше дело, не дядино» — наглядное подтверждение больших перемен в жизни. Ныне волевыми методами руководить нельзя. В «Памяти земли» нет таких драматических схваток, как в романе Шолохова, к тому же это произведение несколько растянутое, композиционно недостаточно собранное. Но конфликтные ситуации книги Фоменко становятся все острее по мере того, как за хозяйственным решением, предстоящим крестьянам, отчетливо проступает проблема отношения к народной инициативе в целом. Конкретное свое выражение эта проблема находит в непримиримости идейных позиций секретаря райкома Голикова и председателя райисполкома Орлова.

Борис Никитич Орлов — шундиковский «погоревший» Буянов. Когда-то работал на заводе, выдвинул громкий встречный план, провалился и был переведен в район. Ничему не научил Орлова, этот провал, по-прежнему он «управлял народом... генеральски-безоговорочно». Орлов не может понять, как это колхозники сами будут принимать какие-либо решения. Обращаясь к Голикову, он отстаивает «спасительность» административных распоряжений.

«— Послушайте, Сергей Петрович! Куда и когда двигаться затопляемым колхозам — зависит только от вашего и от моего сознания. И бросьте долдонить еще о чьих-то активностях. Их, этих активностей, на практике нету. Уразумейте — отсутствуют!.. Станицы десятки уже лет, еще с коллективизации, переключились на другое. На хозяйство. А во всем остальном полагаются на указание: они ведь не мужики, они колхозники, народ дисциплинированный, реальный».

Орлов — фигура зловещая. И в борьбу с секретарем райкома вступить не побоялся, и другим коммунистам, например, Голубову, причинил немало вреда, и покровителей себе нашел, сумел с их помощью перебраться в Москву. Хуже всего, что он не одинок, у него есть последователи, единомышленники в самой станице.

Среди них — секретарь колхозной парторганизации Дарья Черненко — непосредственная, по-своему искренняя.

Для Дарьи «все было ясно. Колхозников «надо вести». Куда вести, знает райком. Промежуточное же звено — она и парторги других колхозов — это вроде лейтенанты... Но лейтенант вполне может проявлять инициативу, то есть выполнять по своему личному способу. Способом Дарьи была открытая атака. Рубануть так уж рубануть, чтоб дым шел!.. Рубала она весело и энергично, не тратила на это нервы, а лишь басовитый голос».

Итак, сложившаяся система взглядов: исполнители должны исполнять, руководители — руководить. Сложившаяся, но не возобладавшая в партийной среде.

Заслуга Владимира Фоменко в том, что он воссоздает расстановку сил, характерную для нашего времени. И в прошлом коммунист Степан Конкин восставал против догматизма и произвола. А теперь, на посту председателя сельсовета, он требует уважать и крепить авторитет местных органов Советской власти, строго соблюдать социалистическую демократию.

Образ Конкина очень выразителен, потому что писатель сумел раскрыть страстность этой натуры. Знакомый «нагульновский» тип, Степан разительно похож на красногвардейцев 1919 года. И внешностью — худой, порывистый, всегда возбужденный. И активностью — все делал азартно, «гнул» свою линию, не боясь никого и ничего. Взволнованно заявлял о всемирно-историческом значении станичных преобразований (переселение? Не о садах речь! «Другие повырастут! Ведь, чувствуете, планету начинаем перестраивать!»). Призывал «воспламенять» колхозников («Допустимо разве, чтоб наши дела зажигали людей меньше, чем революция?!»), каждодневно агитировать за Волго-Дон («Потом уж и про любовь, сколько влезет»), никогда не забывать о знаменосце гражданской войны, который пел «Вихри враждебные веют над нами...».

Нет, не устарели такие «идеалисты», их слово и пример значат куда больше, чем «деловые» распоряжения Орлова и грозные окрики Черненко. А в какие-то моменты людям просто необходимо напомнить о революционных идеалах — в этом тоже смысл партийной агитации.

Вместо полива колхозного виноградника казаки увлеченно занялись любимой рыбалкой. Уговоры не подействовали. И тогда в действие вступил Конкин. Он бросился в воду, схватился за борт баркаса.

«— Что получается?.. Да отомкните наконец, товарищи,— заорал он,— запертые свои сердца! Да разве ж на этой самой земле вы с Матвеем Щепетковым так уж часто путались, дрожали, как овечьи хвосты? Свержение атаманов — лотерея. Но разве останавливала вас безвестность? Разве не пели вы «Нас еще судьбы безвестные ждут»?! А «мессершмитты», «фоккевульф», танки Клейста пугали нас, заслоняли нам, гвардейцам, дорогу к победе? Неужели ж сегодня заслонит нам горизонты вяленый задрипанный судак на бечевке?!»

Конкина послушали, как почти сорок лет назад послушали партизаны Левинсона, звавшего гатить болото. Партийное обращение к долгу людей, к их совести не может утратить своей вдохновляющей силы.

Возможно, Степан Конкин в своей суетливой неутомимости чуточку и смешон, но улыбка, которой встречаешь его появление, — улыбка взаимопонимания и сочувствия. Какой чистый и бескорыстный человек! А те его черты, что могли бы насторожить в таком характере, автор передал другому персонажу. Как Дарья доводит до предела командирские замашки Орлова, так заведующий животноводством Голубов — крайности конкинского самоотречения.

В станице уже побаиваются затей «сумасшедшего Вальки Голубова, который хоть и под суд, по всему, отправится, и билет будет выкладывать, а не снижает активности. Чудной мужик!». Активность чрезмерная, порой портящая дело. Организаторы собрания, посвященного вопросу о переселении, рассчитывали, что Голубов «задаст тон». Но «этот подтянутый, ухарский, с отсеченным ухом мужчина доказывал такую уж сверхсказочную райскую прелесть переселения, что даже Солод, настроенный в духе побед, поеживался: «Эк его повело, ухаря!..» Голубов направо и налево «клеил ярлыки», «кидался на окружающих». Правительство установило переселенцам денежную компенсацию за дворовые постройки, остающиеся в затопляемой зоне, а заведующий животноводством демонстративно отказался от компенсации. И уж совсем анекдотический случай: когда его стали упрекать за то, что «пускал в

дом ласковых бабенок», Голубов сам на себя написал заявление в партбюро.

Пытливый художник поставил перед собой нелегкую задачу — рисуя широкую галерею сельских коммунистов, дать не только полярную их расстановку. Он выявляет психологические нюансы внутри каждой «группы»: Орлова дополняет и оттеняет Дарья; Конкина — Голубов. Но есть не только «нюансы». Складывается новый тип энергичного и демократического работника.

К такому типу принадлежит председатель колхоза Настасья Щепеткова. В противоположность «железной Дарье», она не приемлет голого администрирования; в отличие от Голубова, признает не шумные призывы, а деловитые действия. Настасья в колхозе «держалась полной хозяйкой», а если нужно было, «шла против правленцев» и против устоявшегося мнения. Никому не показывала своих сомнений, во что бы то ни стало сохраняла на лице «обязательное на людях уверенное выражение».

Между Настасьей и Дарьей мечется в поисках своего «я» комсомолка Люба Фрянскова.

Долгое время Люба безоглядно верила Дарье. Глядя на нее, даже выступила на собрании с обличениями собственного мужа. После этого Василий ушел из семьи; от одиночества у Любы «иззябла душа», но зато она стала отзывчивее к чужой беде. На одном и том же собрании Любу принимали кандидатом в члены партии, а Голубова исключали из партии. Фрянскова попросила слова. Однако теперь говорила совсем не так, как о Василии, не согласилась с тем, «чтоб изгоняли лучших». В этот час она и нашла себя. «Когда по ходу собрания поступило предложение пересмотреть первый вопрос, воздержаться от приема незрелой Фрянсковой, тем более что один из рекомендующих — Голубов, когда это проголосовали, и Люба — опять беспартийная — покидала помещение, ее задержал Конкин. Нарушая пристойность собрания, встал, сказал то, что, вероятно, каждый в комнате ощутил вдруг сам:

— Вот теперь-то тебя и следует считать коммунисткой, товарищ Фрянскова».

Опять Степан Конкин. Человек обнаженной совести, он в романе выступает нравственным ориентиром для окружающих. Неизвестно, как без его участия

сложилась бы судьба первого секретаря райкома Голикова.

Как и Конкин, это очень колоритный образ. Писатель взялся рассказать о партийном работнике, который только начинает приобщаться к своему делу, причем не без внутреннего сопротивления. Горожанин Сергей Голиков вначале тяготился работой в сельском районе. Мечтал об аспирантуре. И воли ему не хватало, и знаниями сельского хозяйства не обладал.

И еще в одном сказалась художественная смелость Фоменко. Обычны образы всезнающих партийных работников, которые учат окружающих. А тут, наоборот, товарищи по партии дали предметный урок своему руководителю. Голиков долгое время не решался спорить с Орловым. Конкин высказался прямо: такая пассивность — не к лицу секретарю райкома. Критика задела Голикова и заставила наконец сделать выбор между позицией Орлова (он все больше подминал и секретаря райкома) и позицией Конкина, как выразителя народных потребностей.

Удар по литературной схеме, априорно предполагающей неизменную непогрешимость руководителя! Как далека такая схема от жизни, где и вполне передовому человеку не всегда все ясно. Берешься за новое дело, — легко ли избежать неуверенности? Столкнулся с непредвиденными осложнениями, — всегда ли немедленно будет найден выход? О хуторе, как о моторе неизвестной ему конструкции, размышлял еще Давыдов. С тех пор жизнь еще больше усложнилась, а в орбите внимания Голикова — огромное районное хозяйство. И время такое, когда люди откровеннее в выражении своих чувств, забот, сомнений. Художественный принцип автора «Памяти земли» — «открытый» показ сложности душевной жизни коммуниста.

Этот принцип показателен для нынешнего периода литературного развития. Нравственные обретения своего героя Фоменко тесно связывает с нашими демократическими установлениями. Требования «снизу» сыграли решающую роль в самоопределении секретаря райкома. Поддержка людей в то же время укрепляет у Голикова чувство уверенности в себе.

«...Выбор между позициями Конкина и Орлова Сергей давно сделал в пользу Конкина, и теперь это стало собственной позицией Сергея; а если по сути, то было

это, как он увлеченно считал, позицией самого Ленина, потому что ничего, кроме интереса людей, строящих коммунизм, Голиков перед собою не ставил, и люди отвечали ему дружкой — уже почти ненастороженной, требующей лишь малых усилий, чтоб стала она до конца искренней, чтоб совсем уже рухнули преграды между ним и его подопечными.

Было чудесно ощущать это растущее с каждым днем товарищество, знать, что нет у тебя от хуторян секретов, не существует ведомственных тайн, все открыто! Ради этого можно идти на неполадки в семье. Можно жертвовать и аспирантурой. Можно — вопреки глухому ворчанию райкомовских аппаратчиков — давать команду: «Райком, на колеса», то есть не только самому оставлять кабинетное кресло и неделями жить в хуторах, но разгонять по глубинкам райкомовских инструкторов, заотделами, а заодно активистов райкома, чтоб поддерживали в колхозах и общественную разведку участков, и всяческие кружки по изучению поливов!»

Смысл работы по-новому Голиков видит в том, чтобы вести ее совместно с самими колхозниками. Опять шолоховское: «Вместе жить!» Правда, гибкой тактикой Сергей еще не владеет, нередко он неосмотрительно «подставляет бока», не добившись поддержки области, давая козыри противникам.

После того, как Орлов сумел скомпрометировать начинания секретаря райкома, обкому порекомендовали «проработать» Голикова на отчетной конференции. Примечательно, как проходит это собрание. Делегаты еще не настолько самостоятельны, чтобы опротестовать необоснованные указания. Однако уже — новое время! — не намерены чересчур старательно осуществлять их. С нападка на Голикова выступили лишь Орлов да недолголюбивавший Сергея третий секретарь обкома. Остальные слушали их, но помалкивали, «дабы не противоречить установке». Можно, пожалуй, сказать, что бой, который был дан Сергею на конференции, кончился «вничью»: гласной поддержки секретарь райкома не получил, победа же его противников по сути эфемерна. Следующий раз они могут натолкнуться и на прямой отпор коммунистов.

Эстетствующие критики, случалось, фыркали: описание собраний, совещаний в художественном произве-

дении — где тут искусство? Но так уж движется наша жизнь — в общественных, коллективных формах; область эстетического неизбежно будет расширяться, захватывая и те сферы, которые не считались когда-то в ведении поэзии.

Не удивляют же читателей званые рауты и блистательные балы, без которых не обходился роман XIX века. А ведь и в танцевальных залах разыгрывались человеческие драмы, крупнейшие мировоззренческие конфликты. Ареной для конфликтов в нашей литературе зачастую являются заводские цехи и колхозные поля, комнаты партийных комитетов и многолюдье производственных собраний, и это вполне естественно — перед нами реальные приметы современной общественной жизни. Советская литература возвестила о своем появлении массовыми сценами: митинги восставших, заседания партячеек, обсуждавших планы восстановительных работ, шумные собрания крестьян, ночи напролет споривших о вступлении в колхоз. Жизнь коллектива в поле внимания и писателей — наших современников.

Показывая ее сегодняшние формы, они изображают собрание как событие, где в полную меру проявляются и общественные и «частные» интересы людей. «Частные» интересы в наших условиях неотделимы от общественных, к тому же они приобретают особый смысл: когда человек открыто отстаивает свои позиции перед лицом коллектива, он в полной мере выявляет свой характер. Кульминацией всего происходящего с персонажами выглядят собрания партийного актива, описанные в романах Фоменко, Абрамова, Николаевой. Проверкой нравственных принципов коммунистов стало заседание партбюро, на котором обсуждается вопрос о приеме в партию Сигитаса Селиса (Альфонсас Беляускас, «Каунасский роман»). Не желая мириться с пережитками, восходящими к культу личности, идя наперекор большинству, Гродис голосует за Селиса и заявляет, что защищать справедливость важнее, чем доверяться бумаге, «не принимая в расчет самого человека...».

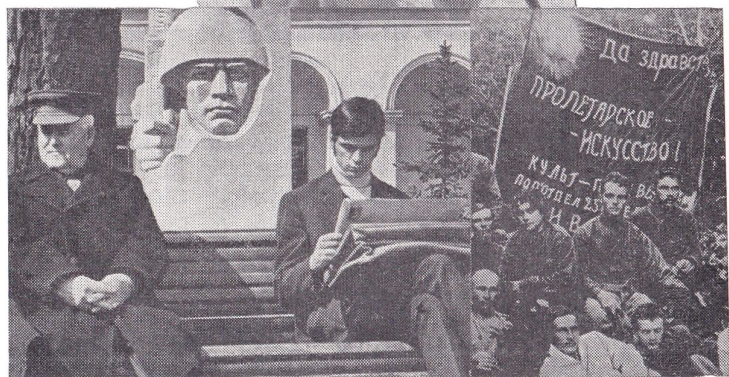
Вот такая это идейная школа для «человека партии». Коммунист поднимается на трибуну, чтобы, как Бахирев, отстаивать продуманную программу общих действий, или, как Подрезов, — пересмотреть собствен-

ный путь, или, как Люба Фрянскова,— протестовать против несправедливости, как Гродис,— защищать свои убеждения. За десятиминутной речью — публичный отчет в мыслях и поступках, волнения, переживания, надежды. К тому же оратору надо учитывать и реакцию зала, и чувства, овладевшие собранием, каждым его участником; бывает, в ходе дискуссии переосмысливается вся работа коллектива, открывается новый ее этап (кинофильм «Премия»).

Эталоны немислимы и тут. Художественная ценность произведения не измеряется количеством массовых эпизодов. Они могут быть, могут не быть. Но роман, повесть, пьеса не состоятся как произведения искусства, если в них не ощущается общественная атмосфера, в которой живут герои. Вне этой атмосферы не раскрыть характер коллективиста. Даже если он — в силу сложившихся обстоятельств — остается один, все равно его образ мышления и чувствований характеризует убежденного общественника. Перед лицом близкой смерти леоновский Курилов не мог не заботиться о Лизе, ее будущем.

Коммунист — всегда с людьми, живет их интересами, заботится об их росте. Среди ситуаций, отображающих характер взаимоотношений людей в нашем обществе, особое значение приобретает такая, которую образно можно назвать «чапаевской ситуацией».

«ЧАПАЕВСКАЯ
СИТУАЦИЯ»

Что это за ситуация?

Одна из очень типичных для нашего времени и имеющих самое прямое отношение к проблемам партийного руководства, политического воспитания работников.

Жизнь наша складывается так, что рядом с «человеком массы» неизменно оказывается «человек партии». Вспоминаешь юность, когда вплотную вставал вопрос: делать жизнь с кого? Маяковский советовал: делайте «с товарища Дзержинского». А мы, еще не прочитав этих строк, так и поступали. Я гордился и горжусь тем, что рекомендацию для вступления в комсомол получил от старого большевика. Тем, что наш школьный учитель истории, чекист времен гражданской войны, неутомный человек с чахоточным румянцем на исхудавшем лице, за подготовленное мною выступление на литературной конференции торжественно вручил премию — собственный портфель, с которым он когда-то ездил на доклад к Дзержинскому.

Так было и в последующем у каждого из нас. Шли к старшим по партии, когда надо было посоветоваться, рассказать о трудностях, просить помощи. Знали: возникнет в тебе нужда, предпо-

лагается новое задание,—предварительно состоится разговор с более опытными и знающими людьми. Кому не нужно, чтобы ему в какую-то минуту помогли, а другой раз и предупредили от неверного шага? И как много означает уверенность, что есть на кого равняться в жизни, как доводилось равняться на «деда» — уже знакомого читателю этой книги кадрового работника партии.

Учеба молодых у старших? Нет, к этому не хотелось бы сводить «чапаевскую ситуацию», хотя она, естественно, включает и такую учебу (к этому вопросу мы еще вернемся). Речь идет о более широком понимании в нашем обществе взаимоотношений с «человеком партии». О том, что равнение на него является принципом жизненного развития патриотов. Что в нем видят представителя партии, выступающего как выразитель идеи партийности, воспитатель, друг и советчик.

Нашу литературу с первых послеоктябрьских лет увлек образ комиссара, партийного наставника. Яркий его портрет создал Дмитрий Фурманов в своей известной книге «Чапаев». История взаимоотношений прославленного полководца и его комиссара и подсказала название интересующей нас жизненной ситуации — «чапаевская».

Она воспроизводит не завоевание масс на сторону революции, не перевоспитание тех, кто далек от нашей идеологии, а целенаправленное воздействие на преданных Советской власти, одаренных людей, которым надо помочь в полной мере выявить свои творческие силы. В этом случае вряд ли уместны термины «воспитанник» и «воспитатель», их трудно отнести к герою гражданской войны, прославленному полководцу Чапаеву, к тактичному его комиссару, который к тому же моложе его возрастом, Клычкову. Именно соратники, верные друзья — вот кто они такие.

Фурманов напряженно размышлял о том, как по-новому должна строиться работа большевиков в поднимающихся на революцию массах. К тому же приходилось иметь дело и с теми, кто только созревает для выполнения своей исторической задачи, как Надя, героиня повести «В восемнадцатом году». Большевик Климов, говорит Надя, «разбудил в нас хорошие чувства и вызвал к жизни новую мысль... Но мы слепые. Мы же не знаем... Мы не знаем совсем, как это надо

делать... Что нам делать, мы этого никто не знаем... Ведь одного настроения мало — нам надо, чтобы путь указали»...

На фронтах гражданской войны Фурманов встретился с теми, кто уже выбрал свой путь и знает, что нужно делать. Их надо не «будить», но научить правильно применять свои силы. Писатель задается мыслью о путях формирования социалистической личности. О том самом процессе, который получил художественное отображение, например, в повести Лидии Сейфуллиной «Виринея» или романе Александра Фадеева «Разгром». Кстати, с повестью Сейфуллиной связано одно очень симптоматичное высказывание автора «Чапаева». Разбирая «Виринею», Фурманов вспомнил эпизод военных лет. Командир полка, выслушав рапорт об убитых и раненых, особенно остро реагировал на гибель «малого разведчика» Пашки Сычева:

«— Из Пашки я себе готовил смену, он был крепче и ротных и батальонных, хоть верные они были ребята, Пашка невзнуздан и дик, зато силу большую имел человек у себя в нутре. И я эту силу в нем приметил, я бы той силе и линию дал, Пашкина сила только линию одну и ждала...»

Большие силы, дремавшие в народе, раскрылись, расцвели в ходе революции — об этом фурмановский «Чапаев». О том, что линия, которую дала массам Коммунистическая партия, определила перспективы идейной, нравственной зрелости новой, социалистической личности. Выработав эту линию, коммунисты заботятся о том, чтобы их соратники следовали ей осознанно и последовательно.

При царском строе крестьянский сын Чапаев был обречен на нищету и бесправие: «Кому я, такая вошь, больно нужен оказался?» Советская власть подняла его на невиданную высоту. «...Мнение о себе развивается такое, што вот, дескать, не клоп ты, каналья, а человек настоящий, и хочется жить по-настоящему-то, как следует...»

Слава достойно увенчала полководца, сумевшего сплотить дивизию, вдохновить ее на подвиги, искусно проводящего военные операции. Но чтобы жить «по-настоящему», нужно еще не мало: культура, знания, выдержка, такт. Дальнейшее духовное развитие Чапае-

ва, шлифовка его таланта — главная забота комиссара Федора Клычкова.

Как «человеку партии» практически взяться за выполнение такой сложной, деликатной задачи? Самому Фурманову — комиссару в чапаевской дивизии, потребовалось время, чтобы найти ответ. Все эти месяцы грозного 1919 года он, как и всегда, вел дневник, отразивший его сложные взаимоотношения с командиром. Любопытна трансформация, которой дневниковые записи подверглись в романе. Судя по дневнику, вначале отношения были очень напряженные, иногда на грани разрыва. «Как-то злые и нервные до предела, — записывает Фурманов 26 апреля 1919 года, — ехали мы в степи с Чапаевым. Он слово, я слово, он два — я четыре. Распалились до того, что похватались за наганы. Но вдруг поняли, что стреляться рано — одумались, смолкли». Такие эпизоды не вошли в книгу. В ней подробно развиты другие, представлявшие автору более характерными и обозначенные в дневнике всего несколькими строчками, вроде следующих: «Мы настолько сроднились и привыкли друг к другу, что без тоски не можем быть в разлуке».

О том, как сроднились комиссар и командир, и считает нужным рассказать Фурманов. Клычков, высоко ценя Чапаева, в то же время думает о том, сколько ему еще надо приобрести. Это преданный боец революции, для него нет ничего дороже Советской власти. Порожденный «сырой», полупартизанской «крестьянской массой», Чапаев управлял ею умело, насыщая «тем содержанием, которого хотела и требовала она сама». Однако и упивался своим положением, и слишком часто, подчеркнуто «в центре ставил себя!». Значит, комиссару надо не только закреплять Чапаева на избранном пути, но и заботиться, — ни в коем случае не рая при этом его самолюбия, — чтобы он не оступался — по излишнему самомнению, горячности, недостатку политического опыта и знаний.

Творческий замысел автора понятен. А как он реализуется художнически? Это очень важно понять, учитывая своеобразие романа, который критики нередко были склонны относить к фактографическим мемуарам.

Документальность книги общепризнанна. Сам автор и не претендовал на художественное обобщение.

Между тем он создал ярчайшие типы эпохи, раскрыл самое существенное в своих персонажах и с исторической, и с политической, и с психологической точки зрения. Как это произошло и почему? Непонятно, если руководствоваться лишь одними литературными мерками. Вполне понятно, если, как мы условились, внимательно приглядываться к течению жизни. Она выдвинула такие характеры и дала им проявиться в такой мере, что сама действительность открылась перед художниками в резко выраженных проявлениях.

Одни писатели, создавая произведение, все время помнят о прототипах своих героев, другие предпочитают «домысел»,— творческий процесс индивидуален и неповторим,— это аксиома. Но в любых произведениях, заслуживающих имени художественных, действительность не копируется; авторы меняют какие-то факты из жизни наблюдаемых людей, наделяют их новыми чертами, в общем, обязательно обобщают. Глубина обобщения и принесла долгую жизнь «Чапаеву».

«Чапаев» — своеобразный сплав документальности и лирического чувства. Здесь часты авторские монологи и обращения к читателю — взволнованные размышления о людях и событиях, много восклицательных и вопросительных форм, придающих экспрессивность повествованию. С лиризмом сочетается аналитичность; она — в авторском осмыслении факторов, определяющих политическую обстановку, в попытках воспроизвести психологическое состояние персонажей.

Обдумывая предстоящую ему работу в чапаевской дивизии, Клычков решил построить свои отношения с новой для него средой так, «чтобы не самому в этой среде свариться, а наоборот, взять ее под идейное влияние. Брать надо с головы, с вождя — с Чапаева. На него и направил, на нем и сосредоточил Федор все свое внимание»... Еще до их встречи, отправляясь в дивизию, вновь назначенный комиссар старался разгадать, что стоит за сказочно-легендарными рассказами о «Чапае». Не случайна лексика романа: в разговорах комиссар *«любопытствовал»* о возрасте Чапаева, *«жадно пытался»*, каков он из себя, *«опрашивал»* бойцов и т. д. На заседании в штабе Клычков *«всматривался»* в лица, *«внимательно вслушивался»* в речи. Когда впервые встретились с Чапаевым, «Федор быстро-быстро общаривал его пронизывающим взглядом: хотелось

поскорее рассмотреть, увидеть в нем все и все понять. Так темной ночью на фронте шарит охочий сыщик-прожектор, торопясь вонзиться в каждую щелку, выгнать мрак из углов, обнажить стыдливую наготу земли».

Комиссар убедился: «коренной сын» своей среды, Чапаев еще не до конца расстался с партизанскими замашками, не всегда умеет сдерживать стихийные порывы чувств. И вместе с тем такая талантливая личность! Значит, одно в нем нужно беречь, поддерживать, от другого помочь избавиться. Терпеливо беседуя с Чапаевым, Клычков шаг за шагом развенчивает застарелое его недоверие к штабам. Объясняет значение международного рабочего движения. Задачи революции Чапаев видел в разделе отобранного у буржуазии имущества,— нужно преподать ему урок политграмоты. Приходится напоминать начдиву и о революционной законности—ведь он способен избить инженера, срывающего строительство моста, собирается выдать фельдшеру докторский диплом. А кто еще обратит внимание на необузданную горячность Чапаева, детскую его доверчивость, податливость на всякого рода наговоры?

В «фурмановедении» о плодах комиссарской работы говорилось предостаточно. Меньше освещен вопрос о ее «секретах». Размышляя о них, мы проникаем в самую суть ситуации, которую назвали «чапаевской». Это—сила тонкого и продуманного идейного влияния коммунистов на сознание, на душу человеческую, влияния, цель которого—всесторонний рост личности.

Не всякого станет слушать Чапаев, а лишь тех, кто авторитетен для него. Клычков начал с завоевания авторитета. Чапаев убедился: в дивизию пришел человек, который, если понадобится, жизнью подтвердит верность своим идеалам. Личный пример коммуниста—великая сила, и Фурманов приводит много подтверждений тому: храбрым воином стал Клычков; испытаны в боях другие политработники—Ежиков, Суворов, Буров; в книге создан образ выдающегося полководца М. В. Фрунзе. «Высочайший авторитет, заслуженный в армии коммунистами, заслужен ими был недаром и нелегко. На все труднейшие дела, во все сложнейшие операции первыми шли и посылались прежде всего коммунисты. Мы знаем случаи, когда из

пятнадцати — двадцати человек убитых и раненых в какой-нибудь небольшой, но серьезной схватке половины или три четверти было коммунистов».

И все-таки художественные ударения в «Чапаеве» приходится не на батальные описания. В историю общественной мысли, художественного прогресса советской эпохи книга Фурманова вошла как апофеоз духовной целеустремленности революционера: *«Мало быть смелым воином, надо быть еще и сознательным»*. И надо знать свою силу политического бойца, уметь донести ее до других. Клычков не собирается вдаваться в военно-тактические вопросы, в которых начдив выше его на две головы. Зато стремится выявить политическую остроту любого затрагиваемого вопроса — тут он безусловно сильнее своего собеседника. Все время идет к решению главной задачи — «перекрещивать, обуздывать его, направить на путь сознательной борьбы». Это передано присущими Фурманову изобразительными средствами, в том числе лексическими: строгая логичность речи Клычкова, приказная категоричность и импульсивность высказываний Чапаева. Спор о казаках начался с замечания, что «казачью» все нипочем. Комиссар не согласен:

«— Ну, не все же казачество такое...

— Все! — вскрикнул Чапаев. — Вы не знаете, а я скажу: все! Неча там... д-да!

Чапаев нервно забулькал в седле.

— Не может быть все, — протестовал Федор. — Хоть сколько-нибудь, а есть же таких, кто с нами. Да постоит-ка, — вспомнил он с радостным волнением, — хоть бы и у нас вот тут, в бригаде, из казаков вся разведка конная?

— В бригаде? — чуть задумался Чапаев.

— Да-да, у нас, в бригаде!

— А это, надо быть, городские... здешние вряд ли, — с трудом поддавался на доводы Чапай.

— Я уж не знаю, городские ли, но факт налицо... Да и не может быть, товарищ Чапаев, чтобы казачество, ну, все было против нас. По существу-то дела этого не может быть...

— Отчего нет? Вот побудете с нами, тогда...

— Нет, сколько бы ни был я — все равно не поверю!

Голос у Федора был крепок и строг.

— Про отдельных чего говорить,— стал слегка сдаваться Чапаев.— Конечно дело, попадают — да мало...»

Глубина присущих Клычкову знаний, широта его мышления, твердость убеждений помогают ему «направить на путь сознательной борьбы» Чапаева. Не общими призывами, а конкретностью советов и соображений. Федор рассказывал о том, «как организовались реввоенсоветы, какой в них смысл, какие у них функции, какая структура... И видел, что Чапаев ничего этого не знал, все эти сведения были для него настоящим откровением... Говорил и знал, что семя падает на добрую землю. Он замечал в последнее время, что мысли его иногда Чапаев выдавал за свои».

Смысл «чапаевской ситуации» — не просто близость их обоих, командира и комиссара, это их взаимодополняемость. Служба в дивизии превратила Клычкова в храброго военного, опытного политработника. Чапаев поднялся на более высокий уровень политического сознания.

Процессы, чрезвычайно характерные для советской эпохи. Правомерно, что эта ситуация получила жизненное и эстетическое развитие в нашей литературе, обретая несхожее индивидуальное воплощение в различных произведениях. Рядом с Клычковым, Левинсоном, Корчагиным, Давыдовым действуют коммунисты, дающие «линию» трудящимся бывших национальных окраин России: Петров в романе «Священная кровь» Айбека, Чернышов — в «Решающем шаге» Берды Кербабая, Кузнецов — в «Ботагозе» Сабита Муканова, герои автобиографической трилогии Юрия Смолича...

2

По мере движения нашего общества вперед, воспитательные обязанности коммуниста не уменьшаются. Эта работа выглядит как особо сложная, тонкая, деликатная, о высоком ее значении говорит уже название известной книги Антона Макаренко: «Педагогическая поэма».

Сохраняется клычковская партийная целеустремленность. Центр тяжести все более перемещается на осмысление социалистической природы взаимоотношений, связывающих граждан нашего общества между

собой. Задача «впередсмотрящего» — стимулировать социалистическое сознание людей, апеллировать к нему в трудные минуты.

Еще один вариант той же ситуации, воспроизведенный спустя двадцать с лишним лет после Фурманова, — летчик Мересьев и комиссар Воробьев (Борис Полевой, «Повесть о настоящем человеке»).

Мересьев принадлежит к поколению, выросшему уже при социализме. Ему не нужно было выбирать место в жизни. Не нужно было усваивать требования дисциплины, к ним приучила служба в армии. Но пережитая драма (в разгар боев остаться без ног, стать беспомощным инвалидом — что может быть страшнее для военного летчика!) стала тяжелейшим личным испытанием. Тут и понадобилась Мересьеву нравственная поддержка. Ее оказал комиссар. Сам тяжело больной, умирающий, Воробьев помог Мересьеву преодолеть отчаяние. Не пустым сочувствием, а напоминанием о долге, о патриотических обязанностях: «Но ты же советский человек!»

Сознание этих обязанностей, творческая энергия живет в таких людях, как Мересьев. Но бывают обстоятельства, когда эту энергию надо привести в действие — живой человек может и дрогнуть, растеряться, в таких случаях необходим толчок со стороны. Встреча с Воробьевым оказалась таким толчком для героя повести Полевого. Внутренне подготовленный к подвигу, Мересьев теперь совершает этот подвиг. А вдохновил его, помог вернуться в боевой строй тот, о ком, провожая Воробьева в последний путь, говорят немногословно и очень точно: «Настоящего человека хоронят... Большевика хоронят».

Вдохновляющая сила партийных идей — вот чем может гордиться наше общество, наша литература. В книгах, посвященных Отечественной войне, часты такие образы: комиссар, «как какая-то гигантская динамо-машина, заряжал людей моральной и духовной энергией» (Петро Вершигора, «Люди с чистой совестью»); замполит — «старый отец в круту семьи» (Олесь Гончар, «Знаменосцы»); коммунисты, распространяющие в массах «семена могучей веры» (Михаил Бубеннов, «Белая береза»).

В литературе послевоенного периода читательскую любовь также завоевали образы партийных работни-

ков, щедро сеющих в массах «семена могучей веры», как это делает, например, Алексей Воробаев. Но на фоне монументально-величественных фигур всевластных «хозяев» «своего» колхоза, «своего» завода, вроде Листоппада, представители партийных организаций частенько так и оставались лишь «представителями». Многие из них, заявляя о своей самостоятельности, на деле только поддакивали волевому директору или председателю.

Не более жизненными оказались и вдруг замелькавшие в некоторых сочинениях «борцы» против культа личности, вернее, крикливые обличители, толком и не знающие, чего они хотят. В такой роли, случалось, выводили старых большевиков, невинно пострадавших и возвращаемых авторами к активной жизни, которая сводилась, повторяю, к произнесению «радикальных» речей обличительного свойства.

Сейчас уже стала объектом сатиры и другая схема, которая была когда-то довольно распространенной: консервативный в силу одного служебного положения хозяйственник и его непримиримые противники, прогрессивные опять-таки лишь потому, что не принадлежат к руководящей «верхушке».

Надо ли снова и снова оговаривать, что жизнь многообразна, в ней встретится и пассивный парторг — «придаток» к хозяйственнику, и бюрократившийся хозяйственник, которого не могут не атаковать члены его же парторганизации. Эти, как и все другие человеческие типы, имеют полнейшее право на художественное изображение. Но не меньше, а наверняка больше такого права у коммунистов, выдвинутых сегодняшним этапом общественного развития. Временем, когда в партийный критерий оценки наших кадров органически входят идейность работника и его деловитость, демократизм и профессиональная компетентность. Эту «сложную цельность», применяя употребленный выше термин, и отстаивает партработник, делающий одно общее дело со специалистом в определенной области хозяйственной, государственной, общественной деятельности.

И хозяйственник и партработник равно не смогут сегодня решить встающие перед ними задачи без опоры на коллектив. Но у каждого свой подход к этой работе. Превращать начальника цеха или колхозного

бригадира в агитатора никто не намерен, хотя они должны шире общаться с людьми. Парторг также обязан вникать в хозяйство, но ему ни к чему подменять хозяйственника. Его призвание — мобилизация людей на осуществление задач, стоящих перед коллективом. Чтобы выполнить свою роль, он должен жить интересами коллектива, хорошо знать и учитывать нужды и запросы конкретных людей. Если партработник обладает острополитическим подходом к любому «специальному» вопросу и педагогическим даром, он сможет «по-клычковски» дополнить нынешнего «командира» — командира производства.

Подобное «дополнение» не всегда происходит идиллически; конфликты ряда литературных произведений воспроизводят борьбу «человека партии» за социалистические принципы хозяйствования. И против тех, кому такие принципы чужды, кому не место на руководящем посту. И против предубеждений, просчетов, свойственных людям честным и способным, но упускающим из виду социалистический характер всякой деятельности в наших условиях, в том числе хозяйственной.

Это не воскрешение избитой схемы: рутинер — новатор. Сегодня хозяйственный руководитель весьма активен в осуществлении намеченных планов, готов перекрыть их, не прочь и «блеснуть» своим размахом, организаторским талантом. Но у непродуманной активности есть оборотная сторона, это недолговечность успехов, достигнутых за счет штурмовщины. Вмешательство партийной организации означает не ожесточенный бой с директором или председателем колхоза, — ведь они не враги, субъективно хотят лучшего, задача состоит в том, чтобы вернуть зарвавшихся на партийный путь. Чтобы соответствующим образом корректировать действия работников, обращающих внимание лишь на хозяйственную деятельность, в то время, как они обязаны во всем руководствоваться требованиями партийности, никогда не забывать об интересах коллектива в целом, каждого его члена в отдельности. Работая сообща с руководителем учреждения, предприятия, парторг старается быть ему верным сотоварищем и вместе с тем осуществляет право контроля, предоставленное партийной организации Уставом КПСС.

Для художника, знающего современную жизнь, за

параграфом Устава открываются далеко не однозначные общественные, нравственные коллизии. Сплошь и рядом руководство современным промышленным, научным, аграрным предприятием поручается людям крупным, волевым. В подавляющем своем большинстве они не станут по-вальгановски использовать предоставленную народом власть. Но как лучше пользоваться ею, не забывая о демократических требованиях, о необходимости работать «в одной упряжке» с партийной организацией,— об этом приходится всерьез думать руководителю коллектива.

К сожалению, не легко назвать значительные современные произведения, где такой конфликт разработан с высокой мерой художественности и впечатляюще воплощен в характерах. Он намечен в романе Андрея Старцова «Сухой Бор».

Сюжет «Сухого Бора» насыщен драматическими событиями. Как и в романе Колесникова «Изотопы для Алтунина», в «Сухом Боре» передана массовая увлеченность смелыми планами научно-технического прогресса. По первому же совету секретаря горкома управляющий трестом Шанин берет непосильные обязательства. За Шаниным идет парторганизация треста. Ее руководители не замечают шанинского прожектерства. Но его долгое время не замечают и в вышестоящих партийных органах, хотя уже по сводкам ясно, что обязательства провалились с треском. Правда, в конце концов обком остановил этого руководителя и строго указал горкому и парткому треста на их несостоятельность и беспринципность.

Авторский замысел понятен: не раскладывать на две полочки персонажей — одни отрицательные, с первой секунды понятные в их «отрицательности», другие целиком положительные, немедленно начинающие сражение с первыми; не превращать еще одного хозяйственника в очередного литературного злодея. Шанина подвергли острой критике не для того, чтобы «отсечь» от партии, а для воспитания ошибавшегося, однако не безнадежного работника.

Интересный замысел не получил полного проявления, потому что характер взаимоотношений Шанина с работниками, поддерживавшими или критиковавшими его, изображен внешне, без глубокого сопоставления душевных стремлений, двигающих людьми. Это рас-

пространенный недостаток, связанный с описательностью многих литературных произведений. В них редко встречается всестороннее изображение взаимоотношений тех, кто работает «в одной упряжке». Может быть, картину сможет дополнить наша публицистика?

Активизация современной художественной публицистики несомненна. Вышло несколько сборников — однотомных и двухтомных, посвященных Коммунистической партии. В них собраны портреты передовиков пятилетки, рядовых коммунистов, партийных работников. Последние показаны и во взаимоотношениях с руководителями разных рангов и типов. Отть Кооль в очерке «Душа победы» сопоставляет двух руководителей — властного директора совхоза Калласте и на первый взгляд чересчур мягкого, а на самом деле очень целеустремленного парторга Кондоя (сборник «Века сыновья»).

У Калласте и Кондоя не обходилось без споров. Вспыльчивого директора, случалось, приглашали в партком, иногда ему удавалось обосновать (но именно обосновать!) свои решения, нередко приходилось менять их, и, как правило, учитывая советы членов бюро, парторга. Директор и парторг, пишет Отть Кооль, — «оказались противоположными по характерам. Жизнь Калласте и медлительность Кондоя порождали на первых порах между ними частые стычки. Потом они сблизились. Сблизились настолько, что даже стали похожи друг на друга: когда непогода заставляет надеть пальто и шляпу, их со спины можно даже спутать. Но дело, конечно, не в похожести — дело в общности их стремлений. Все проблемы, связанные с перемещениями людей на работе, Калласте, как раньше, так и теперь, обсуждает с Кондоя. Иной раз может создаться впечатление, что Кондоя — человек мягкий, даже чересчур уступчивый и тактичный. Но Калласте утверждает, что Кондоя, обнаружив неполадки или верхоглядство, становится непримиримым, бьет кувалдой. Интересно, как это Кондоя, молча улыбаясь, «бьет кувалдой» в кабинете Калласте? В выражении лица и жестах Кондоя таится не меньшее, чем у Калласте, упрямство, только оно глубоко скрыто.

Калласте легко говорит людям «ты». Не каждому, но тем, с кем он тянет один воз. Это характерно для

многих руководителей его поколения, прошедших войну. Очевидно, сказывается привычка военного времени. Такое обращение — свидетельство уважения и признания.

Кондоя это не свойственно.

«Ты» Калласте — это «вы» Кондоя — они равноценны... до конфликта. «Вы» Кондоя имеет несколько оттенков, в зависимости от того, с кем он разговаривает. «Ты» Кондоя может быть гораздо более отстраняющим, чем «вы» Калласте. Кондоя обладает еще одним качеством, которого нет у Калласте. Калласте отдает распоряжения, продуманные и правильные, но быстро и резко, Кондоя же старается объяснить свое распоряжение. Ни того, ни другого нельзя упрекнуть в начальственном высокомерии.

— Чем ты можешь меня поддержать, парторг?

...Рядом с энергичным и решительным директором ведь и должен находиться уравновешенный, хорошо знающий людей парторг — они должны дополнять друг друга. В этом удачное, можно сказать, даже счастливое воплощение и сочетание партийно-хозяйственного принципа руководства...»

Такое воплощение и сочетание принципов руководства — в этом современное разрешение вновь и вновь возникающей «чапаевской ситуации». Отть Кооль показал двух руководителей, обладающих сильными, хотя неодинаковыми характерами. Калласте и Кондоя на равных ведут общее дело, но у каждого стиль работы, наиболее соответствующий его характеру и жизненному призванию.

Когда критики не находят в литературном произведении подобного интеллектуального «равноправия», это некоторых из них путает: нонсенс, принижение образа партийного деятеля! А принижения никакого нет, есть верность «расстановке кадров», которую являет сама жизнь. Тот же Клычков не был «выше» Чапаева, не собирался командовать дивизией, а остался в истории литературы идейным наставником героического начдива. И теперь весьма обычно — в жизни и литературе — встречать знакомую нам «пару»: с размахом решающий свои задачи строитель, организатор производства — и на первый взгляд весьма скромный, а на деле очень решительный партийный работник. Не нужно удивляться, что писатели рисуют первого круп-

ным планом. Мне кажутся ничуть не устаревшими соображения, высказанные на этот счет Александром Фадеевым.

В романе Веры Кетлинской «Дни нашей жизни» ему понравился образ директора завода Немирова и не понравился — парторга Диденко. Почему? Причины, по мнению Фадеева, не в писательском неумении. «Вы совершили,— утверждал Фадеев в письме к Кетлинской,— ошибку многих: желая показать примат партийного руководства, Вы с самого начала поставили Диденко в нескромное положение человека, «поучающего» Немирова, выполняющего даже некоторые функции организатора собственно-производственной деятельности *помимо Немирова или рядом с ним*. Это — ошибка. За случайными исключениями, директора предприятий как руководители — крупнее парторгов, и не случайно в таких индустриальных городах, как Запорожье, Магнитогорск, Кузнецк и пр., именно директора комбинатов и заводов, а не парторги — члены бюро горкомов. Если парторг «сильнее» директора, партии выгоднее сделать его просто директором. Функция парторга — функция политического воспитателя и организатора масс *в помощь* директору и функция партийного «глаза» и контроля на предприятии в широком смысле».

На эти соображения Фадеева, видимо, натолкнул не только роман «Дни нашей жизни». Они написаны в 1953 году, когда он начинал работу над «Черной металлургией», оставшимся незавершенным произведением о строительстве коммунистического общества, где предполагал вывести широкий круг современников: рабочие, ученые, хозяйственники, партийные работники. «Главная... мысль романа,— говорил автор в одном из писем,— это мысль о коммунистическом перевоспитании людей...» Вопросы воспитания, считал Фадеев, «тесно связаны с вопросами коммунистической морали, понимаемой в широком смысле: выполнение своего долга перед народом и государством, отношение к труду, к общественной собственности, к воинскому долгу, отношения дружеские, любовные, семейные, поведение в быту» (статья «Заметки о литературе»).

Такой вот широкий взгляд на политическое и нравственное развитие общества озаряет особым светом и фадеевские образы коммунистов. Внешне сюжет «Раз-

грома» строится на боевой операции партизанского отряда; внутреннее его содержание — перемены в духовном мире бойцов, подготовленные Левинсоном. В «Последнем из удэге» мы попадаем в атмосферу внутрипартийной жизни, близко знакомимся с биографиями большевиков-революционеров, со своеобразием отношений, связывающих Петра Суркова и Алешу Маленького: совместное участие в партработе и боях с оккупантами, теплая дружба, разногласия по тактическим вопросам. Политическое и нравственное неотделимо.

Прекрасные нравственные стремления людей, красота их патриотических подвигов — вот что с 40-х годов все чаще романтизирует Фадеев, прежде осуждавший абстрактную романтику. К подвигам советские патриоты подготовлены всей своей жизнью; в нужный родине час совершают их смело и самоотверженно, как совершали отцы и деды, о которых мы писали выше, о которых рассказал и сам Фадеев. Краснодонские комсомольцы стали такими героями, им и посвящена «поэма в прозе» «Молодая гвардия».

Известно, что роман подвергся в свое время критике за недостаточно яркое изображение коммунистов старшего поколения. Известно, что появляются высказывания, оспаривающие эту критику и необходимость авторской доработки текста. В книге, посвященной образу коммуниста в жизни и в литературе, было бы недопустимо уходить от этих споров, тем более что, как мы увидим, они тоже подводят нас к одному из вариантов «чапаевской ситуации».

3

Считать первую редакцию «Молодой гвардии» идейно ущербной было бы неправильно; критика в ее адрес была чересчур резкой, а обвинения в «сгущенности» картин отступления — вообще необоснованными. Неверно было бы требовать от автора и такой перестройки романа, при которой боевая жизнь молодогвардейцев отодвинулась бы на задний план, а заглавными стали фигуры Шульги или Валько, Лютикова или Проценко. Ну, а если центральными остаются образы юных краснодонцев, а рядом с ними действуют более опыт-

ные товарищи, как это и было в действительности,— где тут умаление самостоятельности совершенного молодежью подвига, как приходилось слышать от противников второй редакции?

Не зная о тщательно законспирированном партийном подполье, автор не захотел подробно рассказывать о нем в художественно-документальном произведении. Совсем же обойтись без образов коммунистов не мог, и изобразил не руководителей подполья, оставшихся ему неизвестными, а тех, кто продолжал действовать — в одиночку, без связей с людьми, обрекая себя на провал. Это оказалось недостаточным. Фадеев рисовал широкую картину патриотической борьбы советского народа с немецко-фашистскими захватчиками, — допустимо ли выключить из нее силы, реально направлявшие деятельность партизан-комсомольцев?

Вот именно: направлявшие. Заявления Фадеева о том, что он принимает критику и считает нужным внести исправления в роман, были самым серьезным образом взвешены писателем. Сведения о ворошиловградском партийном подполье, которые он получил уже после опубликования первой редакции «Молодой гвардии», укрепили Фадеева в убеждении: глубина нравственных стремлений, двигавших молодежью, ничуть не потускнеет, если показать, как их организационно поддерживает партия, как поднимает на еще более высокий уровень, обогащая знанием и опытом большевистской борьбы. «Чапаевская ситуация», в нашем — расширительном — ее толковании!

Переработка романа не была механической. Автор не убрал ни одного эпизода, рассказывающего о самостоятельности сделанного комсомольцами выбора, об их инициативных действиях. Его цель — художественно восстановить связи, без которых не могло функционировать молодежное подполье, и раскрыть характер отношений, связывающих молодых с представителями партии. «Дописывая» образы коммунистов, которые уже были в романе, и вводя новых персонажей, Фадеев не во всем добился успеха; некоторые образы, например, Баракова, художественно бледны. Но ему удалось яснее объяснить позицию тех персонажей, кто, как Шульга и Валько, совершил непоправимую ошибку, разучившись верить людям. Возросла роль Лютикова и Проценко — умелых организаторов борьбы.

Читатель романа убеждается: без них мы меньше бы узнали и об этой борьбе, и о молодогвардейцах. К тому же известно, что о встрече с партийными руководителями мечтала сама молодежь, искала ее. Молодоговардейцы, в отличие от некоторых нынешних критиков, особо беспокоились, удастся ли им нащупать связи с райкомом партии. Им нужны и советы, и материально-техническая помощь, и живой ориентир в жизни.

Быть таким ориентиром — не простая, но первостепенная обязанность коммунистов, привычная уже потребность. Подобная потребность всегда жила в секретаре райкома Лютикове. Организатор и воспитатель неотделимы в людях типа Клычкова, Левинсона, Корчагина, Давыдова, Лютикова. Фадеев дает обобщенный портрет партийного работника.

«В разных областях деятельности можно встретить много самых различных характеров партийного руководителя с той или иной особенно заметной, бросающейся в глаза чертой. Среди них едва ли не самым распространенным является тип партийного работника-воспитателя. Здесь речь идет не только и даже не столько о работниках, основной деятельностью которых является собственно партийное воспитание, политическое просвещение, а именно о типе партийного работника-воспитателя, в какой бы области он ни работал, — в области хозяйственной, военной, административной или культурной. Именно к такому типу работника-воспитателя принадлежал Филипп Петрович Лютиков.

Он не только любил и считал нужным воспитывать людей, это было для него естественной потребностью и необходимостью, это было его второй натурой — учить и воспитывать, передавать свои знания, свой опыт.

Правда, это придавало многим его высказываниям характер как бы поучения. Но поучения Лютикова не были назойливо-дидактическими, навязчивыми, они были плодом его труда и размышлений и именно так и воспринимались людьми».

Какая там «дидактика», если Лютиков, его товарищи причастны ко всем акциям краснодонцев. С разрешения райкома партии комсомольцы выкапывают типографский шрифт, вывешивают в праздничные дни

красные флаги, вырабатывают план нападения на тюрьму. Коммунисты рекомендуют им добиться у немцев разрешения открыть клуб, где можно собираться легально, требуют усиливать бдительность, тщательнее проверять принимаемых в организацию. Лютиков учит вести конспиративную и агитационную работу, советует «дать понять каждому своему человеку, что за всеми нашими делами партия стоит».

Молодежь по велению сердца поднялась против врага; большевики-организаторы, ничуть не подменяя ее, сумели стать очень близкими и нужными юным подпольщикам. Не напрасно художник, перерабатывая роман, выделил притягательные для юношества нравственные качества большевистских руководителей, глубоко «прописал» внутренний мир Проценко.

Фадееву важно передать преемственность в развитии нравственных качеств, которые рождены революционной борьбой, обогащены в годы социалистического строительства и в полной мере проявили себя в грозных испытаниях Великой Отечественной войны. Мечта о человеке будущего окрыляла Левинсона. Отдельные его черты разглядели в своих современниках дальневосточные партизаны — герои романа «Последний из удэге». Во весь рост распрямился новый человек в «Молодой гвардии»; о нем говорит Екатерина Павловна, встретившись с бойцами Красной Армии: «Это были уже люди новой складки. Они не только овладели мощностью новой техники, они по духовному облику своему как бы перешли в новый, высший класс истории человечества».

Молодогвардейцы — уже в этом «классе».

Эстафета идей, знаний, опыта, которую молодогвардейцы перенимают от старших, — это эстафета всей истории советского государства. Наши государственные и общественные установления формировали черта за чертой духовный облик людей «новой складки». Что-то передавалось от предшественников. Чему-то приходилось учиться в соответствии с новыми историческими потребностями. Связь времен, поколений, идей и характеров остро и живо ощущается Фадеевым. В лирическом монологе он сопоставляет подвиги молодогвардейцев и друзей своей владивостокской юности. Устами юноши обращается к труженице-матери. От

имени родителей говорит о тревоге за детей, благословляет их на патриотическую борьбу. Реконструирует обстановку, в которой росли юноши и девушки Краснодона: портреты героев гражданской войны и песни той поры, гордость трудовыми достижениями отцов-стахановцев.

Во второй редакции, развивая бегло высказанные раньше мысли о влияниях, обогативших характер Олега, автор приходит к принципиально-важному обобщению:

«Никто не мог бы сказать, в каком тигле сердца сплавилось у этого шестнадцатилетнего юноши что-то из самого ценного опыта старших поколений, незаметно почерпнутое из книг, из рассказов отчима, а особенно внушаемое ему теперь его непосредственным руководителем, Филиппом Петровичем Лютиковым — как сплавилось это в его сердце с испытанным им и его товарищами собственным опытом первых поражений и первых осуществленных замыслов».

В сердце человека социалистической эпохи сплавлено то, что получено от предшественников, с тем, что приобрел он сам, продолжая начатое ими, — вот нравственные плоды «ситуаций», сводивших советских людей с партийными организаторами и воспитателями, которые учили молодежь следовать вдохновляющему примеру большевиков.

Этот очерк мы начали упоминанием о силе преемственности, связывавшей героев гражданской войны с теми, кто подружился с ними в детстве, а сейчас уже старается укреплять дружбу с собственными детьми. «Опять проблема отцов и детей, — скажет иной читатель нашей книги, — какое имеет она отношение к образам партийных организаторов и воспитателей?» Самое прямое! И об этом свидетельствуют не только история, не только такие художественные памятники эпохи, как, к примеру, романы Островского и Фадеева, где молодые сражаются в одном строю со старшими. Сегодня, когда наши идеологические противники, разномастные путаники разглагольствуют о «вражде поколений» в социалистическом обществе, жизнь приносит новые и новые подтверждения прочного политического и нравственного, человеческого содружества революционеров, строителей разных возрастов.

В нашей стране в последние годы еще больше укрепилось уважение молодежи к завоеваниям, которые обеспечили ей мир и счастье.

Каким всенародным праздником стало 30-летие Победы над фашистской Германией! Много можно организовать, но кто смог бы собрать на улицах многочисленные группы юношей и девушек, которые, выйдя смотреть салют, сопровождали громким «ура» каждый залп. Хором — под гитару! — пели революционные песни. Старались разглядеть и пересчитать ордена и медали на гражданских пиджаках ветеранов (нет, не правы мы в подчеркнутой скромности, ненося в будние дни знаки высокого признания Родины!).

А тот торжественный ритуал, который, опять-таки без чьей-то подсказки, ввел народ! У могилы Неизвестного солдата благоговейно останавливаются пары — нарядные, взволнованные — жених и невеста; они пришли сюда в светлый день начинающейся совместной жизни. У скромных обелисков — неисчислимо много их на нашей покрытой славой и политой кровью своих сынов земле! — всегда живые цветы. Юные следопыты установили фамилии многих погибших солдат и офицеров, пионеры ежегодно совершают походы по местам боевой славы, литераторы, родившиеся в сорок четвертом или сорок пятом, пишут о войне, о своих отцах. Мы научились свято беречь память героев, и тому помогли пронзительные слова: «Никто не забыт и ничто не забыто».

Вдумаемся в эти, и не только эти факты, и порадуемся за чудесную советскую молодежь, которую никому и никогда не оторвать от наших революционных традиций.

Не будем, однако, ограничиваться восторгами, подумаем и о том, достаточно ли мы заботимся об углублении взаимопонимания старших и молодых, о совершенствовании нашей воспитательной работы.

Кто отважится всерьез утверждать, что совершенно одинаковы по привычкам, вкусам, манере мыслить, одеваться, разговаривать шестидесятилетний и двадцатилетний! Да это и не нужно, пусть у каждого возраста будет свое, ему присущее, для него естественное. Важно другое — единомыслие в патриотических делах и убеждениях, взаимоуважение. Важно, чтобы критично проверялись первые же сознательно сделанные в

жизни шаги, выбранные дороги. Чтобы идейность и принципиальность воспринимались как норма, а иждивенческие и потребительские настроения — как нечто аморальное, недостойное человека. Чтобы к единомыслию шли с обоюдной заинтересованностью — и «воспитанники», и «воспитатели». Где только не цитируются слова из «Молодой гвардии» о любви к матери: «Я целую чистые, святые руки твои». Отлично, что цитируются! Но не вредно бы почаще вспоминать еще одно место из того же романа — столь же страстный авторский монолог:

«Оглянись же и ты, юноша, мой друг, оглянись, как я, и скажи, кого ты обижал в жизни больше, чем мать, — не от меня ли, не от тебя, не от него, не от наших ли неудач, ошибок и не от нашего ли горя седеют наши матери? А ведь придет час, когда мучительным упреком сердцу обернется все это у материнской могилы».

Хочется верить, что «оглянется» и тот молодой человек, которому иной раз «некогда» подумать о родной матери, а привычки родителей кажутся старомодными. И нет сомнений: не станет циником питомец семьи, где все дружно трудятся, где господствует дух товарищества, где и старшие не позволяют себе пренебрежительного отношения к детям. А что греха таить, доводилось встречать убеленных сединами людей, привыкших поминутно попрекать молодежь: «В наше время было совсем иначе!»

Не надо закрывать глаза на большие и малые проблемы, на трудности и противоречия жизни. Но не надо смотреть и только на то, что под носом, утыкаясь в одни неполадки. Немало неполадок и у молодых строителей, однако лишь слепец не заметит, чьими руками сооружаются стройки, как молодежь приумножает трудовую доблесть отцов. А если подумать о событиях в современном мире! Горька и безысходна участь юношей и девушек, задурманенных буржуазной пропагандой, наркотиками, кликушествами ультралевых. Зато с нами миллионы друзей из стран социализма, нам протягивают руку братья по классу из капиталистических стран. Кто они, с кем и за кем идут в своих надеждах, в своей борьбе?

Это, как принято говорить, люди доброй воли. Их уже несколько поколений, коммунистов-революционе-

ров. До войны мы могли назвать только «отцов». Сейчас называем имена «детей» — и по идеям, и по кровному родству. Вековечное непонимание тех и других сменилось политическим единством. Мы говорим и о двух, столь близких друг другу поколениях. И непосредственно о семьях революционеров, где политическими учителями и воспитателями молодых нередко оказываются их собственные родители. Не надуманная «проблема отцов и детей» в общепринятом понимании, а замечательная реальность второй половины XX века!

Идейная преемственность, политическая ориентация на старших, стремление лично продолжить их дело — все это стало законом партийной жизни коммунистов всех стран. Близкие для себя образцы они находят у советских людей.

...Молодой парагваец Хулио Рохас, приехав в Советский Союз, побывал в Краснодаре и рассказывал затем о том, что там ему «было все до боли близко». Прощаясь с новыми друзьями, он говорил о фадеевском романе, о самоотверженности его юных героев: «Так поступали молодогвардейцы. Так поступают сегодня парагвайские коммунисты и другие патриоты моей родины». Хулио вспомнил своего отца.

Хулио Рохас-старший, член ЦК Парагвайской компартии, был схвачен 20 января 1958 года палачами. Его пытали, он гордо повторял: «Я — коммунист». В этот день сын «словно повзрослел на несколько лет». Себе сказал твердо: «Займу место отца!» Занял это место. Его арестовали. На допросах допытывались, не знает ли о друзьях отца, били тупой стороной сабли, топтали сапогами. Рохас молчал. Выйдя из тюрьмы, занялся организацией демонстраций против кровавой диктатуры.

...В апреле 1945 года Советская Армия освободила из гитлеровского концлагеря дочь Эрнста Тельмана Ирму. Связная компартии, она, до самого заключения в лагерь, активно участвовала в подпольной борьбе, сумела сохранить большую часть теоретических работ отца. О том, как были духовно близки дочь и отец, дают наглядное представление письма Ирме. Прочитируем одно из них, написанное осенью 1936 года: «...Хотя сегодня в Германии наше имя и ставится вне закона, я все же знаю, что многие люди называют и слышат его с радостью. Ты — единственный ребенок человека, который всю свою жизнь отдал рабочему движению, и

ты должна жить так, чтобы, как девушка, как моя дочь, быть достойной этого».

Жить так, чтобы оказаться достойным подвигов прославленных революционеров,—заветное стремление многих юных борцов.

Для Луиса Корвалана-младшего высшим жизненным примером был пример отца, руководителя чилийских коммунистов, тоже Луиса Корвалана. Отважный борец за свободу и счастье своего народа стойко переносит все тяготы и лишения, и сегодня на весь мир звучит мужественный голос, обращенный к мировой общественности, об этом же его письма близким, сыну — бодрые, напоминающие об обязанности жить, как положено коммунисту. Сын Корвалана до последней минуты вел большую партийную работу.

Вероятно, иные из этих примеров давно известны читателям. Почему же о них захотелось напомнить еще раз?

Во-первых, потому, что стоит подумать еще раз о всемирно-историческом значении бессмертного опыта большевизма, который, своеобразно преломляясь в различных национальных условиях, победоносно проявляется в главных своих чертах как ленинский стиль жизни коммунистов мира — идейных, убежденных, самоотверженных.

Во-вторых, потому, что писатели в своих книгах о молодом современнике редко выводят его на просторы широких размышлений, ограничиваясь описанием текущих забот, хотя советскому человеку, строителю коммунизма, предстоит осознать себя и как члена своего коллектива, и как гражданина всего общества, и как знаменосца идей социализма перед лицом человечества.

Сопоставляя в этой книге жизнь и литературу, мы обращаем особое внимание на произведения, верно воспроизводящие пафос современности, играющие активную воспитательную роль. Такая роль — понятие очень емкое и богатое, не сводимое к нескольким школьным заповедям. Впрочем, сами школьники говорят об этом без обиняков.

Когда «Комсомольская правда» начала обсуждать вопрос о преподавании литературы в школе, она получила пять тысяч писем. В них преобладала мысль,

выраженная следующим образом: «Литература и жизнь — сестры-близнецы. Их нельзя разлучить. Литература как урок должна отвечать на вопросы, которые волнуют молодежь, должна учить думать. Уроки литературы — это уроки нравственного прозрения».

Прекрасно сказано, эти слова можно отнести и к самой литературе. Произведения, подобные «Молодой гвардии», — тоже «уроки нравственного прозрения». Таких уроков пока не слишком много, но хорошо, что в книгах нынешних молодых и о молодых все отчетливее ставится вопрос об идейных традициях.

Прямых «диалогов» типа Жухрай — Корчагин, Воробьев — Мересьев в современной «молодой литературе» почти не встретишь. Чаще в ней — многоликий коллектив, в котором герои помоложе, вращаясь главным образом в своей среде, вместе с тем «подпирают» старших, организаторов, руководителей. Но в ответственный момент выясняется, что молодежь, словно бы и не вслушивавшаяся в сказанное ей, на самом деле готова к «отдаче».

Действенные, активные молодые герои сейчас характернее для нашей литературы, чем юные скептики, некогда хлынувшие в нее в большом количестве. Знаменательно, что это люди думающие, стремящиеся на практике отстаивать свои принципы. Совершая моральный выбор, они как бы оглядываются на тех, кто сумел прожить честно. О заветах отцов помнят комсомольцы 70-х, персонажи книг Александра Рекемчука, Владислава Титова, Владимира Чивилихина, Анатолия Алексина, Альберта Лиханова, Владимира Жукова, Владимира Амлинского, Нодара Думбадзе, Олега Куваева, Василия Чичкова, Юстинаса Марцинкявичюса, Виктора Потанина и других. Иногда в этих произведениях мы не видим представителя старшего поколения непосредственно «в деле». Тем не менее он оказывается для молодежи духовным ориентиром. Лирический герой повести Анатолия Макарова «Человек с аккордеоном» по-юношески восторгается своим дядей — тот не достиг каких-то должностных высот, зато был у него дар «людей из мрака вытаскивать, из усталости, из безнадежности, из отчаяния». Что такое счастье, — этого молодой человек еще не знает, но он уже узнал, что «есть люди, которые умеют его создавать»; дядя Митя «был

таким человеком», и теперь его мучительно не хватает, и так хочется быть похожим на него...

Хочется быть похожим на того, кто умеет жить «по чести», если вспомнить призыв Серпилина. Как Шатров-отец, основатель колхоза, погибший от руки фашистов; его сын тоже возглавил артель, он спас от огня колхозное поле (поэтическая трилогия Анатолия Чепурова «Шатровское поле»). Как дочь видного русского ученого Мария Ивановна Твердохлебова, опытный селекционер; она и ее муж презирают тех, кому «своя рубашка ближе к телу... А между тем партийный билет носят в нагрудном кармане» (киноповесть Бориса Можая «День без конца и без края»). Как герои широко известных пьес Виктора Розова, ненавидящие карьеризм, собственничество.

Нетерпимость к мелкобуржуазным пережиткам объединяет людей коммунистических убеждений независимо от их возраста или служебного ранга. У меня так и стоит перед глазами видный партийный деятель, рассказывающий о жизни своей республики. Он буквально загорался, развивая планы, — они опираются на огромные достижения; к примеру, здесь всего за несколько лет в двенадцать раз подняли производство ведущей сельскохозяйственной культуры. А потом сразу становился строгим, даже суровым, рассуждая о том, что мешает трудящимся нормально жить и работать. Проблемы борьбы с бедностью в этом крае уже нет. Но есть другая проблема: поднимая благосостояние, приходится бороться с накопительством, с «вещевой болезнью», которой кое-кто страдает. Одна из важнейших задач партийной организации — борьба против потребительского отношения к жизни, борьба с расхитительством, протекционизмом, воспитание молодежи в духе нравственной чистоты.

Наш собеседник начинает рабочий день с просмотра вышедших газет и одобрительных звонков тем редакторам, которые опубликовали острые материалы («За комплименты их похвалят без меня, а вот в поддержке критических выступлений они нуждаются, и теперь смогут сослаться на мнение «первого»). В особенности внимателен к статьям, посвященным молодежи. Горячо поддержал, в частности, фельетоны, обличающие «вещевую болезнь», привычку иных юношей и девушек бахвалиться дорогими подарками вроде золотых

колец и цепочек. Не менее существенным считает нелицеприятный разговор о качестве пропагандистской работы.

Все эти вопросы не оставляют равнодушными ни партийных работников, ни лучшую часть самой молодежи, становящейся все более непримиримой к потребительским настроениям, накопительству. В воспитание такой непримиримости вносит свой вклад и наша литература. Объяснение широкого общественного интереса к циклу повестей Юрия Трифонова, к роману Вилы Липатова «И это все о нем» — именно в их антимещанской направленности, хотя в адрес этих произведений и высказывались критические замечания. Сложные проблемы идейного, нравственного развития молодежи ставит Иван Шамякин в романах «Снежные зимы», «Атланты и кариатиды».

Не совсем ровные в художественном отношении, романы Шамякина знакомят нас с такими современными партработниками, как секретарь горкома Игнатович и секретарь обкома Сосновский. Отличаются эти романы и остротой конфликтов. Антонюк — герой «Снежных зим», видный руководящий работник, прямой и принципиальный коммунист, отказался в 50-х годах выполнять нелепые, крайне субъективистские требования. Зарвавшиеся волонтеры добились ухода его на пенсию. А теперь Антонюк сам едва не оказался в роли догматика. Его сын возмущается талмудизмом в преподавании общественных наук, а отец склонен усмотреть в этом протесте чуть ли не нигилизм. Болезненно раздражает его также иронизирование дочери над «предками». Но молодая запальчивость пройдет у младших Антонюков, бестактность они сами осудят, а в общем это хорошие, трудолюбивые, толковые юноша и девушка. Антонюк-старший, к счастью, понял это, сумел критически подойти не только к молодежи, но к самому себе. Он научился убедительно спорить о том, что временно разделяет его с сыном и дочерью. А в спорах кое-что воспринял и сам, хотя еще большему учил своих оппонентов. Главное же, добился взаимопонимания, идейной дружбы с ними.

Так и должно быть у советских людей, руководствующихся принципами товарищеского содружества и взаимоподдержки, действующих в условиях социалистического общежития.

Вот еще одно сегодняшнее понятие: социалистическое общежитие. Не правда ли, в него обычно вкладывается нечто весьма будничное? Не героика подвига, а повседневное существование. Социалистический, но быт же! И вместе с тем — это быт *новый*, люди теперь ведут себя по-иному, чем не только сто, но и пятьдесят, тридцать лет назад. По-иному потому, что их поведение диктуют еще более высокие нравственные нормы, — на этот счет двух мнений нет. Ну, а нужна ли ныне сама героика, есть ли место в жизни подвигам? Ведь будничные дела, повседневная работа, привычные порядки... Как и на первых страницах нашей книги, снова скажем о внутренней содержательности «будней». Каждый день приносит вести о мужестве, стойкости, героизме советских людей. О новых проявлениях и новых формах этого героизма, который правильно будет назвать героизмом на всю жизнь.

ГЕРОИЗМ
НА
ВСЮ ЖИЗНЬ

Проследить «перекличку времен» — один из принципов, которым руководствуется автор данной книги. Не только потому, что неразрывна основная линия литературной традиции. Но и потому, что за ней — славные вехи исторической эпохи, о рождении которой возвестил залп «Авроры» и которая продолжается поныне. Подводя черту под длинными веками жестокой эксплуатации человека человеком, опустошительных войн, нищеты и бесправия, восставший народ под руководством коммунистов вступил в новую полосу истории человечества, выработал стиль жизни, соответствующий ей.

Это — ленинский стиль жизни, работы, борьбы.

Создавая партию нового типа, руководя Октябрьским переворотом, приступая к программе социалистического переустройства страны, Ленин четко оценил характер существовавших — и подлинно революционных, и всевозможных псевдореволюционных теорий. В своих гениальных трудах он разоблачил оппортунистическую природу буржуазного либерализма, реформистской веры в «малые дела», скептического отношения к идеалу. Ленин раскрыл также и

вредоносность авантюристических упований на анархический «героизм» одиночек. Удивительно точны ленинские характеристики различных политических течений XX века.

«В лакейской» — образно названа статья, вскрывающая мировоззрение бесхребетных либералов, с их маниловским красноречием.

Столь же внутренне порочна мелкобуржуазная «революционность», она обладает свойством «быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным течением...»¹.

Пролетариату присущ иной стиль жизни, основанный на вдохновенном порыве и на трезвой готовности бороться стойко, упорно, не поддаваясь ни панике, ни головокружению от успехов. Требования к членам партии, являющей собой монолитную организацию, спаянную единством воли и дисциплины, соответствуют революционному характеру учения, которое вдохновило и объединило большевиков. «Марксизм,— писал Ленин,— отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс...»²

Революционная энергия и научный анализ перестали считаться взаимоисключающими понятиями, какими они были, скажем, для народников. По твердому убеждению Ленина, задача партии состояла в том, чтобы «подготавливать людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь...»³. В рядах большевиков сформировался тип революционера, борющегося воодушевленно и самоотверженно и вместе с тем непревзойденного мастера сложнейших организаторских дел, искусного конспиратора. Бабушкин, Камо, Свердлов, Дзержинский — целая плеяда сподвижников Ленина олицетворяет этот тип.

Большевистский стиль жизни и борьбы соответст-

¹ В. И. ЛЕНИН. Полн. собр. соч., т. 41, с. 14.

² Там же, т. 16, с. 23.

³ Там же, т. 4, с. 376.

вует условиям и потребностям новой исторической эпохи. Недаром многие революционеры мира призывают воспитывать у членов партии такую героическую стойкость. Характеристика коммуниста-борца, которую дал первый секретарь ЦК Компартии Уругвая Родней Арисменди, воспроизведена на обложках партбилетов этой компартии:

«Мы не являемся сектой или избранной группой заговорщиков; мы рождаемся в рабочем классе и народе, значит, мы простые люди, скромные и веселые, мы любим хлеб и вино, радость жизни, женщин и детей, мир и сердечную руку друга, гитару и песни, звезды и цветы; мы не отщепенцы и не мятежники, не люди, которые пытаются засунуть жизнь в узкие туфли фразеологии, как это делали в старину со своими ногами китаянки. Маркс — наш учитель — повторил, сделав своей, фразу Теренция: «Ничто человеческое мне не чуждо». Именно поэтому мы понимаем великого Ленина, нашего учителя, самого человеческого человека, который любил «Аппассионату» Бетховена, но решительно вел корабль революции и был несгибаемым перед врагом.

И именно поэтому мы уважаем скромный героизм повседневной революционной работы и не боимся — поэтому — другой работы, когда приходится терпеть пытки, идти под пули или на смерть».

О необходимости посвящать революции «всю свою жизнь» Ленин говорил еще в 1900 году. А в 1919-м он написал знаменитую статью «Великий почин». Почин исторического значения Ильич разглядел в коммунистических субботниках. Будничная, но проникнутая сознанием великой цели, опирающаяся на инициативу масс работа — непрерывное и высокое творческое горение.

«Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двудединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплуатируемых, увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также все мелкобуржуазные слои, на путь нового хозяйственного

строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство.

Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в каком случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы»¹.

Героизм и будничная работа — два этих слова выражают самую суть жизнедеятельности строителей коммунизма. В ходе революционной борьбы и социалистического строительства стремительно обогащался народный характер, и мы теперь без преувеличения можем заявить, что миллионы советских людей учились и во многом научились сочетать революционный размах с деловитостью и организованностью. Научно обоснованные методы хозяйствования, получившие глубокую разработку на XXIV съезде КПСС, успешно проверены в ежедневной практике множества промышленных и аграрных предприятий, работающих уже в середине и даже конце десятой пятилетки. На стахановский труд, на упорную борьбу за эффективность этого труда, за качество продукции народ увлекли коммунисты. Что им помогает идти вперед такими темпами, так эффективно? Исчерпывающий ответ дан в отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV партийному съезду:

«Нам всегда и во всех делах помогали революционная воля и размах, умение партии мобилизовать усилия миллионных масс на решение созидательных задач, трудовой энтузиазм рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. Сегодня, как никогда, необходимо еще теснее соединять эту великую силу с систематической, кропотливой организаторской работой, с последовательно научным подходом к ведению хозяйства, строгой самодисциплиной и деловитостью»².

¹ В. И. ЛЕНИН. Полн. собр. соч., т. 39, с. 17—18.

² Л. И. БРЕЖНЕВ. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3, с. 237.

Литература внесла заметную лепту в развитие общественной активности, энтузиазма, самодисциплины.

Свою проповедь идей социальной активности Горький связывал именно с тем качеством большевиков-ленинцев, которое точнее всего назвать «героизмом на всю жизнь». Героями на всю жизнь предстают в горьковских очерках Камо, Леонид Красин, Михаил Вилонov, другие революционеры. Показательна авторская правка очерка «В. И. Ленин». В первом варианте вождь революции сравнивался с героем легенды, вырвавшим из груди сердце, чтобы осветить им путь к свободе. Во втором варианте уже нет этого романтизированного сравнения, ударение перенесено на организаторский гений Ленина, на такие качества, как простота и демократизм, ясность и логичность мысли, заботливое отношение к товарищам, широта интересов и т. д. Подчеркивается, что «героизм его почти совершенно лишен внешнего блеска...».

Горькому были дороги любые проявления доблести, мужества, отваги, но с годами у него крепло убеждение в особой ценности тех качеств, которые не утрачиваются при столкновениях с трудностями. Вслед за легендой о Данко, рассказами о свободолюбивых босяках идет углубленное художественное исследование истоков стойкого народного характера.

Горький считал очень типичной фигуру перевозчика Тюлина — героя рассказа Короленко «Река играет». Вялый и апатичный в обычных обстоятельствах, Тюлин перерождается в минуту опасности. Случилось несчастье — течение уносит паром; в этот миг Тюлин «подтянулся, его взгляд становится разумнее, тверже», действует он быстро и уверенно. А стоило миновать опасности, — «и искра в глазах Тюлина утасла», он опять бездейтелен. Словом, нередкий тип «героя на час». Схожий характер Горький создал в своем рассказе «Ледоход». Задумался он и о том, кто же в русском народе может противостоять мгновенно вспыхивающим и быстро гаснущим натурам. Будущее — за лишенным внешней броскости, скромным, но надежным пролетарским героизмом Нила («Мещане»), Власова («Мать»), Синцова («Враги»), Рашели («Васса Железнова»), Рябинина («Достигаев и другие»), Кутузова («Жизнь Клима Самгина»).

Степан Кутузов — как раз из тех, кто посвятил революции всю жизнь, а не одни только свободные вечера.

Сюжетная роль Кутузова в произведении, на первый взгляд, ограничивает его участие в развивающихся событиях: большевик-ленинец появляется в романе лишь эпизодически. Непривычно для догматических представлений, согласно которым коммунист должен обязательно вводиться в каждое произведение, да еще в качестве заглавного героя. Но литература социалистического реализма развивалась и развивается вопреки схемам вульгаризаторов, на основе многообразных художественных решений. Мы знаем книги, главный герой которых коммунист, и они верно отражают социальную структуру нашего общества. В других этот образ не выведен на первый план, что ничуть не мешает авторам раскрыть руководящее воздействие партии. В третьих парторг, секретарь райкома не появляется на страницах романа или повести, пьесы, и все равно написанное с партийных позиций произведение воссоздает атмосферу победоносности ленинских идей. Наконец, известен и такой прием, как изображение персонажа через восприятие других действующих лиц, через полифонию их мнений и высказываний. Этим приемом широко пользуется автор «Жизни Клима Самгина».

Не будучи главным персонажем по движению сюжета, Кутузов является центральным по своему значению в нем. К нему тянутся, от него отталкиваются остальные действующие лица произведения.

Кутузовская правда, выраженная резко и прямо, опрокидывает блудливую «философию» Клима Самгина. Исключительный «по своей законченности», революционер Кутузов «был особенно враждебным» Климу, ибо воспринимался как человек, «который становится все более уверенным в своем значении, в своем праве учить, действовать». А вдруг, со страхом и ненавистью думает Самгин, Кутузов «разоблачит, обнажит его равнодушие к социально-политическим вопросам». К тому же ясно: раз грядет революция, — этот большевик «должен быть здесь», ведь люди его склада «проповедуют ее на фабриках, вызывают политические стачки». Теряющему последние остатки уверенности Самгину представляется, что «вихрь кружится

все более бешено, вовлекая в свой круговорот всех, кто не в силах противостоять ему, отойти в сторону, а Кутузовы, Поярковы, Гогины, Усовы неумоимо и безумно раздувают его».

Роман подтверждает: да, события и судьбы людские направляют те, кто вызвал вихрь, но не «безумно» раздувает его, как мнится Самгину, а подчиняет большевистской сознательности и организованности. Немногословный Кутузов четко формулирует смысл революционного учения и связывает теорию с потребностями практики; невольно вспоминаешь горьковские слова о Ленине: прост, как правда. Он пропагандирует передовую идеологию эпохи, язвительно обличает «легалый марксизм», народничество, нищезащитство, «богостроительство». Прямота, убежденность Кутузова отталкивает от него мелкобуржуазных болтунов, но привлекает рабочих, передовых интеллигентов, всех, кто, как и он, считает немыслимым лечить мир микстурой либерализма и верит только в «хирургическое вмешательство».

Настанет час «хирургического вмешательства» — Кутузов и его товарищи выполняют свое историческое предназначение. А пока... Пока подполье, споры с политическими противниками, с путающими и заблуждающимися, поражение первой русской революции, мрачные годы реакции, внутрипартийные трудности. Скольких сломила унылая проза повседневности, хотя они героически дрались на баррикадах, совершали отчаянные поступки. Кутузов дан в таком освещении, что всем ясно: он совсем иной! Скупость жестов, неторопливая, ровная речь, исходящее от него ощущение спокойствия — все говорит о человеке, который способен на долгое и упорное единоборство с враждебными силами. Кутузову принадлежат слова, близкие ленинским высказываниям и как бы подытоживающие многолетние раздумья самого Горького: «Революционеры от скуки жизни, из удалства, из романтизма, по евангелию, все это — плохой порох». С «героями на час», заявляет Кутузов, «надобно проститься, потому что не обходим героизм на всю жизнь, героизм чернорабочего, мастерового революции».

Может быть, горьковские заповеди относились только к прошлым временам? Нет, в образе «мастерового революции» олицетворялся хозяин жизни, борец и

победитель. В советское время Горький писал о продолжателях кутузовских дел. Таких уже миллионы, их принято называть «маленькими людьми», а нужно говорить «о великой их работе» («О «маленьких» людях и о великой их работе» — название знаменитой горьковской статьи). Отвечая на оживленно дебатировавшийся в конце 20-х годов вопрос о положительном образе, Горький вернулся к уже знакомому нам определению и расшифровал его применительно к трудовым будням советского народа и задачам советской литературы.

«Героев на час и героев на день у нас было много, но они не оставили особенно яркого следа в жизни и, несмотря на бесспорное мужество подвигов, не могли заметно изменить ее тягостных условий.

Но вот условия изменены, требуется напряженная работа для дальнейшего развития их в сторону более широкой свободы творчества, требуется героизм не на час, а на всю жизнь.

Мне кажется, что молодая литература не совсем ясно чувствует глубокое различие героизма на час от героизма на всю жизнь, что ею все еще не понята необходимость поэтизации труда и что гораздо труднее, чем убить человека, вкоренить в его сознание, затемненное и отягченное различными предрассудками, мысль, непривычную ему: человек — не ничтожество».

Горький предвидел, что, прочитав написанное им, кто-нибудь скажет: «Это дифирамб!» И в статье «Десять лет» подтвердил: да, дифирамб тем людям, которые умеют работать для освобождения человека, для организации новых форм жизни. С гордостью заявил:

«Большевики стремятся к этому с явным для всех честных и не ослепленных злобою успехом, с изумительной энергией».

Полемическая заостренность подобных высказываний вполне объяснима. Отстаивая боевую активность советской литературы, Горький отрицательно оценивал произведения, где натуралистически воспроизводились одни только приметы старого быта. Их авторы исходили из представлений о якобы извечной пассивности человеческой натуры. Между тем и в будничных обстоятельствах социалистического переустройства жизни

героизм не тускнеет. Не каждому сужден героический подвиг, но *внутренняя готовность* к нему живет и зреет в советском патриоте. Отважный поступок как бы высветляет всю прожитую им жизнь. Если и не довелось совершить подвига, все равно верность большой идее окрыляет человека.

«Героизм на всю жизнь» — это вдохновляющее мировосприятие и повседневная практика тех самых «маленьких людей», тружеников и борцов, которые, строя коммунизм, совершают работу великую, дела всемирно-исторические. Сами они зачастую и не задумываются о величии совершенного. А задуматься надо, и искусство может помочь в этом.

Через всю нашу литературу проходят образы людей труда, по-чапаевски осознавших свое значение в истории и ответственность за ее ход. Революционный переворот выдвигал и тех, кто оказывался способен лишь на мгновенный порыв, кто потерял себя в противоречиях нэповских лет, в соблазнах материального достатка. В движении масс потери неизбежны; но писатели-гуманисты не хотят мириться с человеческими потерями, поднимают голос против обывательской успокоенности, душевной апатии. Автору замечательной повести «Звезда» Эммануилу Казакевичу принадлежит менее известный, но также полный глубокого смысла рассказ «При свете дня». Лишь после гибели мужа Ольга Нечаева поняла, какой яркой личностью был этот скромный, незаметный человек. Слушала Ольга товарища своего мужа и болезненно переживала, что в свое время не разглядела его «удаль, ум, презрение к смерти, обаяние... Как могла она считать Нечаева пресноватым и скучноватым, в то время как в нем лучшие человеческие черты были в избытке и в чудесном сочетании? Все это она пропустила сквозь пальцы, как воду».

В художественной структуре различных произведений современной советской литературы проявились характерные приемы.

Часто это подчеркнуто «будничные» интонации, как в прозе Кожевникова и Липатова; они «проникли» и в поэзию. Так, стихотворение Бориса Олейника «Коммунисты» начинается строками: «Ходят среди нас неслышно люди, неприметные, такие же, как все». А потом выясняется: «Только в час тяжелых испытаний

право к ним особое придет» — право первыми браться за самое трудное, идти в бой.

В других случаях акцентируется красота душевных исканий, ведущих к мужественному выбору. В романе Олеся Гончара «Циклон» привычные для автора романтические и лирические интонации по-новому сочетаются со строгим реалистическим рисунком, с углубленным психологическим анализом. В борьбе со стихией, за спасение людей раскрывается готовность к подвигу, живущая в трезвых наших современниках. Они находят высокую поэзию там, где в полную силу проявляются «неукротимая воля, где мужество и дух самообладания спланивают людей для действия, для испытаний, может, трагических». Герои романов Павла Загребельного «С точки зрения вечности» и «Переходим к любви» руководствуются точкой зрения, которую выразил инженер Леонид Шляхтич: у человека всегда «должны быть высшие интересы, высшие цели».

Наконец, надо сказать о движущей некоторыми писателями потребности прямо заявить о героизме, о «необыкновенности» обыкновенных наших современников. В свой роман «Сильнее атома» Георгий Березко включил патетическое отступление:

«Рядовой Матросов,
зачисленный навечно в списки своего полка,
Зоя Космодемьянская,
капитан Гастелло,
политрук Клочков,
неизвестный солдат,
над могилой которого горит
неугасимый огонь некончающейся скорби,—

все

за мгновенье до подвига
были

«простыми, маленькими, обыкновенными».

И не правильнее ли поэтому говорить, что среди нас повсюду и каждодневно живут, ходят, теснятся в автобусах, спешат на работу, сидят в кинематографах великие,

лишь не узнанные пока

герои».

Не узнанные пока герои! Разглядеть их духовные потенции — задача нашей литературы. Конечно, она не должна проходить и мимо тех, кто мелок по своим духовным стремлениям, должна верно характеризовать их возможности. Но всего ценнее художественное открытие того рядового, «простого» человека, кто со времен Чапаева, Журкина, Соколова нравственно рос, становясь яркой социалистической личностью. Это вовсе не помпезные фигуры, как тщатся доказать «советологи». И действуют они отнюдь не в идиллической обстановке; наоборот, «герой на всю жизнь» — неутомимый труженик, искатель, это борец, не изменяющий своим идеалам и не мирящийся со злом. Вся его жизнь — упорная, беззаветная борьба.

Готовность всегда оставаться на переднем крае, не сдаваясь перед трудностями, Чингиз Айтматов показал как типичную черту не какого-то избранного героя, а рядового нашего современника. На художественно многоцветных картинах, нарисованных Чингизом Айтматовым, — кипение борьбы, крупные характеры, драматические судьбы. Очень разные судьбы. Юная девушка, во имя своей любви порвавшая с устаревшими традициями. Старая женщина с ее неизбывным материнским горем. Первый учитель, принесший свет грамоты в киргизскую степь. Подросток, совсем еще мальчик, такой незащищенный перед агрессивностью зла. Один из колхозных коммунистов, — мы встречаемся с ним уже на закате его дней. Самые обыкновенные люди! Но стоит поближе к ним приглядеться, и увидишь, через какие бури эпохи и бесконечные испытания нелегких ее будней пролегли их жизненные дороги. Какие страсти обуревали их, какие трудности пришлось им преодолеть!

В повести «Прощай, Гульсары!» сравнительно немного реалий времени. Но оно как бы пропущено через душу человеческую и оживает в биографии главного героя — Танабая. Ни на минуту нельзя отделить судьбу Танабая от десятилетий, которые подняли его на гребень общенародных событий, сделали активным участником колхозного строительства, Отечественной войны, столкнули с послевоенными трудностями. Давайте еще раз перелистаем страницы жизни человека, что, прощаясь со своим верным конем Гульсары, итжит прожитое им самим («Стареет человек, а душа не

желает сдаваться, нет-нет да и встрепенется, подаст свой голос»).

...Бегал Танабай мальчишкой-подпаском по бескрайней степи. Пришла революция — «другая жизнь началась. Захватила, понесла, кружа голову». Вступил в комсомол, в партию. «А когда коллективизация началась, Танабай прикипел к этому делу всей душой». «Этим делом» занялись по призыву партии сами крестьяне, занялись самозабвенно. «Перевернули все, перелопатили старое». Танабай был одним из «могильщиков старины». Старину хоронили беспощадно, даже от привычных, удобных для степняков юрт отказались. Танабай возмутился, когда у кого-то возникли колебания, раскулачивать ли его сводного брата Кулубая: «А чего сомневаться? Раз есть в списке — значит, кулак! И никакой пощады!» Горячие, нетерпеливые, не всегда успевали продумать последствия. Теперь, на старости лет, Танабай понимает, что все было сложнее, чем ему виделось тогда. Только время обратно не вернешь!

Ошибок не избежали, но главные свои задачи организаторы колхозов выполнили. Победа колхозного строя — удивительное время: «как солнца восход». Перед войной в колхоз пришла первая полуторка. Созвали митинг, Танабай «стоял у кабины с красным флагом, как на празднике... То был мой флаг».

«То был мой флаг...» — в нескольких словах выражено мироощущение строителя, хозяина своей страны. А чуть ниже говорится и о других чувствах. В послевоенные дни, когда многие джигиты не вернулись домой, когда колхозные дела пришли в упадок, Танабай потрясенно спрашивает друга: «Почему мы теперь не поем, Чоро?» Война, знает Танабай, дорого обошлась народу. Однако знает и то, что в артельном хозяйстве «большая загвоздка», и это не может не беспокоить одного из тех, кто поворачивал крестьян на колхозный путь. Не ошиблись ли, избирая этот путь, все ли правильно делали? «Того и гляди, спросят: ну-ка, вот ты, партийный человек, колхоз начинали, больше всех глотку драл, растолкуй нам, как все это получается?»

«— А может, ошиблись, не туда пошли, не той дорогой? — Мучительно размышляя и о счастливых и о

трудных временах, Танабай в конечном счете отбрасывает сомнения. — Нет, не должно быть так, не должно! Дорога была верная. А что же тогда?.. Кого винить за все это?»

Не кого-то со стороны! — приходит к твердому убеждению Танабай. Верно делали, что *перестраивали*. Но перестраивали *круто*, не всегда умело. Тот же случай с раскулачиванием сводного брата. «А надо ли было? Раньше не сомневался, а после войны думал порой иначе. Не нажил ли лишних врагов себе и колхозу?»

Время лет не сломило Танабая, он такой же прямой, вспыльчивый (когда прокурор сказал оскорбительные слова, Танабай бросился на него с вилами). Но пережитое заставляет заново продумать многое. Колхозный чабан, рядовой коммунист (бывший коммунист! — после столкновения с прокурором Танабая исключили из партии) стремится осмыслить все, что происходило в эти тоды с ним, с народом, с государством.

Ведя счет достижений и потерь в колхозном деле, Танабай примеривает их к своим поступкам. Выясняется, что все лучшее в его личной жизни неотделимо от общих успехов. Радостная атмосфера царила в пору создания колхоза, тогда молодой Танабай познал счастье свободного труда, на полном сил коне Гульсары побеждал на скачках, испытал ослепительную любовь, был невероятно счастлив. В наступившие трудные годы нерадивые и нечестные люди нанесли много вреда колхозу, искалечили коня, стали преследовать одного из организаторов артели. «Герою на час» недолго было бы и сломиться. Стойкий Танабай продолжал упорный, воистину героический труд.

Было нужно — пошел из табунщиков в чабаны; вырастил отару что надо. Наступило время окота, радуя большим пополнением овец. И тут обрушились мороз и бескормица. Горе-руководители колхоза, допустившие бескормицу, достойны раздающихся в их адрес проклятий. Только ведь проклятиями ничего не изменишь! И Танабай бросается спасать овец. На руках выносит одну за другой, нянчит, согревает собственным дыханием. Умудряется оживлять, когда жизнь покидает ягненка; со слезами смотрит на тибель молодняка.

Страшная в своей правдивости сцена нарисована в повести как апофеоз человеческому труду и мужеству. Резкая контрастность красок и интонаций вообще отличает художественную манеру Айтматова. В его произведениях от страницы к странице нарастает драматическая напряженность, доводя до взрыва, до того очистительного катарсиса, который Гегель считал высшим призванием искусства. В начале повести — наплывы-воспоминания, лирические этюды. В конце — словно кадры из широкоформатного кинофильма, где все в движении и столкновениях. Фоном — снежный буран, крупным планом — человек, отчаянно сражающийся за каждое живое существо. Что бы ни случилось с этим человеком, он останется таким же самоотверженным, каким был всегда. Вот он, «героизм на всю жизнь»!

Много уроков преподала жизнь тем, кто всегда был в гуще событий. Испытания не ослабили, а укрепили стойкость советских патриотов. «Не простое, видно, дело колхоз, — думает Танабай. — ...Ну что ж, работать — значит, работать. Правильно сказал секретарь — жизнь, она никогда не покатится сама собой, как думалось когда-то, после войны. Ее вечно надо подталкивать плечом, пока сам жив... Только вот оборачивается она каждый раз острыми углами, все плечи уже в мозолях. Да что мозоли — была бы душа довольна тем, что делаешь, что делают другие и чтобы от трудов этих счастье было...»

Это же целая философия! Не абстрактно-книжная. Впитавшая опыт народного бытия. Выражающая растущую общественную активность. Что бы ни случилось с такими, как Танабай Бакасов, они не перестанут делать то, что послужит людскому счастью. Если подобное настроение у читателя возникает, а оно возникает, — повесть свою вдохновляющую роль выполнила.

Но своеобразие Айтматова-художника еще и в том, что он заставляет задуматься и о наших нравственных ресурсах и обязанностях. Все же каких-то ошибок Танабай мог бы и не совершить, иные душевные раны не являются неизбежными. Бывший парторг Чоро не смог заступиться за Танабая перед прокурором Сегизбаевым, а Танабай заявил, что не считает больше Чоро коммунистом. Тяжелый удар! Больной Чоро уже не

оправился от него, а Танабаю остается казниться: не он ли причина скоропостижной смерти верного друга. А тот был и остался настоящим коммунистом. Умирая, завещал, чтобы его партбилет в райком отвез Танабай. Так пусть эти горькие уроки будут учтены и сослужат пользу другим!

Предупреждение до читателей доходит. Оно звучало бы еще более весомо, если бы автор глубже выписал характеры некоторых действующих лиц, общение с которыми могло от многого уберечь Танабая. Это относится и к образу Чоро. Не меньше Танабая бояся за дела, он проявлял несравненно большую выдержку, старался найти гибкую тактику в отношениях с нынешними руководителями колхоза (а кое-когда и поддавался им).

Сопоставление двух этих фигур — еще один из вариантов ситуации, которую мы называли «чапаевской». В повести она не развернута. Чоро так и не откликнулся на горестные недоумения Танабая, на просьбы поговорить с ним по душам. Почему? То ли по занятости, то ли по воле автора, которому было важнее показать трагический разлад старых друзей...

Что ж, возможно и такое художественное решение. Соглашаясь с ним или не соглашаясь, все равно при чтении повести задумываешься о том, как прожить свою жизнь, всего себя отдавая большой идее.

На таком жизнеощущении и зиждется драматизм книг Айтматова. Пятнадцатилетний герой новой его повести «Ранние журавли» в военные годы оставил школу и возглавил бригаду пахарей («десант»). Романтик, влюбленный в мечту и в местную красавицу, Султанмурат принял на себя ответственность за все, «что тут происходило», его не смущает «уйма мелких дел» и тяжелая работа. Не пламенный оратор вдохновил ребят — инвалид войны, председатель колхоза в серой армейской шинели, «молодой еще, скособоченный, с недостающими ребрами». Сильный своими убеждениями коммуниста. Не только фольклорными традициями, а всем пафосом нашей жизни рождена поэтика произведения. Молодежи казалось, что Тыналиев «стоял перед ними, пожалуй, как сам Манас... а они перед ним, как верные батыры его». Султанмурат чувствовал себя «славным витязем», и, когда понадобилось вступить в схватку с конокрадами, он не дрогнул духом.

Такие, как этот юноша, чем-то напоминая Танабая в молодости, душевно, интеллектуально уже богаче. Сближает же их готовность к упорному труду, смелому подвигу, борьбе со злом, с недостатками.

«Героизм на всю жизнь» враждебен как лакировке трудностей, так и сгущению темных красок. Он доступен тем, кто может и должен «подталкивать» жизнь вперед. Может и должен делать это сам, не рассчитывая на инерцию, зная о возможных препятствиях и необходимости по-деловому преодолевать их.

В реальной жизни одной запальчивостью не возьмешь, «бойцовский характер» — еще не все. Нужен деловой подход к любым вопросам. Ему учил коммунистов Ленин. В одном из ленинских писем 1921 года говорится:

«Размагниченный мелкобуржуазный интеллигент хныкает, плачется, теряется перед любым проявлением безобразия и зла, лишается самообладания, повторяет любую сплетню, пыжится говорить нечто несвязное о «системе».

Пролетарий (не по бывшей своей профессии, а по действительной своей классовой роли), видя зло, берется деловым образом за борьбу: поддерживает открыто и официально кандидатуру хорошего работника Ивана, предлагает сменить плохого Петра, возбуждает дело — и ведет его энергично, твердо, до конца — против проходимца Сидора, против протекционистской выходки Тита, против преступнейшей сделки Мирона, вырабатывает (после 2—3 месяцев обучения новой работе и практического ознакомления с новой средой) деловые, практические предложения: ввести такую-то систему комиссаров или политкомов, изменить так-то порядки вот здесь, откомандировать столько-то заведомых коммунистов (со стажем таким-то) на такие-то места»¹.

Не брюзжать, не ахать и охать, а деловым способом браться за борьбу с недостатками — единственно правильный путь. В Уставе КПСС записано требование: коммунист должен смело вскрывать недостатки и добиваться их устранения, выступать против действий, наносящих ущерб партии и государству, обра-

¹ В. И. ЛЕНИН. Полн. собр. соч., т. 52, с. 228.

щаться в любую партийную инстанцию и требовать ответа по существу своего обращения. На XXIV съезде КПСС подчеркивалось, что члены партии не имеют права, сталкиваясь с отрицательными явлениями, делать вид, будто ничего не замечают.

Советская литература, в лучших ее образцах, всегда правдиво писала о трудностях, в преодолении которых мужают характеры. Обращаясь к проблеме конфликта в искусстве, надо иметь в виду, что она находится на острие идеологической борьбы. Когда, несколько десятилетий назад, в произведениях советских писателей изображались преимущественно антагонистические противоречия, «советологи» пытались доказать, что наша литература механически делит людей на союзников и врагов и не признает полутонов, психологической сложности; при этом игнорировались такие образы, как Григорий Мелехов. «Теории» бесконфликтности зарубежные недоброжелатели приписывали универсальное значение для художественного творчества в мире социализма. А после развенчания у нас этой «теории» западные «специалисты» по советской литературе выдвинули другой ложный тезис: дескать, в СССР отказались от положительного героя, отдали свои симпатии людям незначительным, конфликтам сугубо бытовым. Несомненный взлет в последние годы социально-психологического романа, интенсивная разработка «рабочей темы», конечно же, остались «не замеченными» такими «специалистами».

В чем, в чем, а в бесконфликтности современную советскую литературу не упрекнешь. На ее страницах ставятся существеннейшие вопросы большого общественного звучания. При этом способы художественного разрешения отображаемых конфликтов не повторяют тех, что знакомы нам по произведениям классиков советской литературы.

Коммунисты—герои книг 20-х годов стояли во главе вооруженной борьбы с контрреволюцией. Сюжет произведений строился соответствующим образом: не объяснения и дискуссии, а непоколебимость, уничтожение врага, если он не сдается. Не плавное разворачивание фабулы, а драматизм резких ее поворотов, измеряемых риском, подвигом, гибелью.

В последующие десятилетия, захватывая новые тематические пласты, литературные произведения опять-таки отражали накал шедшей в жизни борьбы. Не на военных, конечно, фронтах, а на хозяйственных. Лишь при полной мобилизации всех сил можно было обеспечить стремительные темпы социалистического строительства. Воспитательные проблемы еще органичнее входят в литературный сюжет.

Разумеется, предельный драматизм конфликта отличает произведения военных лет и более поздние книги, посвященные Отечественной войне.

А лучшие романы, рассказы, пьесы о сегодняшнем дне?

Их конфликты — тоже не частного, камерного порядка, они связаны с существенными социальными факторами. В числе первостепенных из этих факторов — связанные с воспитанием людей. Чаще всего на первый план выдвигаются конфликты морально-этического характера. Здесь действуют политические единомышленники, члены одного коллектива. Они, конечно, не ведут антагонистической борьбы, однако носители прогрессивных начал должны практически доказать свое моральное превосходство, без борьбы все равно не обойтись. Спор позиций неизбежно ведет к острейшим расхождениям между людьми. Вместе с тем конфликты такого рода по своей внутренней структуре охватывают тонкие и сложные общественные, личные отношения, мировоззренческие, психологические аспекты. Зачастую речь идет о перестройке сознания и стиля жизни человека.

В литературе такой конфликт обычно «ведут» люди, которые первыми поняли потребности общественного развития и отстаивают их вопреки устаревшим догматам. Соответствующую расстановку сил мы находим в произведениях, где переданы и величие и напряжение борьбы. Не кто иной, как коммунисты, отстаивали ленинские нормы в годы, когда делать это было не так-то просто. За свою принципиальность герой романа Владимира Фоменко «Память земли» Конкин некогда заплатил тюремным заключением; жестокая кара грозила и председателю колхоза, изображенному в повести Владимира Тендрякова «Три мешка сорной пшеницы», самовольно раздавшему хлеб колхозникам. Коммунисты занялись восстановлением и

развитием ленинских норм, действуя столь неуступчиво, как Егор Дымшаков (Елизар Мальцев, «Войди в каждый дом»). Сами на себя возложили они идейные схватки с ревизионистами (Всеволод Кочетов, «Секретарь обкома»), борются против показухи (Витаутас Бубнис, «Три дня в августе»), за решение трудных кадровых вопросов (Семен Бабаевский, «Современники»). Один из героев романа Берды Кербабая «Капля воды — крупица золота» требует от своих товарищей: «возьмись как следует за тех, кто идет против народных интересов», «бегством ты от собственной совести не спасешься!» На сходных позициях — коммунист Ковалев из романа Ивана Падерина «На Крутойре».

Конфликты разные, активное же начало каждый раз — герой действенный, борющийся. Только таким и может быть настоящий коммунист. Правильно писал в одной из своих книг критик Виктор Панков: «Создание образа положительного героя невозможно в вакууме, в некоей колбе с дистиллированной водой. Более того, положительный характер может понести серьезные потери из-за того, что его не с кем сравнивать, некому противопоставлять. Уведенный с поля боя — политического, классового, нравственного, он может утратить качества борца, источника энергии, двигателя прогресса».

«Поле боя», конечно же, есть в жизни. Странно выглядят сейчас произведения, где конфликты искусственно приглажены, а партруботник все решает легко, с ходу, не встречая реальных противников. Иное дело, что последние далеко не всегда являются чуждыми нам людьми. За новое на этом самом «поле боя» воюют и тот, кто — «борец», и «источник энергии». И тот и другой? Да, поскольку подразумеваются и политические, классовые битвы — их ведут против врага; и нравственные — они разворачиваются за души и сердца наших людей. Вторые, при всей своей остроте, предполагают переубеждение ошибающихся, выработку взаимопонимания с теми, кто не прав в методах действий, хотя верен общей цели.

Спор единомышленников. Мы присутствовали при нем, читая «Неделю» и «Чапаева». Наблюдали в «Последнем из удэге», сколь остро выражается он во взаимоотношениях близких лично людей. Доказывая каждый свою точку зрения, ища слабые места у друга-

оппонента, Петр Сурков и Алексей Чуркин порой уже не могли сдержаться и наконец «вступили на ту грань, дальше которой спорить было немыслимо...». Понадобилось вмешательство руководящего партийного комитета, чья власть «была основана на силе простой разумной мысли, очищенной от всяких побочных соображений и потому совершенно бесстрашной, мысли, настолько жизненно правдивой, то есть настолько соответствующей ходу самой жизни и стремлениям людей, что она приобрела характер материальной силы».

Искать решения, очищенные «от всяких побочных соображений», соответствующие объективным экономическим, социальным потребностям, и учит коммунистов партия.

Осмысливая многообразие реально существующих конфликтных ситуаций, художники не обходят и эту: дискуссия деловых людей. Мария Одинцова не смогла точными расчетами опровергнуть планы Добротина, не нашла сильных союзников в борьбе с ним (пьеса Афанасия Салынского «Мария»). А вот еще один, тоже одержимый своим делом работник, ученый, изобретатель — Башкирцев (кинофильм Даниила Храбровицкого «Укрощение огня»). Широкий размах. Готовность, совсем по-королевски, если бы потребовалось для дела, категорически подтвердить, что Луна твердая. Нетерпимость к трусам и перестраховщикам. И в то же время живой интерес к возражениям по сути проблемы, умение заново переделывать завершенное.

Человек не такого крупного масштаба — начальник строительства Черных (кинофильм Сергея Герасимова «У озера»). Но он из этой же плеяды широко мыслящих созидателей, отмечающих узковедомственные претензии. Черных не соглашается ни с теми, кто, оставаясь безразличен к судьбе Байкала, требует строить больше и быстрее; ни с теми, кому сама идея индустрии на берегах озера кажется чудовищной. Герой фильма — не рутинер и не максималист — осуществляет строительство с пониманием комплексных задач, решаемых социалистическим обществом. Вот эта широта нравственных устремлений Черныха и покорила юную Лену Бармину, заставив полюбить немолодого уже человека. Да, Черных ценит красоту,

посвящает себя борьбе за счастье. Однако, слышит от него Лена, в основе красоты лежат не заклинания, а труд, экономика, поэтому нужно действовать по-разумному: «Дело новое, надо искать. Байкал того стоит».

Само строительство коммунизма — дело новое. Коммунисты пошли дорогой неизведанной, стали искать решения, которых никто со стороны подсказать не может. В процессе поисков сталкиваешься и с иными, чем твой, вариантами решения, и с искренним непониманием задуманного тобой. Стандартный конфликт «рутинер — новатор» не охватит разнообразия возникающих в этом случае взаимоотношений. Евгений Габрилович опротестовал мнение, будто герою его фильма «Твой современник» сплошь противостоят злобные бюрократы. Он так истолковал смысл воспроизведенного в киноленте конфликта Губанова с его противниками:

«Обе стороны отстаивают государственные интересы, здесь нет ни консерваторов, ни новаторов, и технический спор, начатый Губановым, не завершён пока, по-видимому, не только в фильме, но и в жизни. Поэтому авторы и отказываются от показа финала, итога споров... Правильны ли технические и экономические выводы Губанова? Об этом-то и идёт спор. Существенно то, что Губанов (крупный специалист) считает их абсолютно верными, имеет неопровержимые, по его мнению, доказательства, а раз так, то видит свой долг коммуниста в том, чтобы поднять это дело, хотя понимает, что такой оборот грозит ему лично крупнейшей бедой».

«Обе стороны»... Действительно, существенные разногласия могут развести в разные стороны людей, преданных общему делу, как это случилось с секретарями обкома Дербачевым и Борисовой (Петр Проскурин, «Горькие травы»). Один демократичен, думает о материальной заинтересованности колхозников, другая — о том, как бы побольше «выжать» из них, пусть даже административными мерами. Две линии руководства сельским хозяйством, два характера, сформированные разными жизненными обстоятельствами и разным пониманием партийных методов. И все же отнюдь не враги. Критик Василий Новиков верно определил природу их разногласий: «Борисова — человек долга. Но в

понимании долга она настолько прямолинейна, что готова свои чистые и возвышенные взаимоотношения с Дмитрием Поляковым, пострадавшим на войне, строить не на чувстве любви, а на выполнении обязанностей — по принципу: я так *должна* поступить. Ее высказывания отличаются убежденностью. Но от ее справедливых слов веет холодом. За принципами она не видит главного — живой жизни, души человека».

Нет, ей не найти общего языка с Дербачевым, который просто не понимает, как можно жить ради отвлеченного долга. И все же оправдано, на мой взгляд, завершение конфликта: не «отсечение» Борисовой, а еще одна попытка помочь ей — героиню романа отправляют на учебу. Как показывает жизнь, подобная «тактика» решения кадровых вопросов зачастую приносит свою пользу.

Непримиримость к недостаткам, упорство в борьбе и умение тактически верно вести ее — две стороны одной и той же медали. Без какого-нибудь одного из этих качеств сегодня художнику трудно рассчитывать на успех.

Продуманная тактика — не беспринципные компромиссы. Но и не «дуболомная» прямолинейность. Когда речь идет об отстаиваемых им партийных, государственных принципах, коммунист будет стоять на них твердо и неуклонно. Когда же вырабатываются практические меры проведения общей линии, он еще раз взвесит — во всем ли прав, изучит соображения тех, кто предлагает коррективы. Выше говорилось о документальных записках гидростроителя Комзина, умевшего всесторонне готовить каждую серьезную акцию. Немало сходного с ним у другого строителя — А. Е. Бочкина. Он всегда ратовал за творческую смелость, читаем в очерке Владимира Колобова «Десятое море». Однажды Бочкин предложил сооружать перемычку необычным способом. Услышал возражения: так не делают и делать не позволят. Ответил кратко: «Драться будем!» Что же вкладывает Бочкин в эту формулу?

«Драться... Он не часто бросает это слово, хотя драться приходится постоянно... Не мало за жизнь насадил себе шишек, не мало помяли ему бока... Но это «драться» — вовсе не значит идти напролом, «ломать

хребты». Опыт научил его видеть, когда и где надо поднажать, кого подобрать себе в союзники, когда не упорствовать, если обстановка требует отступить, чтобы в «тылу» переформироваться, собраться с силами и определить момент для удара. В «драку» он вступает лишь тогда, когда твердо знает, что защищает высокие государственные интересы, партийную линию. Ведь противная сторона — тоже не из-за океана, тоже выступает под знаменем государственных интересов. И вот тут на помощь приходит глубокое партийное чутье, трезвость мышления и богатый жизненный опыт».

В жизни подобные дискуссии не редки. Обсуждая вопрос о том, как лучше делать нужное государственное дело, толковые работники думают не только об интересах своего предприятия, но также о «смежниках», соседях, общих интересах. Директора одного казахстанского совхоза никто не смог заставить сократить площадь под парами, чтобы расширить посевы пшеницы. Газетная заметка об этом эпизоде завершается многозначительной справкой: «Правда, пшеницу совхоз дополнительно посеял и даже на большей площади, чем предлагало управление, но не за счет полей севооборота. Были распаханы неудобья, засеяна часть земель коренного улучшения». Директор дал хлеб, которого не хватало району и области, но при этом площадь под парами ни на один гектар сокращать не позволил.

Такие вот люди, умеющие преодолевать большие и малые трудности, будут настойчиво искать эффективные способы действий с учетом сложившихся реальных обстоятельств, но в главном останутся при своем.

Знаменательные слова обратил к партийным работникам М. И. Калинин:

«Самое ценное у партийного работника, чтобы он сумел празднично работать и в обыкновенной будничной обстановке, чтобы он сумел изо дня в день побеждать одно препятствие за другим, чтобы те препятствия, которые практическая жизнь ставит перед ним ежедневно, ежечасно, чтобы эти препятствия не погашали его подъема, чтобы эти будничные болотные препятствия развивали, укрепляли его напряжение, чтобы в этой повседневной работе он видел конечные це-

ли и никогда не упускал из виду эти конечные цели, за которые борется коммунизм»¹.

Это и есть тот самый «героизм на всю жизнь», который стал достоянием подлинных борцов за коммунизм.

¹ М. И. КАЛИНИН. О коммунистическом воспитании. М., «Молодая гвардия», 1958, с. 55.

МАСШТАБЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ

Двадцатый век продемонстрировал силу и мощь народных масс, вдохновленных идеями социального прогресса, объединенных боевым авангардом — Коммунистической партией. В коммунисте люди труда видят выразителя главных своих стремлений и надежд, убежденного борца за поставленные цели, носителя высоких нравственных качеств. Коммунистические качества все заметнее становятся общенародными. «Коммунистами станут все люди земли» (Аркадий Кулешов).

А какое замечательное пополнение получала партия в годы войны! «Над этим,— говорит один из героев романа Семена Цвигуна «Мы вернемся»,— ...стоит задуматься. Значит, крепка вера в непобедимость Советской власти! Крепка вера в Коммунистическую партию!»

В глазах всего мира коммунист является воплощением разума истории. Люди доброй воли проникаются сознанием всемирно-исторического значения его идей и дел. Ждут, что столь же яркими, масштабными будут и образы, созданные художниками слова. Деятели литературы и искусства, в свою очередь, остро сознают эти общественные ожидания.

Послушаем такого большого мастера, создавшего яркие образы большевиков, как Мухтар Ауэзов:

«Наш современник — человек, которому есть дело до всего, человек, сердце которого чутко улавливает звуки мира. Его касается все, чем живет страна, чем живут друзья и враги, интересуется все — политика, наука, искусство, трудовые успехи, срывы, борьба за коммунизм и против колониализма...»

С советскими писателями солидарны представители других социалистических литератур. Характерно высказывание болгарского писателя Эмила Манова: «Современный коммунист — это мыслящий и ищущий ум, человек, кровно связанный с классом и народом, активный борец против зла, за человеческое счастье, это высокая гражданская совесть, чуждая равнодушия и самодовольства, корысти и властолюбия, — это светлый духовный мир, обогащенный и умудренный историческим опытом, живущий судьбами своего народа и всего мира».

Сейчас уже трудно представить себе активных современников, которые глубоко не задумывались бы о судьбах своего народа и всего мира. На земном шаре происходят знаменательные перемены. Инициатива Советского Союза, других социалистических стран увенчалась такой блестящей победой, как успешное завершение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Коммунисты неустанно трудятся во имя дела мира и дружбы народов. И делают это с неизменной последовательностью и принципиальностью.

На моих глазах проходила плодотворнейшая деятельность ряда работников печати, культуры, участвовавших в подготовке упомянутого совещания, Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве. Памятен такой, например, эпизод. На представительную встречу литераторов собрались люди самых разных политических убеждений. Дружными аплодисментами встретили они выступление редактора центральной московской газеты, говорившего о том, что коммунисты были, есть и будут подлинными борцами за идеалы, объединяющие всех людей доброй воли.

— Мы — коммунисты и с гордостью говорим о своих взглядах и принципах, — заявил оратор. — И о том, что мы хотим и сумеем отстоять мир, гуманизм вместе с теми, кому дорога судьба человечества.

И в этот день, и на многих других встречах, дискуссиях — у нас и за рубежами нашей Родины — доводилось мне наблюдать настойчивых и убежденных пропагандистов советской Программы мира. Рассказ о тех, кто борется за эту Программу, как общественник, дипломат, как специалист, помогающий своими знаниями многим народам, не оставил бы безразличным читателей. Но много ли можем мы назвать произведений, рассказывающих об этих «солдатах мира», о широте политических интересов, движущих ими? Гордясь достигнутым, мы вправе ожидать следующих шагов в постижении многогранного характера коммуниста. Чтобы уверенно идти вперед, надо объективно оценить сделанное и задуматься о том, что предстоит сделать. Подумать, почему недостаточно показана именно масштабность этого характера. После «Бури» Ильи Эренбурга почти не появлялось произведений, в которых была бы освещена роль передовых наших современников в борьбе за мир, их деятельность за рубежами Родины (несколько ценных опытов Саввы Дангулова, Юрия Жукова, Даниила Краминова, Павло Загребельного — приятное, но редкое исключение). Зачастую герой произведений намертво привязан к конкретному участку, на котором действует; автор не решается показать горизонты его политического мышления, интеллектуальных интересов.

«Приземленность» вообще противопоказана искусству социалистического реализма. С инертностью духовных интересов иных персонажей нередко связана и эмоциональная их бедность. Немало в наших произведениях вроде бы и передовых «производственников», фактически — резонеров, говорящих правильные слова, но очень уж одинаково схематичных, потому что авторы слишком робко пишут об их личной неповторимости.

Человек, идущий впереди, берущийся за самое трудное, увлекающий и вдохновляющий массы на подвиг, такой человек должен быть нарисован во всей сложности и богатстве его натуры. Да, один из передовых людей современности. Но не просто «один из», а тот, кто принял в свое сердце волнения и заботы народа, человечества так, как сделали это герои леоновского «Русского леса». Коммунист — это дерзновенная воля, светлый ум, энергия действия, кипение страстей.

Вглядываясь в его образ, мы, читатели и зрители, хотим увидеть эту интенсивность духовной, эмоциональной жизни. А тут иногда вместо своеобразного, быть может, и не во всем «правильного» характера нам показывают ходячую добродетель.

Справедливости ради надо отметить, что ныне активного общественника уже не выводят фанатиком, жертвеннически сжигающим себя ради дела. Но писатели редко заглядывают во «внеслужебную» его жизнь. Как бы боятся рассказать, каков он в радости, горе, дружбе, любил ли, страдал ли из-за безответного чувства, радовался ли, услышав «да»? Иногда личную жизнь ему все-таки придают. В том и беда, что «придают»! Чисто внешними способами. Или для «оживления» и «утепления» образа. Или для «обострения» конфликта («незаконная» любовь к секретарше, сверхстандартные «треугольники», размолвки с женой — омещанившейся домохозяйкой...).

Как ни странно, поныне можно встретить произведения, гальванизирующие личную неустроенность передовых людей. Подчеркнуто безразличен ко всему, что не производство, инженер Колесов, очень лестно характеризуемый А. Коробовым, автором повести «Наладка». Колесова интересует лишь одно: как поскорее устранить причины быстрой изнашиваемости газоочистительной установки на металлургическом заводе. Дома — семейные драмы, жена Таня упрекает его в полнейшем невнимании («Ты и обнимаешь нехотя...»). Мельком признавшись самому себе, что «нелепо получается», инженер тут же отбрасывает сомнения относительно устройства своей семейной жизни и возвращается мыслью к газоочистительной установке.

Смешно, разумеется, требовать, чтобы во всех подобных случаях герои литературного произведения немедленно и резко осуждались; речь идет о необходимости точнее и проникновеннее раскрыть их интеллектуальный, эмоциональный мир. Будь это сделано, более ярким стал бы многообещающий образ Зарудного в трилогии Федора Абрамова. Сумей постановщики фильма «Укрощение огня» избежать шаблонного изображения семейного разлада, объемнее предстал бы образ Башкирцева.

Все более очевидно, сколь велика общественная, эстетическая потребность в произведениях, правдиво

показывающих глубину происходящих в мире перемен, сущность всемирно-исторической борьбы между двумя противоположными идеологиями. Проблемы всечеловеческие не оставляют равнодушными советских людей. Освободительная война во Вьетнаме и трагедия Чили, события в Португалии, энергетический кризис на Западе, борьба с голодом в Африке, стихийные бедствия, угроза экологической катастрофы...— обо всем этом — отнюдь не только о личных заботах — взволнованно говорят, собравшись в свободный вечер, рабочие и студенты, ученые и колхозники. Жгучими остаются и такие «вечные темы», как жизнь и смерть, любовь, долг, призвание, счастье. Когда монологи на эти темы произносятся на страницах литературного произведения, звучат с киноэкрана, с театральной сцены, — они встречают ответный отклик читателей и зрителей. Напомним опыт того же Леонида Леонова — автора «Дороги на океан», «Нашествия», «Русского леса». Или написанную вскоре после войны поэму Николая Грибачева «Весна в «Победе». Вернувшись с фронта, тяжело больной парторг Павел Зернов завершает труд прошлых лет — постройку большака от колхоза к железной дороге. Сил закончить ее уже нет, но, умирая на посту, он знает, что до конца был нужен людям и что жизнь его не прошла даром: «...В просторы, как в день грядущий, зерновский летел большак». Напомним, что Анатолий Алексин, мастерски инсценировав фадеевскую «Молодую гвардию», построил ее в известной мере как идеологический поединок между Олегом Кошевым и фельдкомендантом Клером. Еще примеры. Аплодисментами встречает зал высказывания Марии Одинцовой о религии и воспитании подрастающего поколения, монологи Башкирцева о покорении космоса и академика Дронова о вере, о предназначении человека (пьеса «Все остается людям» Самуила Алешина).

Кажется, в современной прозе тоже происходит углубление философско-эстетической мысли. Недаром споры о конкретных достоинствах и некоторых слабостях очень интересного в целом романа Юрия Бондарева «Берег» не могли не перерасти в принципиальную дискуссию о предложенной автором идейно-художественной концепции современности. Можно спорить о гармонии частей в этом произведении,

о чувстве меры в его «идеологических» главах и чувстве вкуса в изображении интимных отношений героев. Но нельзя не заметить творческой смелости, с которой автор осмысливает глубокую связь нынешних и военных лет, воспроизводит полемику советских людей с западными пропагандистами. Перед нами сильная, перспективная попытка отобразить мировоззренческие конфликты эпохи.

Несколько лет назад появилось еще одно, написанное совсем на другом материале и совсем в иной писательской манере, произведение, также свидетельствующее об углублении идеологического «тонуса» современной прозы.

Временные смещения Пауль Куусберг в романе «Одна ночь» использовал для того, чтобы воссоздать связь повседневных интересов своих героев с тем, что происходит вокруг, в стране, мире, уходит корнями в историю, получит отзвук в завтрашнем дне.

Группа активных советских работников покидает оккупированную гитлеровцами Эстонию. Разные они: старые коммунисты — и «новобранцы» молодой здесь Советской власти; умелые массовики-организаторы — и мудрствующие книжники; люди бескорыстные, самоотверженные — и такие, кто не чужд расчетливости. «В эту снежную ночь ничего не произошло». Ничего, кроме переосмысления каждым пережитого. Раньше «было недосуг разбираться в своих чувствах», теперь — перед угрозой смерти — эту «разборку» производят, и она многое объясняет в жизни персонажей. На фронтовых дорогах завязываются психологические поединки, автор заостренно изображает противоречивые стимулы, движущие его героями.

Нет важнее стимула, чем чувство партийного долга. Альберту Койту, с его максималистскими требованиями, член партии представляется святым подвижником, почти недостижимым в своей идеальности образцом. «Коммунист, который не в состоянии подняться над собой, остается лишь человеком с партийным билетом, не больше того...» Койт «истязает» свою партийную совесть, с недоверием относится к товарищам. Прямая противоположность ему — рационалистичный Хельмут Валгепеа. Он против непомерных требований к сегодняшним, «обыкновенным» людям. «Мы хотим быть коммунистами бóльшими, чем есть на

самом деле. В действительности мы еще маленькие коммунисты. Коммунисты-младенцы. Но мы же растем!»

Обе точки зрения явно уязвимы. Конечно, сегодняшние люди несут на себе печать времени. Конечно, граждане коммунистического общества будут обладать качествами, о которых мы лишь мечтаем. Но ведь не просто мечтаем — боремся за них, стараемся развивать их. И называть строителей нового общества «коммунистами-младенцами» совсем уж неуместно, особенно в романе, где делается попытка философски углубленно осмыслить наше историческое развитие.

Споры, начатые персонажами произведения ночью 1941 года, как известно из авторских отступлений, будут ими продолжены после войны — в личных раздумьях, при встречах с давними знакомыми, в публичных выступлениях и диссертациях. В центре дискуссий окажутся сложнейшие проблемы: материальная заинтересованность и моральный фактор в период перехода от социализма к коммунизму, идеальное и рациональное, уже достигнутое — и программа на будущее. Куусберг вплотную подошел к вопросам широкого философского характера — о цели и смысле жизни, о месте человека в истории.

Хорошо уже то, что «подошел», хотя не все поставленные проблемы ожили в «Одной ночи» в человеческих характерах, интеллектуальном мире героев. Направление творческого развития, обозначенное в произведениях названных и некоторых других художников, представляется очень симптоматичным. Будущее покажет его эстетическую плодотворность, но уже сейчас очевидно стремление писателей преодолеть «приземленность», которая мешает подняться к большим идейно-философским концепциям современности, к мировоззренческим проблемам эпохи.

Осмысление этих концепций — важнейшая задача социалистического искусства. О ней не раз напоминал Горький.

Еще в 1935 году Горький обратил внимание на пьесу Александра Афиногенова «Далекое». Оценил в целом как удачу. Но заметил, что из-за ослабленности драматизма она оказалась слабее, чем могла бы быть. Столкновение двух непримиримых мировосприятий, намеченное в пьесе, не получилось достаточно впечат-

ляющим, потому что их носители не раскрыты во всей глубине характеров. «Почти бесплотен» комкор Малько. Мелок, как личность, бывший дьякон, с философией которого — философией в духе Екклезиаста — полемизирует Малько.

«В словесном состязании с бывшим дьяконом, — заметил Горький в письме к Афиногенову, — командир корпуса не обнаружил того пафоса ненависти, который должен был вспыхнуть в душе большевика. Не стоит «метать бисера» пред человеком ничтожным? Но ведь Вы противопоставляете не человека — человеку, а идею — идее, и вот здесь возникает вопрос об отношении сущности и формы. Как будто бы безразлично, кто является носителем идеи Екклезиаста, кто — Ленина, но — необходимо, чтоб идея Ленина была выражена с силою, присущей ей, и чтоб с такою же силою показана была враждебная идея. Некто пытается убедить людей в том, что «все суeta суeta и томление духа», и делает это затем, чтобы освободить себя от забот о других людях, от всех забот, кроме одной — о себе самом; другой некто, не щадя сил своих и врагов своих, перестраивает мир, возрождает сотни миллионов людей к новой жизни».

Раскрыть содержание духовного мира человека социализма, философские, нравственные его устремления — это значит средствами искусства утверждать историческую правомерность нового общественного строя, новых отношений между людьми.

Как мы уже видели, новый человек не появляется «готовым», внезапно, из пены морской. Выше было показано его становление в революционных сражениях, в созидательных делах советской эпохи. Но борцы за идеал коммунизма встали на путь, указанный Лениным, еще в условиях старой жизни, начинали с большевистского подполья, с царских тюрем. Современная наша литература прослеживает оттуда, от истоков революционной борьбы, духовные нити, ведущие к образу героя гражданской войны, социалистического строительства, наших дней.

Как важны масштабы исторического мышления изображаемых писателями людей — хозяев своей судьбы, так важен и масштабный писательский взгляд на ход истории. Мало того, что взору художника социалистического реализма она раскрывается не как хаос

случайных событий и субъективных поступков. Вглядываясь в ее закономерности, он глубоко воспринимает смысл событий, которые, как казалось кое-кому, несут главным образом разрушение узаконенных форм общественной жизни. Нет, говорит советская литература, пафос революции в другом — в созидании нового мира. В том и состоит историческая миссия коммунистов, что они свергают старый строй ради грядущей свободы и счастья живых людей. Это большая цель, она идейно возвышает борцов, формирует особый строй мыслей и чувств.

Что это означает: «особый строй»? Подразумевается, конечно же, не какая-то исключительная личность, тем более не безжизненный величественный монумент. Человек миропонимания — таким виделся Горькому новый герой, который сможет и крупные дела вершить, и в философском споре взять верх, и жить всей силой чувств и страстей. Как личность, он растет в познании истории.

Одни и те же события по-разному видятся современнику и потомку. А художник-реалист должен соединить два этих взгляда. Воскрешая дела давно минувших дней, он ощущает их в перспективе исторического развития, в аспекте современных знаний — отличное противоядие против архаичности. Будучи сыном своего века, он чуток и к «реалиям», и к самому «духу» изображаемой эпохи — это исключает модернизацию прошлого.

Такова «методология» художественного исследования событий, отделенных от нас временем. Она предохраняет писателя от всякого рода субъективизма и одновременно помогает раскрыть в истории самое существенное. Приметить те зерна человеческих отношений и характеров, которые не легли бесплодно в толщу годов и десятилетий, а питались живительными соками взрастившей их почвы, дали пышные всходы уже при нас, современниках. Это особенно важно для авторов историко-революционных произведений; во всем, написанном ими, не может не ощущаться неразрывная связь времен — того, когда начиналась и шла борьба за свободу, и того, когда народ пожинает плоды этой борьбы. Не только пожинает, но хочет узнать, какими были герои, что в нас — от них.

А от них — многое. Беззаветность борцов, предан-

ных партийным идеалам, горячо ненавидящих угнетение и произвол,— об этом отлично рассказали книги, созданные вслед за революцией. От наших замечательных предшественников мы восприняли и светлый разум преобразователей мира, творцов новой человечности. Об этом тоже писали создатели советской литературы. Яркие образы первых революционеров созданы такими мастерами многонациональной советской литературы, как Мухтар Ауэзов, Вилис Лацис, Анна Саксе Айбек, Садриддин Айни, Стефан Зорьян, Андрей Головкин, Константин Гамсахурдия, Габит Мусрепов, и многими другими. Человек-созидатель — главный герой произведений художников-первопроходцев.

Авторы современного историко-революционного романа, прослеживая ход истории, стремятся уловить рост народного самосознания под влиянием великого учения большевизма. Стремятся художественно выявить гуманистическую природу социальных преобразований, показать, что революция несла обновление всех сфер: как общественной, идеологической, так и этической жизни народа. Этот вывод подтверждается творчеством виднейших советских писателей, их биографиями.

2

Биография Константина Федина неотделима от биографии нашего века. Один из основоположников советской литературы, крупнейший мастер художественного слова, видный общественный деятель, Федин как бы синтезировал в своем творчестве исторический опыт неповторимой эпохи. Недаром он сам заметил, что «по-настоящему биография художника должна быть не описанием фактов его бытия, но объяснением того, как поняты им эти факты».

А понять и художественно отобразить предстояло факты всемирно-исторического значения. Двадцатый век — это крутой поворот в народной жизни, две мировые войны, великая пролетарская революция в России, создание первого в мире социалистического государства, его решающая роль в судьбах человечества, вновь продемонстрированная в Великой Отечественной

войне. Действительность постоянно сталкивала с коллизиями, рожденными самой историей и ставшими темой и сюжетом многих произведений писателя. Символичен такой эпизод.

В 1945 году Федин поехал в Нюрнберг на процесс виновников второй мировой войны. Удивительное совпадение: он оказался в тех самых местах, где некогда начинал свою сознательную жизнь. Его, студента Коммерческого института, приехавшего в Германию совершенствоваться в немецком языке, здесь интернировали в 1914 году, и почти до самой германской революции он пробыл в качестве гражданского пленного. В Нюрнберге, обнаружил (в 1945 году!) Федин, «в куче щебня уцелела сводчатая дверь, из которой я бежал, надеясь покинуть Германию, в 1914 году. Отсюда началось мое познание Запада».

Не только Запада — мира, вернее, двух миров, столкнувшихся в смертельном поединке.

Вернувшись в 1918 году на родину, Константин Федин принес с собой доскональное знание буржуазно-милитаристской идеологии. Революционная Россия приобщила его к великим идеям созидания новой свободной жизни. В то время, когда иные писатели замечали в революции лишь разгул стихийных сил, автор романа «Города и годы» связывал ее победу с людьми, которыми движет долг, которые осуществляют организующую волю партии коммунистов. Пусть ему еще не удалось раскрыть духовное богатство революционеров, — несомненно их историческое превосходство над бюргерством всех видов и оттенков, над вечно колеблющимися сторонниками «третьего пути», абстрактного гуманизма.

Спустя тридцать лет, на руинах Нюрнберга стоял писатель, вооруженный опытом социалистического жизнеустройства. И новым пониманием судеб мира. Его перу принадлежали написанные в 30-х годах книги «Похищение Европы» и «Санаторий Арктур» — о том, как бактерии чело́веконенавистничества все сильнее поражают западные буржуазные и мелкобуржуазные круги, осуществлявшие поворот к фашизму. А новые творческие замыслы Федина были связаны с задачей исключительной важности — показать стремительный политический, нравственный рост советских людей, кому предстоит спасти от фашистской угрозы Европу

и человечество. Писатель уже работал над вторым романом своей знаменитой трилогии — «Необыкновенное лето».

В разгар Отечественной войны Федин обратился к событиям 1910 года, а сразу же после ее окончания — к событиям 1919 года. Что это, уход в прошлое? Ничего подобного. Художник, наделенный резко выраженным чувством историзма, стремится «найти образ времени» и проследить логику общественного развития, корни тех социальных, нравственных потрясений, которые затем все отчетливее проступали в своих грозных последствиях и которым посвящено «Необыкновенное лето». Говоря впоследствии о заключительной части своей трилогии, Федин так объяснял связь событий, разделенных более чем двадцатилетним сроком: «В девятнадцатом году капитализм наступал на горло революции, в сорок первом он повел наступление на коммунизм. И тогда и теперь старый мир не хотел отступить перед революцией, а революция не идет и не пойдет на уступки старому миру».

В «Первых радостях» Федин сосредоточил внимание на становлении «того характера, которым стал известен советский человек, выросший из небывалых испытаний народа революцией, войнами, строительством нового мира». Это юность наших отцов, юность того поколения, что показало себя в полную силу во время Великой Отечественной войны. В «Необыкновенном лето» изображены уже боевые дела строителей новой жизни, возглавляемых старым большевиком Рагозиным, его воспитанником Извековым, другими коммунистами.

Курт Ван из романа «Города и годы» выглядит подчеркнуто однолинейным, «проволочным». Трилогия же дает историю обретения большевиками той цельности, которую мы называли сложной и которая рождается как итог осознанной практики борца. Это — неотделимость слова и дела, личных и общественных интересов. Подчиненность революционному долгу — и понимание гуманистического смысла борьбы. Твердость, решительность, но не схематическая прямолинейность. Практичность, но не утилитаризм. На наших глазах рождается новый тип героя жизни и искусства — деятель, практик, гуманист, устремленный в будущее мечтатель. В борьбе Извеков научился быть беспощадным к

врагу. Но это не обеднило его духовно. Наоборот, сделанный выбор придал целеустремленность во всем. И в общественных обязанностях. И в личной жизни: Кирилл полностью отдается своему чувству к Аночке, их любовь возвышает и облагораживает обоих.

В своеобразной литературной манере Федина сплавлены психологический анализ, заставляющий вспомнить Толстого, и «чеховский» лаконизм, и редкостная пластичность, живописность нарисованных картин. Все это сочетается с новаторством советского художника, которому всего нужнее найти в сегодняшнем то, что — «от будущего», понять, как *практически* возможно приблизить это будущее.

Ища в человеке побольше «от будущего», Извеков решает массу сиюминутных задач — участие в боях с белогвардейцами, борьба с нищетой и разрухой, восстановление хозяйства. Однако он ни на минуту не теряет общих перспектив. На фронт Кирилл проезжает через засушливые степи Приволжья. Пустынный край — преобразится ли он когда-нибудь? В юности казалось: по мановению волшебной палочки в выгоревших степях возникнут цветущие парки. Теперь Извеков знает: все куда сложнее. И убедился: преобразования осуществимы, если умело и настойчиво взяться за дело. Ныне Кирилл уже «думал о переходах — о том, что надо сделать для обогащения степей. Как напоить их?.. Мечта устройства будущего становилась делом устройства, мечтатель становился делателем».

Но можно бы сказать и так: делатель остается мечтателем! Не случайны совпадения в творческих исканиях Федина и Фадеева, также много размышлявшего о духовных импульсах, которые вдохновляют коммуниста. Ведя партизанскую борьбу, Левинсон и мечтает о новом человеке, и воспитывает его. Герои «Последнего из удэге» тоже не могут пока отложить в сторону оружие. Но по всему видно, что они сумеют строить ничуть не хуже, чем воевали. В черновых набросках к роману сохранился прелюбопытный эпизод — Алеша Маленький вспоминает о первых месяцах Советской власти — до японской оккупации. Еще при царизме, в бытность свою паровозным машинистом, он «сделал два изобретения, которые могли дать миллионы рублей экономии на транспорте. В те времена Алеша никак не мог продвинуть свои изобретения, а в короткое

время Советской власти, когда он стал комиссаром всей промышленности в области, он был настолько перегружен более насущными делами, что не успел дать ход своим изобретениям. Но за время своего комиссарства Алеша познал все неисчислимые богатства края,—а сколько их, еще не разведанных, лежало под землей, под дремучими лесами! —и его бросало в дрожь и в жар, когда он вспоминал, что из его рук вырвана теперь та сила власти, при помощи которой он мог взрывать и обнажить эти жирные сверкающие недра на потребу миллионному человечеству. Его злило то, что вновь вернувшиеся хозяева этих богатств, промышленники-миллионщики, считавшие себя культурными людьми, движущей силой прогресса, были в меру использования ими действительных богатств страны всего только мелкими хищниками, жалкими кустарями. Огромные массивы страны лежали перед ним — миллионы тонн угля, руды, древесины! Одиноким кочевник бродил с кремневым ружьем, мужик ворочал пни и ковырял сохой эту горькую неподатливую землю; но Алеша уже видел ее, покрытую сетью электрических станций, взнузданную шоссевыми, железными, воздушными магистралями, в могущественных комбинатах руды, топлива».

Мощные промышленные комбинаты, скоростные воздушные магистрали, орошенные степи — в наше время все это уже привычная реальность страны, как и мечты героев «Последнего из удэге», «Необыкновенного лета» о не виданных прежде отношениях людей, которые соединят их при социализме. Удивляться надо не тому, что исполнились эти мечты, а тому, что они с такой силой увлекали и окрыляли людей в те далекие времена.

Еще одно подтверждение философской озаренности нашей литературы! Она акцентирует внимание на созидательном характере большевистской программы. Коммунисту рабочему Петру Рагозину принадлежит мысль, которую навсегда воспринял Кирилл:

«Думаешь ли ты о человеческих отношениях в будущем?.. Так вот ты ищи такое в нынешней жизни, чтобы уже сейчас в тебе хоть немножко зажило из будущего, понял? Как бы тебе сказать? Ну... воплоти, что ли, свой план в живом человеке. В отношении своем к

человеку... Чтобы практика была. А то ты будешь поклоняться своему желанию, скажем, коммунистического общества, когда еще общества такого нет... А от человека отвыкнешь... А ты его сейчас найди... Хоть немножко в человеке найди от будущего...»

Да, совсем иной подход, чем когда-то заявленный одним из современников Федина: «Для людей, но только без человека!» О необходимости уже сейчас строить «аэродром будущего» говорит Аночке Кирилл Извеков.

Связь времен — очень дорогая для Федина идея. Еще только приступая к строительству нового общества, герои «Необыкновенного лета» мысленным взглядом уже устремлялись в завтрашний день. И вот настал час, когда достигнутое счастье пришлось отстаивать в отчаянной схватке с гитлеровским фашизмом. Много испытавшие и пережившие, эти люди совершают еще один подвиг, добывая в боях Отечественной войны последние тех, кто несколько десятилетий назад пытался задушить молодую Советскую власть.

Тщательно продумана композиция «Костра» — прошлое и настоящее перекрещиваются здесь, писатель смело идет на смещение и сопоставление временных планов. Его интересует не только повторяемость исторических потрясений. Ему нужно передать целеустремленность исторического разума, слившегося с волей людей.

Десятилетия, разделявшие обе войны, не были идиллическими. Но, как подчеркивает Федин, они укрепили самые основы нашего государства, характеры людей. Жизнь принесла Извекову немало испытаний и тревог. Пришлось ему пройти и через трудности личного и общественного порядка. Появляется трещина в отношениях с Аночкой. В 1937 году он попадает под подозрение, но вопреки всему остается самым собой, делает то, что нужно партии, народу. «В иной стране такая биография не могла бы сложиться, а если бы сложилась, ее считали бы чудом. Но здесь, в мире, который делался и отстаивался такими же людьми, как Извеков, она была обыкновенна. Его шаги ступали вслед событиям, и, где находился он, находилась сама современность, — он создавал ее совершенно так, как она — его».

Свое место в истории Кирилл в годы войны осознает как свою ответственность за ее ход. А эта ответст-

венность дополняется пониманием: продолжается историческая схватка двух миров, начатая еще на гражданской войне. Тогда Ленин сказал: исходом этой борьбы решается судьба революции. Обеспечить нужный исход — историческая миссия его, Кирилла, всех советских патриотов. Выполняя ее, они продолжают бессмертное дело революции, создавшей и новую жизнь, и их самих.

Человек в истории, история в человеке — такова идейно-художественная концепция фединской трилогии, других произведений нашей литературы, проникнутых той же мыслью: люди создавали новую действительность, она создавала их. Сила и проникновенность, с которой выражена эта мысль Фединым, определила место его последних романов в современном эстетическом развитии. Выражая потребности времени, авторы лучших историко-революционных произведений не ограничиваются описанием схваток против старого мира. Их творческая задача — показать духовное становление личности, нравственно обогащающей себя и других в практических опытах строительства новой жизни.

Обратимся к некоторым произведениям историко-революционной темы, написанным в разной художественной манере, но отмеченным особым вниманием к тому, как формируется «человек миропонимания» — не кабинетный мыслитель, а участник сложных событий, борец, строитель.

3

Особую динамичность роману Сергея Залыгина «Соленая Падь» придает острота поставленных автором вопросов: по каким нравственным законам идет жизнь в «партизанской республике»? Как строятся отношения между партизанами, между ними и их руководителями, отношения в среде самих руководителей — выходцев из крестьянской массы, получивших такую полноту власти? Проблемы не простые, принципиально важные для всей революционной эпохи: демократизм и революционная целесообразность, права человека и его общественные обязанности, гуманистические цели борьбы и гражданский долг. Аналогичную проблема-

тику настойчиво, хотя не всегда бесспорно, разрабатывает ряд других писателей, например, Михаил Шатров в пьесе «Большевики», Юрий Трифонов в романе «Отблеск костра».

Главком партизанской армии Мещеряков и начальник главного революционного штаба Брусенков делают одно дело, но во многом — и очень существенном! — расходятся. Это прежде всего отношение к людям.

Начинается роман сценой суда над крестьянином Власихиным, который укрыл сыновей от мобилизации. Брусенков не собирается разбираться: расстрелять! Мещеряков выясняет, чем продиктован поступок Власихина и отменяет такой приговор, ибо уверен, что трудовой крестьянин станет на сторону Советской власти. Конфликт обозначился, за ним — непримиримость революционного гуманизма Мещерякова, с одной стороны, диктаторских замашек Брусенкова — с другой. Далее события разворачиваются весьма драматически: и острейшие дискуссии, и взаимные политические обвинения, и закулисные интриги, даже попытки решить спор оружием. Всего этого мало автору, он пытается выявить систему философских взглядов своих героев, заставляет их размышлять о сложнейших предметах. При этом он не всегда умеет избежать некоторой модернизации, но что несомненно удалось писателю, так это изображение борьбы подавляющего большинства коммунистов с «брусенковщиной».

«Брусенковщина» — явление опасное: властолюбие, архиреволюционные призывы к большой крови, к жертвам: «Пусть белые придут! Пусть поруют нас! Это что будет значить? А то и будет, что война наша с мировым капиталом еще жестче сделается. Еще больше массы поднимутся и осознают свое великое дело! Войдут в революцию с головой, без остатка».

Ефрем Мещеряков — отнюдь не идеальный герой. Но он человечен, хочет понять людей, считается с ними. «Когда я на коне ездил вершним или в упряжи, когда покормил коня со своих собственных рук — он меня уже сроду не сможет ни ударить, ни обидеть. Вот это я знаю... Коня, особенно боевого, я, как главнокомандующий, выберу себе из тысячи. Чтобы он подходил ко мне, я — к нему. А людей человек не выбирает, нет, даже когда он самый верховный. Разве что

только жену. Остальные все люди — какие вокруг тебя есть, с такими и живи, с такими воюй».

Беспоощадность к врагу и забота о своих людях, стремление спасти их — насколько это выше неистовой «революционности» Брусенкова! Показная непогрешимость начальника штаба создает одну только видимость безупречной морали. Высокоморальный по большому счету Мещеряков — живой человек, ему нелегко далось непрерывное нервное перенапряжение. Запил, поддался раздражению, вознамерился силой разогнать главный штаб. Сказалась та самая партизанщина, которую он до сих пор упорно и успешно подавлял в себе — совсем как Чапаев, исторически и психологически близкий ему тип. В романе находим еще один вариант «чапаевской ситуации» — коммунисты помогли главному преодолеть ошибки, укрепиться на верном пути.

Залыгин художественно выразительно раскрыл подход коммунистов к сложным нравственным проблемам, о которых скупо рассказывали писатели в 20-е и 30-е годы.

«— Мы — члены партийной ячейки! — заявляет один из руководителей республики, Довгаль. — Нас — горстка, а мы большевиками себя называем, ничуть не стесняемся перед любой массой. Почему? Потому что все светлое и большое в людях мы на себя берем и не глядим, что нам от этого тяжелее других будет, не жалуемся, тяжестью своей не хвастаем...»

Довгаль, комиссар Петрович, питерский рабочий Кондратьев, матрос Говоров, другие члены партийной ячейки берутся за то, что всего «тяжелее». И вступая в бой с белыми. И стараясь предотвратить конфликты в революционном лагере. Они ввели интернациональные роты в Моряшиху, чтобы остановить потерявшего самоконтроль Мещерякова. На собрании представителей районных и главного штабов, на съезде делегатов освобожденной территории коммунисты выполнили двойную задачу: до конца развенчать настроения стихийности, которым поддался даже Мещеряков, и в то же время защитить главнокомандующего. Ведь он, несмотря на срывы, безгранично предан революции.

Руководствуясь соображениями коммунистической нравственности, герои романа предпочитают Мещерякова с его ошибками Брусенкову с его разглазгованиями о безупречности революционера. Де-

мократизм, человечность для них — обязательная норма в отношениях с массой. Как решать стоящие перед республикой проблемы? Довгаль убежден, что «нынешний вопрос способны решить те, которые ближе всего стоят к идее, идейно же всею душою могут взглянуть на каждый факт, на всю нашу борьбу и жизнь. По-человечески взглянуть»...

Жизнь дополнила «чапаевскую ситуацию»: отстаивая истинно партийные методы воспитания, необходимо решительно бороться с их противниками, причисляющими себя к числу коммунистов.

Советские писатели всегда резко выступали против любых проявлений мелкобуржуазности, «левацких» настроений. Крикливым р-революционерам наша литература противопоставляет стойких борцов, решительных в схватке с врагом, демократичных в отношениях со своими людьми. Герой романа Виталия Закруткина «Сотворение мира» Илья Длугач, вопреки местным экстремистам, дает совет раскулаченному Шелюгину: «...Вертайся, очищенным, потому что как кулацкий класс тебя ликвидируют, а как человека на свет возродят, на ноги поставят и в семью свою примут...»

Еще один характерный пример. В дилогии «Полеская хроника» Иван Мележ рассказал о коллективизации белорусского села. О том, как возникает и крепнет новое в жизни, людях. Крестьяне поверили коммунисту Апейке, что «только в артели, в коллективе спасение», согласились с его гуманным отношением к вчерашним противникам; даже из Степана — сына кулака Глушака, верил Апейка, «человек... может выйти». А раз течение жизни отрывает ветви «от самого Глушакова дерева», «так и быть: бери течение, неси его с собою. Очищай... для новой, для нашей жизни!..» Однако автор «выпрямил» бы историю, если бы не заметил, что не все разделяют убеждения Апейки. «Брусенковские» идеи исповедует местный коммунист Башлыков. Та же безоглядная нетерпимость к людям, предпочтение приказа и насилия: «Им тянуться и тянуться надо, чтобы понять справедливость нашу, пролетарскую!.. Отдирать надо их от старого, не жалея!..»

Да, на протяжении истории заявляли о себе и Брусенковы, Башлыковы. То, что литература не обошла

их вниманием — признак ее объективности, художественного бесстрашия. Критический взгляд на прожитое и пережитое нужен и понятен. Понятно и стремление писателей, правдиво воссоздающих эпоху, проследить эволюцию других, гораздо более типичных характеров. Это люди, преодолевшие пережитки индивидуализма, собственничества, безудержного радикализма. Становясь сознательными вожаками масс, они растут в политическом, интеллектуальном, эмоциональном смысле. Рост личности объясним и результативен потому, что показан в верной социально-психологической перспективе.

В этой перспективе историческое становление нового человека прослеживается в таких романах и повестях, как «Дума про тебя» Михаила Стельмаха, «Буря» Вилиса Лациса, «Кровь и пот» Абдижамила Нурпеисова, «Февраль» Григола Чиковани, «Перване» Мирзы Ибрагимова, «Страшный суд» Алексея Югова, «Вершины не спят» Алима Кешокова, «Буйная Кура» Исмаила Шихлы, «Открытие мира» Василия Смирнова, «Сотворение мира» Виталия Закруткина, в прозе Владимира Санги, Ювана Шесталова...

Мысль об очищении в огне революции человека, выросшего в мире собственничества, с большой силой прозвучала в романах Анатолия Иванова «Вечный зов» и Петра Проскурина «Судьба».

В бой со страшными пережитками собственнической морали коммунисты-герои «Вечного зова» вступили еще в годы борьбы за Советскую власть. Продолжали этот бой, осуществляя коллективизацию. Вновь столкнулись с ядовитым пороком в период войны с гитлеризмом. Психологию собственника не всегда объяснишь социальным происхождением, биографией. Федор Савельев сражался на стороне красных, а в нем победило кулацкое нутро. Зато сын его Семен нашел свое место рядом с председателем колхоза Панкратом Назаровым, с секретарем обкома Субботиным. Иван Савельев, пройдя через заблуждения, службу у белых, в свою очередь, пришел в лагерь революции.

А на какую нравственную высоту поднимаются люди, ставшие борцами, коллективистами! Никогда не забудут рабочие своего директора Антона Савельева: он «жил, чтобы помогать жить другим», и погиб, предотвращая взрыв тола в цеху.

Диалектическим переплетением социального и нравственного отмечено сложное психологическое развитие деревенских коммунистов — героев романа Петра Проскурина «Судьба».

Русская деревня в 30-е годы. Колоритные человеческие типы. Черты нашего национального характера. Перестройка векового жизненного уклада, борьба с властью собственничества, уродующего людей, за коллективистскую мораль, невиданно расширяющую их горизонты. Это — содержание первой книги романа. Во второй действие разворачивается во время Отечественной войны. Те, кто «сумлевался» когда-то в колхозах, теперь соглашается, что без них было бы несравненно труднее одолеть захватчиков. Как не раз на протяжении веков, на защиту Родины поднялся весь народ, «сдвинулась с места самая хребтина России». «Центр тяжести войны» после Сталинграда «сместился не только во всем мире, но и в каждом отдельном человеке», это было «всеобщее предчувствие перемен политической и военной погоды, и, разумеется, каждый реагировал на это по-своему...»

Каждый по-своему — в этом творческая позиция автора. Он дает предельную свободу самовыражению сильных и противоречивых характеров — и в «стихийных» порывах души, и в становлении тех качеств, что принесены эпохой социалистического строительства.

Какая силища — Захар Дерюгин! Многим наделила его природа: умом, волей, смелостью, обаянием. Выбор сделал давно и навсегда — с революцией, колхозным строем. Его интересы — это уже прежде всего общественные интересы. Бойцом конницы Котовского, председателем колхоза, Дерюгиным руководили идеи справедливости, беззаветная готовность за них голову под топор положить. Пылкий, своенравный характер не могли сломить ни белогвардейские клинки, ни кулацкие пули, ни доносы клеветников. Но были и поступки, недопустимые для человека «на виду у других». Автор с излишней назойливостью указывает на «голос крови»; на Маню Поливанову Захар смотрел, «словно молодой зверь», в нем «степная азиатская кровь пошла гулять», «дремала, просыпалась временно слепая, звериная сила», и т. д. и т. п. Но силу страстей, обуревающих Дерюгина, Проскурин показал впе-

чатляюще. Любовная связь Дерюгина с Маней вызвала множество пересудов, стала предметом партийного разбирательства. Упрямый и безоглядный, Захар держался в райкоме вызывающе. Отвергая вмешательство товарищей, дошел до крайности, сам отдал свой партийный билет.

Да, исключительно противоречивый характер, писатель даже говорит о его «раздвоении». По-разному судят о Захаре односельчане; одни видят, сколько в нем «свету», другие — как много в нем «пропастей». Есть и то и другое, хотя постепенно побеждает «социальная закваска». Впереди у Дерюгина еще много испытаний, но он останется на передовых позициях колхозного строительства, будет с честью сражаться в Отечественную войну.

В отличие от Дерюгина, секретарь райкома партии Тихон Брюханов быстрее становится хозяином своих чувств, учится контролировать себя. На бюро райкома, где ему пришлось разбирать дело давнего друга, Брюханов не смог вытерпеть упрямой задиристости Захара, на резкости стал отвечать резкостями, в результате — потеря честного, хотя и ошибающегося коммуниста. Но в дальнейшем таких просчетов больше не происходит. Брюханов прислушивается к замечаниям первого секретаря обкома Петрова; сменив его на этом посту, он умело руководит партизанским движением в области, а затем — восстановлением народного хозяйства.

Как и Дерюгин, это характер крупный, волевой, неотделимый от своего времени. И опять-таки автор романа не забывает о «подсознательном». Решает и Брюханова провести через «искус плотью». Почти без всякой психологической мотивировки описываются отношения Тихона с Соней, с Клавдией Пекаревой. Как нечто фатальное, вспыхивает у Брюханова влечение к юной Алене Дерюгиной.

И все же название первой книги романа «Адамов корень» шире туманных рассуждений о «голосе крови». Корни человеческой жизни уходят в толщу народного сознания, напоминают герою о преданности среде, откуда он вышел, об ответственности перед новыми поколениями. Выразителями народного сознания выступают коммунисты. Враги — озверевший кулацкий выродок Макашин, который стал при немцах

начальником полиции, и бывший правый эсер, примазавшийся к партии Родион Анисимов хотели бы не только погубить самого Дерюгина, но искоренить весь его род. Макашин, захватив семью Захара, пытается перетянуть детей на свою сторону («Для отца нет ничего страшнее, если его сын врагом станет...»). Анисимов стреляет в человека, похожего на Дерюгина, видит ошибку и с ужасом понимает, что «Захара вообще нельзя, невозможно убить...».

Несмотря на утрату в некоторых случаях художественной меры, весьма невнятную, путаную сцену объяснения Петрова со Сталиным, роман вызывает большой интерес. Во многом благодаря тому, что Проскурин рисует образы обобщенно-символического звучания и достигает эффекта не холодными декларациями, а несомненным живописным мастерством. Предельный драматизм в развитии действия, углубление в психологию людей, постановка широких идейно-философских проблем, соотнесение судьбы индивидуальной и общенародной,— все это придает масштабность изображенным картинам. Большой эпохе, убежден писатель, соответствуют крупные, полнокровные характеры, которые надо понять и в главной — социальной! — их доминанте, и в реальной противоречивости натуры.

Этим эстетическим принципом руководствуется и ряд других писателей. В романе Григория Коновалова «Истоки» — та же идея, что у Проскурина: общество стимулирует лучшие задатки людей тем, что втягивает их в социальные устремления времени, возлагает на них ответственность за общенародные дела. Оставаясь самими собой, со всеми своими природными задатками, рабочая династия Крупновых в активной работе, нелегких раздумьях, идейных столкновениях выявляет самобытность своих характеров. Именно самобытность, а не самостийность; вторая нетерпима в атмосфере партийной принципиальности, определяющей нравственное развитие Крупновых в течение нескольких десятилетий.

Это глубоко позитивный процесс, который можно выразить словами Федина: шаги коммуниста — героя наших дней «ступали вослед событиям, и где находился он, находилась сама современность,— он создавал ее совершенно так, как она — его».

В любых жанрах не трудно назвать произведения, раскрывающие творческие задатки борцов против старого строя. Герои этих произведений, готовя и осуществляя революцию, не ограничиваются задачами разрушительного характера. Мечту, которой вдохновлен Кирилл Извеков, они начинают осуществлять еще до завоевания власти, вернее, параллельно с ее завоеванием. В этой связи сразу же всплывает в памяти роман Георгия Маркова «Сибирь».

4

С Сибирью Георгий Марков связей не прерывает. Нет, наверное, года, чтобы он не побывал в родных местах. «Страна детства» — это свежесть первых жизневосприятий и счастливая возможность сравнить то, что было, с тем, что есть. Воспоминания детских и юношеских лет писателя — суровые и мужественные труженики, осваивающие таежные просторы и ведущие борьбу за справедливую, разумно устроенную жизнь. Опыт последующих лет — уроки социалистической стройки (писатель был деятельным ее участником, начав тринадцатилетним селькором свой путь в литературу; его друзья и знакомые — сибирские крестьяне, рабочие, ученые, партийные работники).

Жизненное, творческое кредо Маркова нашло емкое выражение в одной из его публицистических статей: «Нельзя писать, не познавая Родины, не познавая жизни, ее людей, не видя полей и лесов, морей и рек, не слыша свиста степных ветров, не зная запахов родной земли. И познание это должно быть постоянным и непрерывным, как непрерывна сама жизнь».

Марков — из тех писателей, чье дарование ежедневно и ежечасно питается впечатлениями действительности. Постигать время — значит для него как можно больше видеть, слышать, наблюдать воочию. И вместе с тем его талант — думающий талант. Отсюда стремление проверять увиденное всей суммой существующих о данной проблеме сведений, документальными источниками, показаниями очевидцев. Личные наблюдения Марков неутомимо пополняет чтением специ-

альной литературы — краеведческой, статистической, изучением архивов, дневников, записей бывалых людей, беседами с этими людьми, со специалистами. Практика и наука равно близки и дороги писателю. Случалось, исходя из конкретных фактов живой действительности, он выявлял характернейшие приметы общего социально-политического процесса: так, его оценка движения скопцов, данная им, как художником, подтвердилась позднее строго научно — было установлено, что Томск наряду с Петербургом являлся центром этого движения. Бывало иначе: материалы теоретических исследований получали подтверждение фактами уже позднее — когда писатель по следам документов обращался к реальным обстоятельствам жизни.

Как бы с двух сторон — от собственной биографии потомственного сибиряка и от исторического общественного опыта — шел Марков к коренной теме своего творчества: Сибирь, ее прошлое, настоящее, будущее; Сибирь как неотделимая часть нашей революционной истории, нашего государственного развития по социалистическому пути. В известном смысле книги Маркова стали открытием Сибири. Ее бесконечные пространства издавна ассоциировались с дикой глухоманью, безжалостной царской каторгой. Учась у Вячеслава Шишкова и творчески споря с ним, Марков расширил наши представления о чудесном крае.

Он тоже влюблен в немереные просторы, в заповедную тайгу, в первозданную чистоту населяющих эти земли охотников, рыбаков, хлебопашцев. Но, как и его старшие современники — Фадеев, Сейфуллина, Всеволод Иванов, — Марков видит, сколь сложна, многообразна, драматична жизнь наших зауральских земель. Были и дикость, и темнота, и каторжные нравы. Однако главное в другом: в силе здоровых народных начал.

Это не та полурелигиозная «духовность», которую стали было поэтизировать некоторые писатели. Лучшие нравственные качества народа, утверждает автор «Сибири», закалены жестоким единоборством с природой, повседневным тяжким трудом, находят ярчайшие свои проявления, развитие, обогащение в классовой борьбе. Уже эпопея «Строговы» получила широкое признание как правдивое повествование о трех поколениях

ях крестьян, пришедших к необходимости революционного переустройства общества, к правде большевизма. Преемственность поколений свободлюбивых борцов, решивших и умеющих строить жизнь по-новому, стала основой идейно-художественного замысла романа Маркова «Отец и сын» — о первых сибирских коммунах. Хозяйское отношение к природным богатствам страны, которые должны служить народу, его будущему, — поэтический пафос «Соли земли».

Открывая Сибирь революционную, Марков воедино связал подвиги первопроходцев, исследовавших ее богатства, и революционеров, думавших о том, как эффективнее использовать эти богатства в общественных интересах. Концепция народной жизни у Маркова — это концепция поступательного хода истории, призванной решать задачи, которые под силу только коммунистам-ленинцам. Именно так воспринимается главная мысль романа «Сибирь».

К нему Марков был внутренне подготовлен всеми предыдущими своими художественными произведениями, публицистическими и литературно-критическими выступлениями, общественной деятельностью. Нужен был лишь толчок, чтобы приступить к новому труду. Как и обычно, его дала текущая жизнь. Однажды в Томск приехал сотрудник специального Геологического фонда. Он рассказал, что в бумагах фонда обнаружены заявки отца Георгия Маркова, связанные с месторождениями ртути и свинца. Мокея Фроловича к этому времени уже не было в живых. Его заявки относились к 1907 и 1910 годам, но своего значения они, оказывается, не утратили. Московские геологи решили проверить сведения, сообщенные Мокеем Фроловичем, за помощью обратились к его сыновьям. Георгий Марков и его старший брат взялись помочь в розысках предполагаемых месторождений и заодно выяснить, кто мог натолкнуть отца на мысль зафиксировать эти месторождения. Документы, рассказы людей раскрыли перед ними во многих деталях картину далеких лет, типичную для тогдашней Сибири. В районе Причудымья жили политические ссыльные, у них сложились добрые отношения с крестьянами. Марков-отец был проводником экспедиций Томского и других университетов; в состав этих экспедиций нередко входили и ссыльные. К тому же через родные места Марковых

проходили маршруты, по которым бежали с каторги борцы с царским режимом.

Сибирь — край бесконечной тайги. Но здесь же были и поселения революционеров. А также — подпольные большевистские центры, руководившие революционным движением, агитацией среди крестьян. Изнутри зная сибирскую жизнь, ее потаенные ходы, Марков смог разглядеть многое, остававшееся скрытым от поверхностных наблюдателей. Создать широкое эпическое повествование о далеких, своеобразных землях, как части революционной России, — вот цель, которую поставил перед собой и успешно решил автор.

Зрелость реалистического рисунка достигается в романе Маркова разными способами. Эпическим охватом событий, созданием широкой галереи персонажей из народа, живописностью изображения природы, быта, окружающей обстановки. Писатель не считает обязательным скрупулезно проследживать переходы чувств и настроений персонажей. Он пишет крупными мазками, берет людей в момент коренных решений, на переломе душевной жизни. Характеры раскрываются прежде всего в действии; сюжет романа очень динамичен. Народные речения, образные сравнения придают повествованию неповторимые краски и помогают автору воссоздать мировосприятие, языковую стихию основного его героя — революционного народа.

Чего только не увидишь на занесенных снегами просторах! Умный труд земледельцев, неповторимый уклад жизни северных народов, хитрое предпринимательство кулаков, произвол царских чиновников, свободолюбие и человеческая гордость одних, сытое тупое самодовольство других. Контрасты особенно разительны, противоречия доведены до предела. Социальные институты буржуазно-помещичьей империи приобретают здесь непривычные бытовые формы. А за всем, что так причудливо переплелось в отношениях и привычках, проступает противоположность интересов бедных и богатых, ощущаются тенденции революционные и охранительные.

Некоторые из действующих лиц романа навечно выбрали место в жизни. Богатей Епифан и его выморочная семья, другие хищники, грабящие на заимках и русских крестьян, и «инородцев», кулацко-поповская

свора, полицейские чины, жандармские ищейки — один лагерь, нарисованный в его нравственном разложении. Большевики из ссыльных, такие люди, как фельдшер Федор Горбяков, выполняющий их поручения и хранящий партийные документы, как крестьяне Федот Федотович Безматерных, Лукьянов, переправляющие ссыльных, — другой лагерь.

С революционерами — все передовое в народе. К ним тянутся те, кого судьба чуть не увела на чужую сторону, как, например, Полю Горбякову.

У Маркова великолепно выписаны женские образы. Дочь Горбякова Поля, так случилось, вышла замуж за кулацкого сына. Безудержная корысть, грязь, гнусное распутство — ведь все это может засосать и ее, Полю! Поездка со свекром на дальнюю заимку стала переломом в жизни молодой женщины. Она увидела преступления богачей, охотно взялась выполнить партийное поручение — установить связь с Иваном Акимовым.

Другая героиня романа — Катя Ксенофонтова — уже давно включилась в борьбу. Она выполняет задания партии, приехала в Сибирь с паспортом и деньгами для Акимова — центр решил организовать его побег. Во время поездки по селам вступает в разговоры с крестьянами, солдатами, ведет большевистскую агитацию, продолжает собирать материалы для своего исследования о классовой борьбе. Рассказывая, как Катя с помощью крестьян бежала из-под ареста, автор комментирует: она «поступила так, как поступил бы на ее месте любой большевик».

Встречи с забитыми мужиками и «правдоискателями», с агентами других партий, со старой Мамикой — воплощением народной совести и чести, — все это для Кати вроде тех «университетов» народной жизни, которые проходил Горький. Она тоже убедилась в готовности России к революции: «Если свести все мои впечатления к одному итогу, то скажу вот что: народ в Сибири жаждет революции, ждет ее и, несомненно, поддержит нас».

Эти слова из неотправленного письма Ивану Акимову подводят итог размышлениям и Кати и всех, кто всерьез думает о сегодняшнем и завтрашнем дне России. Кто ощущает взволнованный, радостный подъем, все больше овладевающий революционерами.

В «Сибири» получила освещение тема: *революция и нравственность*, являющаяся чрезвычайно актуальной. Антикоммунисты упорно противопоставляют революцию, вынужденную защищать себя от недругов и потому якобы безнравственную, абстрактным моральным ценностям, псевдогуманистическим заклинаниям. На самом же деле революция и человечность — слова-синонимы.

Одухотворенность всех помыслов и побуждений, неподдельность чувств — вот что отличает и Катю и Ивана. Борьба, в которой они участвуют, не огрубила их души, а сделала тоньше, отзывчивее. Очень целомудренной выглядит их встреча в Сибири, в лесной избушке. Естественность молодого чувства; и высота моральной ответственности за себя, за любимую, за общее дело; и полнота доверия друг к другу. Акимов только еще раскинул руки для объятий, а Катя самозабвенно кинулась к нему. Он помнил, что девушка — «его сердечная тайна»; ей слова полученной когда-то записочки «наподобие волшебного огонька светили всегда — и в темную ночь, и в ясный день...». Этот свет и нынче в глазах Кати, согретая любовью душа подсказывает нежные слова, и все вместе пьянит Ивана сильнее самого крепкого вина. В его голове мелькали привычные доводы: сейчас не до любви, кто знает, что принесет будущее. Но рабом догм Акимов не был. Катя верила ему, знала, что любовь сделает их обоих сильнее стократ. «Руки Акимова ослабли, и он чуть не выронил Катю. Она почувствовала это и еще крепче обвила руками его шею, плотнее прижалась к нему». Молодые люди верят в счастье, они хотят быть счастливыми, и писатель нашел яркие краски, чтобы изобразить красоту движущих ими чувств.

Утро нового мира, радостное, многообещающее — такими видятся те тоды сегодня. Умалчивать о потерях, бедах, ошибках — значит преуменьшать подвиги героев. Окружать их ореолом жертвенности — фактически обеднять души и не видеть, чем увенчались славные дела. Нет, не беспредметны восторженные думы борцов о светлом будущем, цветущих парках, мощных комбинатах, воздушных магистралях. Не просто мечта — готовность большевиков к созидательной работе, простор для которой откроет революция.

Основные линии романа ведут к прославленному ученому профессору Лихачеву. Он издавна исследует Сибирь, ее геологические и гидроэнергетические богатства. Отказался передать свои материалы царским чиновникам, иностранным лазутчикам. Поверил только большевику Ивану Акимову — своему племяннику. И когда Лихачев оказался в Стокгольме, партия решила отправить туда Акимова, чтобы доставить профессору вновь найденные документы.

Акимову совершенно ясно: «Россия должна повернуть круто свой исторический путь. Выбор у нее единственный — революция». Проехав по следам Лихачева, Иван — геолог по образованию — воочию увидел сказочные сибирские богатства — нефть, железо, газ. Все это так понадобится после победы! Изыскания профессора, его карты — драгоценнейшее достояние народа, спасти их — оказать огромную услугу революции. «Мысли Акимова уносились в далекое будущее. Он временами забывал, где он, что с ним...»

Наверное, эту фразу в какой-то мере можно и оспорить: вряд ли ссыльный революционер, осуществляя побег с каторги, так уж начисто забудет, «где он, что с ним». Художественная же акцентировка на увлечших Акимова планах строительства будущего понятна. Изображая Россию конца 1916 — начала 1917 года, писатель хотел сказать не только о том, что близок час революционного взрыва, но и о том, что впереди — новая эпоха, взлет творческих потенций трудового народа.

Герои романа не только сберегают документы, которые нужны для будущего. Они напряженно осмысливают и сегодняшний и завтрашний день, подобно тому как делал это Кирилл Извеков, вспоминая ленинские слова о том, что исходом гражданской войны решается судьба революции. Мысль большевиков устремлена к философии истории; философия эта связывается ими с будущностью страны, ее человеческими, природными богатствами.

В интервью для журнала «Вопросы литературы» Марков подробно рассказал о том, как относились большевики к исследованию природных сокровищ Сибири: «Это огромная проблема исторической важности. За ней просматриваются принципиальные черты революции, программы большевиков по социалистиче-

скому преобразованию страны». Для понимания характерных особенностей Октября Марков и посчитал нужным художественно воспроизвести историю исследования Сибири большевиками еще до революции.

«Какие проблемы возникают перед писателем, когда он обращается к историко-революционной теме? Я думаю, что мы должны больше выявлять позитивный дух нашей Великой революции, ибо революция, только разрушая, не могла бы победить. Разрушая старое, революция создавала новое. Ленинизм, в отличие от всех прежних учений, поражает тем, что, не оставляя камня на камне от старого мира, в то же время на его обломках строит, формирует новое. Созидательный дух ленинизма, его пафос строительства нового мира — вот что сделало революцию непобедимой. Это относится непосредственно к большевизму. Но не всегда, рисуя революцию, мы выявляли до конца большевизм как идеологию революции, которая вбирает в себя и опыт масс и опирается на теорию научного социализма».

Трактовка, которую получает у Маркова тема «революция и история», придает подлинно современное звучание образу большевика Акимова.

Удачно решена в «Сибири» еще одна тема, раньше не ставившаяся автором так полно и широко: интеллигенция и революция. В поле внимания Маркова прежде всего народная интеллигенция, твердо сделавшая свой выбор: Акимов, Катя, Горбьяков. Не меньше волнует его и судьба ученых, подобных профессору Венедикту Петровичу Лихачеву (к сожалению, этот образ здесь не столь ярок, как другие). С власть имущими у людей типа Лихачева нет и не может быть ничего общего; он демократичен, принципиален в своих убеждениях, однако позиция бесстрастного «академизма» долгое время не позволяла ему перешагнуть барьер, отделяющий от активных революционных действий. Между тем только в этом случае его знания получают наилучшее применение. В «Сибири» освещена та работа партии в научной среде, о которой мы знаем на примере судеб Тимирязева или Мечникова.

Слишком поздно попал Акимов в Стокгольм: Лихачева уже нет в живых, многие папки с материалами

похищены. К счастью, сохранилась часть рукописи. В ней план исследования, размышления о неисчислимых богатствах сибирских земель: «Даже трудно охватить умом, какой дар поднесла русскому человеку природа, наделив его таким богатством». Тут же мысли Лихачева о развитии событий, о самом себе.

«Все больше и больше задумываюсь,— пишет он,— кто, какой общественный слой в состоянии поднять производительные силы Сибири, вдохнуть в ее просторы жизнь и действие, на деле осуществить гениальный завет Михайлы Ломоносова: «Российское могущество прирастать будет Сибирью»?!

Мечусь и терзаюсь в раздумьях и, как ни прикидываю, вижу одну лишь силу, способную взять на себя эту титаническую работу — партию эсдеков-большевиков. Есть у нее для этого и ум, и отвага, и смелость, и корни ее уходят глубоко в народ, и потому за ней будущее».

Запись профессора Лихачева — еще один штрих, выразительно оттеняющий сквозную идею романа: именно партия большевиков могла стать и стала вождем народа в переустройстве всей жизни на совершенно новых началах, именно этой партии принадлежит будущее. То самое будущее, когда с таким уважением и любовью молодежь послевоенных лет будет относиться к поколению Ивана Акимова — его представителя встретим мы в рассказе «Земля Ивана Егорыча», где изображен ушедший на пенсию и все равно очень нужный окружающим секретарь райкома.

В коммунистах — героях Маркова узнаются черты верных ленинцев.

О ленинских чертах, ленинском стиле жизни и работы неоднократно говорилось в этой книге. В духовной сокровищнице нашего народа не только мысли и заветы Ленина. С нами и светлый облик Ильича, правдиво воссозданный в художественных произведениях.

5

Художественная Лениниана — большое достижение советской литературы и искусства. У истоков ее — знаменитый очерк Горького и поэма Маяковского. За последние годы Лениниана обогатилась такими значи-

тельными произведениями, как трилогия Мариэтты Шагинян, «Возгорится пламя» и «Точка опоры» Афанасия Коптелова, «Удивительный год» и «Три недели покоя» Марии Прилежаевой, «Ленин разговаривает с Америкой» и «Дипломаты» Саввы Дангулова, «Искры» Михаила Соколова, «Маленькая железная дверь в стене» Валентина Катаева, «Ульяновы» Владимира Канивца, «Черные сухари» Елизаветы Драбкиной, «Золотой пояс» Дмитрия Еремина, книги Сергея Сартакова, Зои Воскресенской, Виктора Тельпугова, Сергея Алексеева, поэма «Лонжюмо» Андрея Вознесенского,— все, заслуживающее внимания, здесь не перечислить.

У нас нет возможности заняться всесторонним анализом столь обширной художественной Ленинианы; это задача специальных работ. И все же одна весьма примечательная черта Ленинианы заслуживает того, чтобы сказать о ней особо. Это все более углубленное исследование средствами искусства созидательно-гуманистического характера всей деятельности Ленина, Коммунистической партии. То пристальное внимание к организаторской силе ленинских идей, которым отмечена, например, поэма Владимира Маяковского, красной нитью проходит через пьесы Николая Погодина. Пристальный интерес Горького и Маяковского к гигантской работе ленинской мысли не мог не сказаться на сочинениях Мариэтты Шагинян и Бориса Галина, попытавшихся заглянуть в творческую лабораторию Ленина — мыслителя, философа.

Творчески углубленная работа художников над великим образом — ответственная школа мастерства. В ходе такой работы оттачиваются важнейшие принципы изображения нового человека.

Руководитель и масса, человек и дело, политика и человек — эти понятия в их внутренней диалектике многое объясняют в существе коммунистической жизнедеятельности. Употребляя словосочетание *политик и человек*, мы приближаемся к психологическому и эстетическому обоснованию художественных открытий нового человеческого типа. В наших условиях политика, народная, гуманистическая политика, прочно входит в жизнь, в сознание передовых людей, становится для них глубоко личным, органически необходимым делом. В то, как осуществляет коммунист политические цели,

он вкладывает свою личность, выстраданные убеждения, мысли и эмоции.

В последние десятилетия увидело свет немало произведений, изображающих внутреннюю жизнь Ильича — в том числе и повесть «Синяя тетрадь» Эммануила Казакевича. Писатели постоянно обращаются к ленинским мыслям о существовании революционной тактики, о гуманизме, сознательной дисциплине. И то и другое открывает простор для верного осмысления деятельности Ленина — политика и человека. Но бывало и искусственное разъединение этих двух понятий.

Когда-то Ленина, случалось, рисовали фигурой загадочной; получалось так, что его заботит лишь ход истории в целом, но не отдельный человек. Затем проявилась другая крайность: стремление изобразить вождя «добреньким», сентиментальным мечтателем, который всех жалеет и прощает. Между тем успехи нашей Ленинианы связаны с художественным постижением внутренней связи понятий политик и человек.

Как человек большого сердца и широкой души, как убежденный гуманист, Ленин выступает в драматургии Николая Погодина, Александра Корнейчука, в пьесе Дмитрия Зорина «Вечный источник», где губпрокомиссар, «забывший сегодняшние интересы масс», квалифицируется Ильичем бескомпромиссно: «...пугало, а не коммунист!..»

Гуманизм для Ленина неотделим от социализма, от новой организации отношений между людьми, враждебен абстракциям, бездейственности. Ильич всегда руководствовался и интересами дела, и человечностью. Он призывал практически утверждать *реальный* гуманизм, гуманистическими целями выверять избранную политику. В пьесе Николая Погодина «Третья, патетическая» один из персонажей признается Ленину: «Удивительно не то, что вы жизнь верно подмечаете. Мне удивительно то, что все свои заметки вы на политику поворачиваете». Ленин, в свою очередь, говорит: «Я политик до мозга костей», и каждый свой шаг соизмеряет с соображениями общего дела. Это политика народная, гуманистическая. Вслед за приведенными словами идут ленинские размышления о молодом рабочем: «Я уже теперь в невероятной бездне противоречий

вижу людей завтрашнего дня... людей, которыми можно гордиться перед всем миром. Вот почему я бесконечно верю в Прошку. И без этой веры не было бы Октября и человечеству не светили бы бессмертные огни Смольного». А чтобы ничто не заслонило бессмертных огней революции, большевики вынуждены карать тех, кто подрывает ее завоевания. Ленин отказывает Ирине Сестрорецкой в помиловании брата, уличенного во взяточничестве, и объясняет, почему не может «быть добрым». «Обычно видят человека там, где он добрый, а если он не должен быть добрым, не может быть, тогда уж — каменное сердце. В таком случае, простите, все хлюпики есть люди-человеки, а люди с принципами уже не люди».

Люди с принципами остаются людьми и потому, что верны своим убеждениям, и потому, что в борьбе за них не выглядят бесчувственными истуканами. Многообразие ленинских раздумий включает все — от неколебимой уверенности до взволнованных переживаний. Автору пьесы «Между ливнями» Александру Штейну удалось воспроизвести ленинский внутренний монолог, потому что он передал неразделимость того, что чувствовал Ленин-человек, и что делал Ленин-политик.

У нас нет пока произведений, где была бы ярко и правдиво раскрыта масштабность душевной жизни Ильича, ее сила и глубина. И — динамичность. Может быть, слабость некоторых изображений объясняется тем, что они одноплановы и статичны. А ведь биография Ленина дает поразительные примеры исключительной интенсивности идейных исканий, высоких человеческих переживаний. Мне уже доводилось цитировать одно место из ленинской работы «Как чуть не потухла «Искра»?», носящее автобиографический характер. Автор подробно рассказывает о политических причинах разрыва с Плехановым в 1900 году. Восстанавливает историю их личных отношений. Откровенно пишет, как трудно было порывать с близким прежде человеком. Дает блестящий набросок психологического состояния — своего и своих соратников.

«Трудно описать с достаточной точностью наше состояние в этот вечер: такое это было сложное, тяжелое, мутное состояние духа! Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем носился, как с любимым

детищем, долгие годы, с чем неразрывно связывал всю свою жизненную работу...

Никогда не забуду я того настроения духа, с которым выходили мы втроем: «мы точно за покойником идем», сказал я про себя. И действительно, мы шли, как за покойником, молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты. Точно проклятье какое-то! Все налаживалось к лучшему — налаживалось после таких долгих невзгод и неудач, — и вдруг налетел вихрь — и конец, и все опять рушится. Просто как-то не верилось самому себе... неужели это я, ярый поклонник Плеханова, говорю о нем теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами и с чертовским холодом на душе, говорить ему холодные и резкие вещи, объявлять ему почти что о «разрыве отношений»? Неужели это не дурной сон, а действительность?»¹

Потрясающие строки! Вот какие бури бушевали в душе Ильича и вот что предшествовало решениям, которые он принимал как политик! Но принимал! Как веление времени и как личную потребность и необходимость. Обидно, горько рвать с Плехановым, однако этот шаг подготовлен и глубокими разногласиями, личным неприятием всего плехановского отношения к жизни и людям и «чертовским холодом на душе». Ленин-политик и Ленин-человек — нечто единое; для коммуниста социальное и нравственное — две стороны одной медали.

Глубокая человечность Ленина неотделима от его принципиальности, глубина переживаний — от силы убеждений. Вести полемику не всегда так уж приятно. Разрыв с вчерашними единомышленниками огорчителен. Но если нужно пройти через схватки, через разрыв — большевики не колеблются. Если предстоит борьба, — они готовы к ней. Услышав сетования одного «центриста», что на II съезде РСДРП якобы царила «тяжелая атмосфера», потому что шла «ожесточенная борьба», велась «резкая полемика», Ленин посчитал нужным прямо оспорить мнение своего собеседника. «Какая прекрасная вещь — наш съезд!» — отвечал я

¹ В. И. ЛЕНИН. Полн. собр. соч., т. 4, с. 344—345, 346—347.

ему. «Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! — вот это я понимаю. Это — жизнь»¹.

Так писал Ленин о съезде, отличавшемся острой внутрипартийной борьбой. Так он думал и во многих других случаях. «Этап пройден. Вперед!» — вот боевое, подлинно революционное мировосприятие.

Духовно прекрасный, гармонически развитый — таким представляется человек коммунизма взгляду художников слова. Становление такого человека правдиво показано в лучших произведениях наших дней; его черты авторы обнаруживают у своих современников — верных сынов и дочерей Коммунистической партии, передовых советских людей.

Образ строителя коммунизма, героя новой пятилетки, убежденного борца за победоносные ленинские идеи привлекает умы и сердца поколений советских людей, наших друзей во всем мире, служит светлым примером в их жизни. И поныне каждый из нас с гордостью повторит Маяковского: «Я себя под Лениным чищу»!

Нет выше звания, чем звание Коммуниста — правофлангового всенародного движения к высотам человеческого счастья. Отсюда — жгучий интерес к каждому образу «человека партии», созданному нашей литературой и искусством. Но отсюда же — и высокая мера читательской, зрительской требовательности.

Радует, что все более углубленно, с чувством высочайшей ответственности работают советские писатели над темой партии, что все шире и многообразнее становится галерея изображаемых ими человеческих типов. Однако, подводя итоги достигнутому, приходится констатировать: у нас еще нет новых книг, равноценных таким, например, книгам, как роман Николая Островского или «Поднятая целина». Еще не нарисован в полный рост коммунист — наш современник во всем богатстве его идейных устремлений, созидательной деятельности. Нужен упорный и настойчивый труд художников, чтобы

¹ В. И. ЛЕНИН. Полн. собр. соч., т. 8, с. 333.

удовлетворить ожидания взыскательной советской общественности.

Ожидания же эти вполне естественны и закономерны: советские читатели хотят видеть яркий пример для подражания, высокий образец жизни, труда, борьбы. Пример, каким всегда являлся и будет являться коммунист-ленинец, член партии, воплощающей ум, честь и совесть нашей эпохи.

СОДЕРЖАНИЕ

«Коммунисты, вперед!»	5
В атмосфере творческого подъема	17
Сталь закаляется на большом огне	39
Долг командира — долг человека	71
Деловые люди, их моральный потенциал	97
В борьбе за счастливую судьбу	125
Об «идеалистах», «рационалистах», о вере в идеал	149
Вина или беда директора?	175
«Чапаевская ситуация»	207
Героизм на всю жизнь	237
Масштабы исторического мышления	263

52873

Озеров Виталий Михайлович

О 46

Коммунист наших дней в жизни и в литературе. Литературно-критические и публицистические очерки. М., «Худож. лит.», 1976.

301 с.

Автор книги делится с читателями своими размышлениями о духовном облике коммуниста, прослеживает, как один из центральных образов советского искусства воссоздавался в советской литературе с первых ее шагов и до наших дней.

Значительное место занимает в книге анализ наиболее заметных произведений советской многонациональной литературы последних лет.

О 70202-148 223-76
028(01)-76

8P2

**Виталий Михайлович
Озеров**

**КОММУНИСТ НАШИХ ДНЕЙ
В ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ**

•

**Редактор А. Старков
Художественный редактор
Г. Масляненко**

**Технический редактор
Л. Витушкина**

Корректоры

Г. Киселева и О. Наренкова

•

Сдано в набор 6/VIII 1975 г. Подписано к печати А 11312 от 15/XII 1975 г. Бумага типографская № 1. Формат 84×108¹/₂. 9,5 печ. л. 15,96 усл. печ. л. 15,464 уч.-изд. л. Заказ 617. Тираж 35 000 экз. Цена 98 коп.

Издательство «Художественная литература», Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект имени В. И. Ленина, 109